

БЕСТСЕЛЛЕР
THE NEW YORK TIMES

Необыкновенная
история
про Эмили
и её хвост

Лиз Кесслер

Лиз Кесслер
Необыкновенная история
про Эмили и её хвост
Серия «Приключения
Эмили Ветрохват»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42707786

*Лиз Кесслер «Необыкновенная история про Эмили и её хвост». Серия «Приключения Эмили Ветрохват»: Издательство АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-114603-0*

Аннотация

Если в твоей школе начинаются уроки плавания, будь осторожна – вдруг твои ноги превратятся в хвост, как это случилось с семиклассницей Эмили. Узнав о том, что она наполовину русалка, девочка отправляется в путешествие по таинственному подводному миру, чтобы познакомиться с морским народом и найти своего отца, которого она никогда не встречала. Эмили ждут невероятные и опасные приключения: ей предстоит разгадать тайну своего рождения, спасти всех русалок и тритонов от разбуженного морского чудовища, помочь морскому царю Нептуну вернуть давно потерянную любовь, снять с себя проклятие и исполнить самую важную миссию – помирить людей с обитателями океана.

Содержание

Необыкновенная история про Эмили и её хвост	4
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	88
Глава 8	100
Глава 9	108
Глава 10	119
Глава 11	132
Глава 12	149
Глава 13	158
Глава 14	172
Глава 15	190
Глава 16	204
Благодарности	215
Что осталось за кадром «Мира Эмили Ветрохват»	217
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Лиз Кесслер

Необыкновенная история про Эмили и её хвост

Необыкновенная история про Эмили и её хвост

Для Фрэнки, Люси, Эмили и отца

*Милые дети, давайте уйдем
В подводную голубизну!
Там мои братья, в заливе наш дом,
Там бури на берег гонят волну,
Там вольно отливы текут в глубину,*

*Там белые кони летят табуном,
Их яростный бег не удержишь кнутом.
Дети мои, давайте уйдем
За оком, за оком!*

Мэтью Арнольд, «Покинутый Тритон»

Глава 1

Вы умеете хранить секреты? Конечно, секреты есть у всех, но мой – особенный. Он удивительный и странный. Иногда мне снятся страшные сны, будто мой секрет раскрыт и меня посадили в зоопарк или сдали в исследовательскую лабораторию.

Все началось, когда я перешла в седьмой класс и у нас ввели уроки плавания. Они должны были проходить по средам, я с нетерпением ждала первого занятия. Моя мама терпеть не может плавать, и, когда я спрашивала, почему бы мне все-таки не научиться, она быстро переводила разговор на другую тему.

– Мы ведь живем на лодке! – удивлялась я. – Вокруг нас – вода!

– Ну нет, меня в воду не заманишь, – отвечала мама. – Посмотри, сколько в ней мусора после того, как моторки мотались туда-сюда целый день. Хватит болтать, лучше помоги мне порезать овощи.

Не разрешила она мне и посещать уроки плавания в начальной школе. Заявила, что это может быть заразно.

– Фу, всей толпой плескаться в одном бассейне! – Маму даже передернуло. – Благодарю покорно, мы с тобой как-нибудь обойдемся.

На этом все и кончилось.

Уломать ее удалось только этим летом, когда я перешла в среднюю школу.

– Ну хорошо, хорошо, – со вздохом согласилась мама. – Сдаюсь. Главное – меня не пытайся за собой тащить.

Тогда я еще ни разу не плавала в море, даже в ванне не купалась. Только не подумайте, что я какая-то там грязнуля: мы каждый вечер принимаем душ. Просто на лодке нет места для настоящей ванны, поэтому я ни разу не погружалась в воду целиком. Пока не наступила та среда в седьмом классе.

Мама купила мне специальную сумку для купальника и полотенца. С одного боку там была нарисована женщина, плывущая кролем. Я смотрела на картинку и воображала, как выигрываю Олимпийские игры и на мне точно такой же облегающий купальник и черные очки для плавания.

На деле все получилось не совсем так.

Когда мы пришли в бассейн, мужчина в белых шортах, красной футболке и со свистком на шее отправил девочек в одну раздевалку, а мальчиков – в другую.

Я торопливо переоделась в уголке: не люблю, когда кто-нибудь на меня при этом смотрит. Я очень тощая, с ногами-прутиками, да еще исцарапанными от вечного лазанья на борт «Морского царя». «Морской царь» – это наша лодка. Название немного напыщенное для маленького парусного

суденышка с плесневелыми канатами, облупившейся краской и койками шириной со школьный пенал. Ну и ладно. К тому же обычно мы называем лодку просто «Царем».

– Мне нравится твой купальник, – улыбнулась Джулия Кроссенс, складывая вещи в шкафчик.

Купальник у меня был черный, с широкой белой полосой посередине.

– А мне – твоя шапочка, – улыбнулась я в ответ, глядя, как Джулия натягивает розовую купальную шапочку.

Я тоже заправила волосы под свою. Обычно я ношу распущенные, но сегодня мама велела завязать их в хвостик. Волосы у меня пепельно-русые и пока коротковаты, но я их отращиваю. Сейчас они уже ниже плеч.

С Джулией мы иногда сидим за одной партой. Мы не лучшие подруги. Моей лучшей подругой была Шэрон Маттерсон, но она поступила в католическую школу, а я – в Брайтпортскую среднюю. Джулия – единственная, с кем я здесь могла бы подружиться. Хотя сама она, по-моему, предпочла бы Мэнди Раштон. Они часто зависают вместе на переменах.

Я не обижаюсь. Почти. Просто я еще не освоилась и иногда не могу найти столовую или какой-нибудь класс. Вдвоем искать было бы веселей. Эта Брайтпортская школа раз в десять больше моей начальной! Она похожа на огромный лабиринт, здесь просто МИЛЛИОНЫ мальчишек и девчонок, и все, похоже, точно знают, где и что.

– Идешь, Джули? – Между нами влезла Мэнди Раштон,

нарочно повернувшись ко мне спиной. Покосившись на меня, она прошептала что-то на ухо Джулии и захихикала. Они вместе вышли, и Джулия даже не посмотрела в мою сторону.

Мэнди живет на пристани, как и я. У ее родителей зал игровых автоматов, а живут они над залом: в квартире на втором этаже. Раньше мы даже немножечко дружили, пока я не проговорила маме, что Мэнди показала мне, как получить дополнительные ходы у «однорукого бандита». Я вовсе не собиралась устраивать Мэнди неприятности, но... В общем, теперь в зале игровых автоматов я – нежеланный гость. Если честно, с тех пор Мэнди со мной не разговаривает.

И вот сейчас мы оказались в одном классе. Как назло. Мало мне новой школы размером с город.

В общем, свои сборы я закончила в одиночестве.

– Итак, 7-й «В», слушайте сюда, – сказал мужчина со свистком, представившийся Бобом. – Все умеют плавать?

– Разумеется, все, – буркнула себе под нос Мэнди. – Что мы, малышня, что ли?

– Вот и славненько. – Боб посмотрел на нее. – Может быть, с тебя и начнем? Покажи нам, что ты умеешь.

Мэнди шагнула к краю бассейна, сунула большой палец в рот и залопотала:

– Ой, посмотрите на меня! Я младенец, я совсем не умею

плавать!

И, не выпуская пальца изо рта, боком плюхнулась в бассейн. Она притворилась, что тонет, хотя на самом деле нормально держалась на воде, плывя по-собачьи. Когда Мэнди добралась до конца дорожки, полкласса уже держалось за животы со смеху.

Чего нельзя было сказать о Бобе. Его лицо побагровело.

– По-твоему, это смешно? Вон из воды! Сейчас же! – заорал он.

Мэнди выбралась из бассейна и с улыбочкой раскланялась.

– Глупая девчонка! – Боб протянул ей полотенце. – Будешь сидеть в стороне и любоваться, как плавают другие.

– За что? – Улыбка сползла с губ Мэнди. – Это нечестно! Что я такого сделала-то?

Но Боб уже повернулся к ней спиной.

– А теперь, класс, начнем все сначала. Кто умеет хорошо плавать и при этом не собирается баловаться в воде?

Три четверти класса подняли руки. Мне отчаянно хотелось в бассейн, но руку поднять я не посмела. Только не сейчас.

– Отлично, – кивнул Боб. – Можете поплавать, если хотите, но на глубину не лезьте, – сказав это, он повернулся к остальным, жмушмя у бортика. – А я пока займусь вами.

Но едва он отвернулся, я не выдержала. Шмыгнула к тем, кто обходил бассейн, направляясь к «лягушатнику»! Это бы-

ло безрассудством, ведь я еще ни разу в жизни не плавала – но откуда-то точно знала, что смогу. К тому же вода выглядела такой притягательной, прозрачной и спокойной: она словно затаилась, ожидая, когда кто-нибудь прыгнет в нее и оживит брызгами и волнами.

Вниз, под воду, уходило пять крутых ступеней. Я встала на первую. Теплая вода лизнула мне пальцы ног. Спустилась на вторую. Вода плеснула мне по коленкам. Еще две ступени – и все, я в воде!

Нырнув с головой, я широко развела руки, задержала дыхание и поплыла в глубину. Подводная тишина окружила меня со всех сторон, вода звала, манила мое тело своим упругим спокойствием. Я почувствовала, что обрела новый дом.

– Вот это уже больше похоже на плавание! – закричал Боб, когда я вынырнула на поверхность. – Ты словно родилась в воде! – И он повернулся к моим одноклассникам, уставившимся на меня с разинутыми ртами. – Надеюсь, к концу наших занятий вы тоже так научитесь.

Мэнди бросила на меня испепеляющий взгляд.

Тут-то все и случилось.

Около минуты я скользила по поверхности, будто летучая рыбка. И вдруг ноги будто заклинило. Словно кто-то склеил мои бедра и наложил шину на щиколотки! Стараясь улыбаться, я гребла руками к бортику, но ноги оставались как каменные! Я не чувствовала больше ни коленей, ни ступней, ни пальцев. Да что же это такое?

Секунду спустя, уже почти погрузившись под воду, я завопила. Боб, как был в шортах и футболке, сиганул в бассейн и поплыл ко мне.

– Мои ноги, – просипела я. – Я их не чувствую.

Поддерживая меня под подбородок своей широкой ладонью, Боб поплыл на спине к бортику.

– Не волнуйся, – сказал он, не прекращая работать ногами. – Это просто судорога. С каждым может случиться.

Мы доплыли до высоких ступеней и присели на верхнюю. Стоило вылезти из воды, как странное ощущение меня покинуло.

– Давай-ка посмотрим, что у тебя с ногами. – Боб пересадил меня на бортик. – Можешь поднять левую?

Я подняла.

– А правую?

Легко.

– Больно?

– Ни капельки, – ответила я.

– Да, похоже, просто судорога. Посиди тут немного: отдохни, прежде чем снова плавать.

Я кивнула, и Боб вернулся к остальным. Однако я успела почувствовать то, чего он не заметил. И заметила то, чего он не почувствовал. У меня не было никакого объяснения случившемуся, но одно я знала точно: больше в бассейн ни ногой! Даже за миллион фунтов.

Я просидела на бортике довольно долго. Уже весь класс бултыхался; даже Мэнди позволили поплавать. Мне же неприятно было находиться к ним так близко: я боялась, что меня забрызгают и все повторится. По дороге домой я нервничала, опасаясь оступиться и свалиться с причала в море.

Причалы тянулись вдоль всего пирса. Рядом с нашей лодкой пришвартовано еще три судна: роскошный белый катер и две большие яхты. Но на них никто не живет.

Я осторожно ступила на причал. У нас была старая доска, по которой мы перебирались на борт «Царя». Давным-давно, когда я была еще маленькой, мама переносила меня по ней на руках. Но теперь я бегала по сходням сама. Вот только сегодня у меня ничего не получалось.

– Мам! – окликнула я с причала. – Я не могу перебраться!

На верхней палубе показалась мама в атласном халате и с полотенцем на голове.

– Что случилось? Я собираюсь в книжный клуб.

Я ни жива ни мертва стояла на причале. Вокруг колыхалось множество лодок, сливаясь в трепещущую массу мачт и парусов. Я уставилась на «Царя». Его парус был опущен. Мачта покачивалась вместе с лодкой, деревянная палуба блестела от брызг. Когда я перевела взгляд на ряд иллюминаторов вдоль борта, перед глазами у меня замельтешили тем-

ные пятна. Сверху по борту шел тонкий металлический поручень.

– Мне страшно, – призналась я.

Наконец мама, затянув потуже пояс халата, протянула мне худую руку.

– Давай уже, я тебя держу.

Я перешла по доске, и мама крепко обняла меня.

– Глупышка, – сказала она, ероша мне волосы, и ушла собираться в свой книжный клуб.

Моя мама вечно посещает не один, так другой клуб. В прошлом году ходила на пилатес, теперь вот – в книжный клуб. Она работает в букинистическом магазинчике на набережной. Там они и заседают. На самом деле у них здорово. Они открыли даже небольшое кафе, где можно купить густой молочный коктейль с настоящими фруктами и огромные овсяные печенья в шоколаде. Я уверена, что для мамы книжный клуб – это просто повод встретиться с подружками и вдоволь поболтать. Ну и пусть, зато она не висит у меня над душой.

Когда ее нет, за мной присматривает дородная предсказательница Милли, гадающая в порту по руке. Милли классная. Иногда она практикуется на мне в искусстве рейки и шиаци. А однажды даже принесла карты Таро. Предсказала, что я стану круглой отличницей и заслужу всеобщее признание. На следующий же день мне вклеили «кол» за диктант, и пришлось три раза оставаться после уроков, чтобы испра-

вить оценку. В этом вся Милли.

К счастью, сегодня вечером по телевизору очередные серии «Фермы Эммердейл» и «Жителей Ист-Энда», и Милли будет занята. Оно и к лучшему. Мне очень хочется побыть одной, подумать о том, что теперь делать. Пока я знала наверняка две вещи. Во-первых, нужно выяснить, что же со мной произошло в бассейне. Во-вторых, отделаться от уроков плавания раньше, чем это повторится.

Пока я расхаживала туда-сюда по гостиной, до меня доносился мамин голос. «Любишь ли ты меня? Останешься ли со мною?» – распевала она в своей каюте, перекрикивая компакт-диск. Собираясь куда-то, она всегда поет. Я, в общем, не против, главное – чтобы еще и в пляс не пускалась. Но сегодня я не обращала внимания на то, что делается вокруг.

Для начала я осторожно поинтересовалась, не лучше ли мне бросить уроки плавания, но мама отчего-то пришла в ярость.

– Надеюсь, ты пошутила, – отрезала она тоном, по которому было ясно, что лично она шутить даже не думает. – После всего, что ты тут устроила, и речи быть не может! Ты не сдашься.

Я подошла к газовому камину в углу салона – так мы называем нашу гостиную. Обычно мне неплохо думается во вре-

мя ходьбы, но сегодня в голове звенела пустота. Потом прошла вдоль обшарпанного дивана, застеленного широким оранжевым покрывалом. Шаг, второй, туда-обратно, скрип-скрип, думай-думай. Дохлый номер.

– «Лучше сразу признайся, детка, я не могу ждать вечно...» – голос мамы плыл из ее каюты.

Тогда я решила прогуляться до кухни. На лодке она называется камбузом. Там есть раковина, маленький холодильничек и даже плита, вечно заставленная пустыми картонными коробками и банками, которым мама пытается найти какое-нибудь новое применение. Камбуз расположен посередине лодки, в него ведут дверь с палубы и несколько деревянных ступенек. Спускаться нужно осторожно, потому что нижняя шатается. Я же обычно прыгаю вниз прямо с верхней.

Через кухню я прошла в коридорчик, ведущий к ванной комнате и нашим каютам.

– Как я выгляжу? – спросила мама, появляясь в противоположном конце.

Она была в новеньких джинсах и белой футболке с надписью Baby на груди. Буквы блестели и переливались. Футболка как футболка, все бы ничего – вот только недавно я купила себе похожую, а на маме она сидела лучше!

– Обалденно, мам! – сказала я, но тут сверху раздался знакомый стук.

Боковая дверца приотворилась, и в проеме показалась го-

лова мистера Бистона.

– Это я, – произнес он, подозрительно осматриваясь.

Мистер Бистон – смотритель маяка. Он все время болтается поблизости. У меня от него мурашки: разговаривая, он как-то странно косится краем глаза. Они у него еще и разноцветные: левый – голубой, а правый – зеленый. Мама говорит, что ему просто тоскливо торчать на своем маяке, зажигать и выключать прожектор, всматриваясь в морские волны и общаясь с людьми только по радио, потому он к нам и таскается. Еще она говорит, что нужно его пожалеть.

– О, мистер Бистон! А я как раз собираюсь в книжный клуб. Жду только Милли, она будет здесь с минуты на минуту. Но я, пожалуй, пройду с вами до букинистического. – И с этими словами мама направилась за пальто.

Мистер Бистон по-крабьи вполз в дверь.

– Ну и как мы поживаем? – поинтересовался он, по обыкновению косясь на меня.

Губы у него такие же кривые, как и узел галстука. На рубашке недостает пуговиц, а во рту – зубов. Я поежилась. И зачем только мама оставила меня с ним наедине?

– Спасибо, хорошо.

– Да? Ну, славно, славно. – Смотритель, прищурившись, продолжал коситься на меня.

К счастью, Милли не заставила себя ждать, и мистер Бистон с мамой засобирались на выход.

– Я постараюсь вернуться не поздно, солнышко, – сказа-

ла мне мама на прощание и поцеловала в щеку, после чего стерла большим пальцем след от помады. – В духовке – пастуший пирог¹. Поешьте с Милли.

– Салют, Эмили. – Гадалка, как всегда, пристально взглянула на меня. – Судя по твоей ауре, ты чем-то встревожена, – заметила она, в кои-то веки угадав. Даже странно.

Отбросив за спину черную вязаную накидку, Милли отправилась ставить чайник.

Я помахала маме и мистеру Бистону. Смотритель, дойдя с ней до конца причала, повернул налево и пошел по берегу залива обратно на свой маяк. На набережной уже зажглись фонари – бледно-желтые пятнышки на фоне оранжево-розового закатного неба. Мама свернула направо, к магазинчику.

Я смотрела им вслед, пока они оба не пропали из виду, а затем присоединилась к Милли, уже устроившейся на диване перед телевизором. Сидя с тарелками на коленях, мы жевали и смеялись над диктором, который то и дело запинаясь, рассказывая о погоде. Потом началась «Ферма Эммердейл». Милли посерьезнела, шикнула на меня и уставилась в экран.

Итак, у меня был свободный час.

Вымыв тарелки, я порылась в ручках и карандашах, стоявших в банке из-под варенья, взяла из шкафа в гостиной листок маминой лиловой бумаги и заперлась в своей каюте. Вот что я написала:

¹ Пастуший пирог – картофельная запеканка с мясом, традиционное блюдо британской кухни.

Уважаемая миссис Партингтон!

Прошу вас освободить Эмили от уроков плавания. Мы посетили врача, и он сказал, что у Эмили сильнейшая аллергия на воду. Ей НЕЛЬЗЯ даже приближаться к ней. Совсем. Никогда в жизни.

*С наилучшими пожеланиями,
Мэри Пенелопа Ветрохват.*

Когда мама вернулась, я сделала вид, что сплю. Она тихонько прокралась в каюту, чмокнула меня в макушку и убрала мне челку со лба. Ужасная привычка. Терпеть не могу, когда она так делает. Я еле удержалась, чтобы не поправить волосы еще до того, как мама вышла.

Несколько часов я лежала без сна. У меня к потолку приклеены светящиеся звездочки и месяц: я лежала и смотрела на них, пытаюсь понять, что же все-таки со мной случилось.

Однако меня не покидало воспоминание о том, как ловко мое тело разрезало шелковистую воду... Прежде чем все пошло вкривь и вкось. Я продолжала слышать ту манящую тишину, вода словно играла со мной, казалось, что у нас с ней есть общий секрет. Но каждый раз, когда я с головой тонула в ощущении гладкой теплой воды на моей коже, в памяти всплывало лицо Мэнди, вырывая из забвения. Она свирепо глядела на меня. Раза два я уже почти заснула. Прова-

ливалась в полудрему, где меня поджидали кошмары: я сижу в огромном аквариуме, а вокруг толпятся одноклассники, тычущие пальцами в стекло и хором скандирующие: «У-род-ка! У-род-ка!».

Нет! Я никогда больше не войду в воду!

Но вопросы не хотели меня покидать. Что же случилось в бассейне? Неужели теперь так будет всегда?

Как бы ни пугала меня идея вновь пройти через этот ужас, я знала, что не успокоюсь, пока не найду все ответы. Более того, меня буквально тянуло к воде. Получалось, что выбора попросту не было. Я ДОЛЖНА все выяснить, любой ценой.

К тому времени, когда из маминой каюты начало доноситься тихое посапывание, я приняла окончательное решение во всем разобраться, прежде чем кто-нибудь сделает это за меня.

Стараясь не шуметь, я поднялась с кровати. Вздрогнула, натягивая еще влажный купальник, поверх накинула джинсовую куртку. На цыпочках поднялась на палубу и осмотрелась. Пристань была пуста. На фоне ночного неба темнели силуэты гостиниц и магазинчиков, выстроившихся вдоль безлюдной набережной. Их можно было принять за театральную декорацию.

Огромная полная луна сияла над морем как прожектор. Я посмотрела на доску, перекинутую с лодки на причал, и меня замутило. *«Давай же, всего-то пара шагов!»* – подбодрила я себя.

И, сжав зубы и кулаки, я перебежала по сходням. Метнулась к швартовым тумбам в конце причала и устоялась на веревочную лестницу, уходящую вниз, в темноту, к воде. Море холодно поблескивало, и меня пробил озноб. Зачем, зачем я все это делаю?

В задумчивости я принялась накручивать прядку волос на палец. Всегда так делаю, если нужно пораскинуть мозгами, а настроения ходить туда-сюда нет.

Наконец я отбросила все сомнения и вопросы, а заодно и воспоминания о физиономии Мэнди. Я просто должна это сделать: узнать правду.

Застегнула куртку на все пуговицы, не желая лезть в воду без нее, и, задержав дыхание, ступила на первую перекладину веревочной лестницы. В последний раз поглядела на пустынную пристань и под тихое поскрипывание лодочных мачт, доносившееся с залива, осторожно начала спускаться во тьму.

Было время отлива, и последняя перекладина лестницы оказалась высоко над водой. *«Сейчас или никогда!»*

Не дав себе ни секунды на размышления, я зажала нос большим и указательным пальцами и прыгнула.

С громким всплеском плюхнулась в воду и тут же вынырнула на поверхность, хватая ртом воздух. На первых порах я не почувствовала ничего, кроме холода. *«Да что же такое я творю?»* – мелькнула запоздалая мысль.

Но я тут же взяла себя в руки и заколотила ногами. До-

вольно-таки беспорядочно поначалу. Через несколько секунд холод ушел, а с ним растаяли и мои тревоги. Волны, омывавшие мое тело, принесли необычайное спокойствие. Соль на губах, волосы, прилипшие к голове... Я нырнула и поплыла сквозь водную толщу, словно жила в море всю жизнь.

А потом случилось ЭТО. В ужасе я повернула назад, к пристани. НЕТ! Не хочу! Я передумала!

Протянула руку, но лестница висела так высоко, что я не могла дотянуться! «Что я наделала?!» Мои ноги опять склеились, они превратились в камень! Задышавшись, я беспомощно замахала руками, хватая лишь пустоту. «Судорога, это просто судорога», – успокаивала я себя, не смея взглянуть на то, чем стали мои ноги.

И тут все изменилось так же быстро, как и началось. Я перестала этому противиться.

Мои ноги срослись. Они совершенно исчезли. И что с того? Туда им и дорога. Так и... должно быть!

Стоило прекратить дергаться, как я обнаружила, что прекрасно держусь на воде. Перестав сумбурно молотить руками, я превратилась в парящую орлицу, в аэроплан... в дельфина, радостно и стремительно рассекающего волны.

Все правильно. Ведь вы уже догадались, да? Неужели еще

нет? Впрочем, неважно. Главное – обещайте, что никому-никому не расскажете.

Короче, я превратилась в русалку.

Глава 2

Событие из ряда вон выходящее, правда? Далеко не с каждой девочкой такое случается. Однако со мной вот случилось. Я – русалка. Русалка! Но как? Почему? И что, теперь я всегда буду русалкой? Вопросы роились в голове, а ответов не находилось. Одно я понимала: открылась совершенно неизвестная грань моей натуры – и еще ни разу в жизни мне не было так хорошо.

Я плавала, как... Ну, наверное, как рыба! В каком-то смысле я и была рыбой. Верхняя половина тела не изменилась: худенькие руки, мокрая прилипшая ко лбу челка, черный купальник.

Зато ниже белой полосы на талии я сделалась чем-то другим. Вернее, кем-то другим. Купальник исчез, сменившись сверкающей чешуей. Мои ноги стали длинным хвостом, переливающимся зеленым и фиолетовым цветами. Я скользила вперед, изящно им помахивая. Уже одно это было невероятно: чем-чем, а изяществом я никогда похвастаться не могла. Когда я плеснула хвостом по водной глади, он радужно вспыхнул в лунном свете. Достаточно было одного неуловимого движения моего удивительного хвоста, чтобы стремительно двигаться дальше, погружаясь все глубже и глубже.

Это напомнило мне, как мы с классом ходили на экскурсию в «Водный мир». Нас привели в туннель под водой, а во-

круг плавали всякие рыбы. Складывалось впечатление, что находишься на морском дне. Только в этот раз все было по-настоящему! Я могла протянуть руку и коснуться колышущихся водорослей, напоминающих висящие вверх тормашками занавески. Можно было плавать наперегонки со стайкой пузатых серых рыбок, круживших вокруг меня словно в танце.

Я даже рассмеялась от удовольствия, и из моего рта вверх протянулась ниточка пузырьков. Казалось, я плавала от силы минут пять, но небо уже порозовело. Меня как громом поразила жуткая мысль: *«А что если я не смогу вернуться?»*.

Однако едва я благодаря приливу дотянулась до веревочной лестницы, как мой хвост сделался вялым. Болтаясь на перекладине, я с изумлением наблюдала, как одна за другой исчезают сверкающие чешуйки и на месте хвоста появляются ноги. Ощущение было странным: чем-то оно напоминало онемение в челюсти после укола зубного врача.

Я немного пошевелила пальцами, окончательно прогоняя покалывание в ступнях, и пошла домой, пообещав себе, что вернусь, и как можно скорее.

Боб, наш инструктор по плаванию, стоял прямо надо мной и разговаривал по мобильнику. Однако я не могла разобрать ни слова. Вдруг кто-то схватил меня сзади за плечи.

– Это она? – прорычал мне прямо в ухо мужской голос.

Боб кивнул. Я попыталась вырваться, но незнакомец был очень сильный.

– Что вам нужно? – пискнула я.

– Будто не понимаешь. Уродка! – рявкнул человек, встряхивая меня за плечи.

– Я не уродка! – завопила я. – Не уродка!

– Хватит притворяться, – сказал женский голос.

– Я не притворяюсь, – извивалась я в железной хватке. – Я не уродка!

– Эмили, ради всего святого! – произнес вдруг мамин голос. – Я же знаю, что ты не спишь.

Я разлепила веки. Надо мной склонилось мамино лицо. Мама держала меня за плечи, легонько встряхивая.

– Что случилось? – Я рывком села в постели.

– А то, сонная тетеря, что ты в школу опаздываешь. Давай пошевеливайся.

Мама отпустила меня, встала и раздвинула занавеску в дверном проеме.

– И не забудь зубы почистить! – донесся ее голос уже из коридора.

За завтраком я пыталась вспомнить, что же кричала во сне. Все казалось таким реальным: незнакомец, эти голоса. Не говорила ли я вслух? Спросить маму я не смела, поэтому ела молча. Только сунула в рот третью ложку хлопьев, как тут случилось нечто ужасное.

Мама, как обычно, возилась рядом, разбирая огромную кипу бумаг, сваленных позади миксера.

– Куда же он делся? – бубнила она.

– Что ты на этот раз посеяла?

– Да список покупок. Я помню, что положила его вот сюда. – Мама склонилась над бумагами. – А, вот же он!

Подняв взгляд, я с ужасом увидела у нее в руках листок бумаги. То есть не просто листок, а **ТОТ САМЫЙ ЛИСТ РОСКОШНОЙ ЛИЛОВОЙ БУМАГИ!**

– Не-е-ет! – завопила я так, что хлопья полетели изо рта.

Вскочив, я бросилась к маме, собираясь выхватить у нее листок. Слишком поздно: она уже развернула его. Близоруко прищурившись, пробежалась глазами по строчкам.

– Нет, это не то, – пробормотала мама, складывая лист.

Дыхание у меня перехватило, и я с трудом проглотила остатки хлопьев.

– Погоди-ка, там же мое имя!

– Нет-нет, это вовсе не твое имя, мам. Это... это имя одной моей подруги. – Я попыталась вырвать у нее бумажку, но мама не обратила на меня внимания.

– Куда подевались мои очки?

Очки, разумеется, как всегда, висели у нее на шее.

– Давай я тебе прочитаю, – предложила я тоном самой заботливой из дочерей.

Однако мама уже нащупала свои очки, нацепила их на нос и внимательно изучила записку. Я попятилась было к выхо-

ду, но мама уже глядела на меня в упор.

– Эмили!

– Что?

Мама сняла очки и помахала листком у меня перед носом.

– Ничего не хочешь мне объяснить?

– Ну, значит... Хм... Можно взглянуть?

И я уставилась на листок, всей душой надеясь, что выражение моего лица говорит: «Что же это за бумажонка? Никогда прежде ее не видела, но так уж и быть, посмотрю».

Мама молчала, а я продолжала глупо тарашиться, делая вид, что читаю, лишь бы не встречаться с ней глазами. Меня ждал заслуженный нагоняй.

Действительность оказалась еще хуже. Мама отложила злосчастный листок, взяла меня за подбородок, приподняла мою голову и произнесла:

– Я тебя понимаю, Эмили. Я все знаю.

– Знаешь? – в ужасе взвизгнула я.

– Во сне ты бормотала, что не уродка. Я должна была догадаться.

– Должна?

– Вот я балда, как же до меня сразу-то не дошло? – грустно сказала мама, отпуская мой подбородок.

– Но откуда ты зна...

– Мы ведь с тобой одинаковые. – Мама взяла мою ладонь в свою. – Ты тоже боишься воды.

– Боюсь?! – удивленно воскликнула я, но тут же осек-

лась и, откашлявшись, поправила школьный галстук. – Точно. Так и есть. Я ее боюсь, – произнесла я как можно убедительнее. – Конечно, боюсь! До ужаса. Да, именно боюсь, лучше и не скажешь. Все дело в страхе. Только в нем и ни в чем другом...

– Почему же ты мне не призналась?

Я опустила глаза, плотно зажмурила веки, попытавшись выдавить из себя хоть одну слезинку, и прошептала:

– Мне было стыдно. Не хотелось тебя подводить.

Крепко сжав мою руку, мама взглянула мне в лицо. Она тоже чуть не плакала.

– Это моя вина, доченька. Я тебя подвела. Не позволяла тебе научиться плавать, и ты заразилась моим страхом.

– Ага, – грустно кивнула я. – Похоже на то. Но ты не должна себя корить, мам. Все нормально, правда. Подумаешь, плавание какое-то.

– Мы ведь живем на лодке! – Мама отпустила мою руку и покачала головой. – Вокруг нас – вода!

Я чуть не расхохоталась, но вовремя захлопнула рот, увидев мамино напряженное лицо. Меня поразила внезапная мысль.

– Мам, если ты так боишься воды, то почему мы живем на лодке?

– Понимаю, это странно. – Мама прищурилась и в упор посмотрела на меня, словно что-то ища на моем лице. – Я не могу тебе объяснить, но в глубине души чувствую, что

никогда не покину нашего «Царя».

– Бред какой-то. Сама посуди: ты боишься воды, а мы живем в лодке в приморском городе.

– Да знаю я, знаю!

– В настоящей глухомани. Даже бабушка с дедушкой живут на другом конце страны.

– Бабушка с дедушкой? – Мамино лицо вытянулось. – А они тут при чем?

– При том, что я никогда их не видела! Две открытки в год, и все.

– Я уже говорила тебе, Эми, они живут очень-очень далеко. И, потом, я с ними не в ладах.

– Почему?

– Мы поругались. Давным-давно. – Она издала нервный смешок. – Так давно, что я и забыла, из-за чего.

Повисла мертвая тишина. Затем мама встала и выглянула в иллюминатор.

– Все это неправильно, ты не должна страдать, – бормотала она, вытирая иллюминатор рукавом, после чего резко, так что взметнулась юбка, обернулась. – Придумала! Я знаю, что мы с тобой сделаем.

– Сделаем? Ты о чем? Я отнесу записку в школу. Ну, или ты напиши новую своей рукой. Никто ничего не узнает.

– Конечно, они узнают! Нет, мы не можем так поступить.

– Да можем. Я просто...

– Хватит спорить, Эмили. Мое терпение иссякло. – Ее гу-

бы решительно сжались. – Я не позволю тебе повторить мою судьбу.

– Но ты ведь не...

– Как я живу – это мое личное дело! – рявкнула мама. – Прощу тебя, кончай препираться. – Она задумалась, уставившись в раскрытую телефонную книгу. – Нет, все не то. Ты должна победить свой страх.

– Мам, что ты задумала? – Я неуверенно крутила пуговицу на блузке.

Она отвернулась от меня и схватилась за телефон.

– Хочу отвести тебя на сеанс гипноза.

– Хорошо, Эмили. Теперь я хочу, чтобы ты дышала спокойно и глубоко. Вот так.

Я сидела в кресле в задней комнате у гадалки Милли. Понятия не имела, что Милли владеет гипнозом, но, оказывается, это так. Сандра Касл утверждает, что Милли буквально творит чудеса с нервным тиком Чарли Пиггота, и для мамы ее похвалы было достаточно.

– Попытайся расслабиться, – нараспев произнесла Милли, громко и глубоко вздохнув.

Мама сидела на пластмассовом стуле в углу. Она пожелала присутствовать на сеансе, «просто на всякий случай». На какой такой случай, не уточнила.

– Сейчас ты ненадолго заснешь, – протяжно произнесла Милли, – а когда проснешься, твой страх воды исчезнет. Он испарится, схлынет...

Мне ни в коем случае нельзя было засыпать! Если бы я погрузилась в транс и принялась бормотать о случившемся, весь мой план пошел бы псу под хвост. Не то чтобы у меня был какой-то определенный план – но вы понимаете, о чем я. Что подумает Милли, если я проболтаюсь? Что она тогда предпримет? Перед моим внутренним взором замелькали сети, клетки, исследовательские лаборатории. Я прогнала прочь непрошенные видения.

– Очень хорошо, – хрипловатым голосом сказала Милли. – Теперь я начну считать от десяти до одного, а ты закрой глаза и представь, что стоишь на эскалаторе и едешь вниз, все ниже и ниже, глубже и глубже. Устройся поудобнее.

Я поерзала в своем кресле.

– Десять... девять... восемь... – тихо начала Милли обратный отсчет, а я закрыла глаза и напряженно ждала, когда же придет дремота.

– Семь... шесть... пять...

Представила себя на эскалаторе – вроде того, что в городском торговом центре. Эскалатор шел вниз, а я – лезла вверх. Лезла и ждала, что будет.

– Четыре... три... два... Твои веки тяжелеют...

Я ждала. И тут до меня дошло, что спать-то совсем не хочется. Наоборот...

– ...один.

...Я была бодра как никогда! Ура! Получилось! Милли – просто шарлатанка! А если она что и угадывает по «ауре», то случайно!

Казалось, Милли молчала целую вечность. Я начала беспокоиться, но тут тишину нарушил знакомый звук. Осторожно приоткрыв глаза, я увидела уснувшую маму, сопящую как лошадь! Я быстро зажмурилась, едва сдержав смешок.

– А теперь представь себя у воды, – низким басом прогудела Милли. – Какие чувства она в тебе вызывает? Страх? Что-нибудь еще?

Единственное, что я чувствовала, – колотье в боку от попыток удержать хохот.

– Теперь подумай о том месте, где чувствуешь себя в безопасности, счастливой.

Я представила, что плаваю в море. Мои ноги превращаются в прекрасный хвост, и я резвлюсь в волнах с серебристыми рыбками. Я чуть было с головой не ушла в счастливые видения, когда внезапно раздалось:

– Хр-р-р!

Мама всхрапнула так громко, что я подпрыгнула в кресле. Глаз, однако, не раскрыла, продолжая притворяться спящей. Мама завозилась на стуле и прошептала:

– Извини, Милли.

– Ничего страшного, Пенелопа. Эмили в глубоком трансе. Она только вздрогнула.

Я вновь предалась приятным мечтам. Буквально дожидаться не могла возможности вернуться в море. Где-то далеко звучал голос Милли, возобновилось мамино похрапывание. К тому времени, когда гадалка досчитала до семи, чтобы меня «разбудить», я была так довольна, что кинулась ей на шею.

– Что это с тобой? – спросила Милли.

– Спасибо тебе! Мой страх совершенно пропал! – объявила я.

– Не за что, котенок, – пробормотала она. – Я сделала это из любви к тебе.

Мама дала ей двадцать фунтов, и Милли, залившись краской, сунула деньги в кошелек.

По пути домой мама молчала. Вдруг она догадалась, что я вовсе не спала? Неужели что-то заподозрила? Спросить я не решалась. Пройдя узкими улочками, мы повернули к набережной. На перекрестке мама кивнула на скамейку с видом на море:

– Давай присядем.

– С тобой все в порядке, мам? – как можно более небрежно спросила я, когда мы устроились на скамье.

Был отлив. На обнажившемся песке, покрытом слоистыми узорами, поблескивали лужицы. Мама пристально смотрела вдаль.

– Мне приснился сон, – сказала она, не сводя глаз с горизонта. – Я видела его как наяву, и он был прекрасен.

– Сон? Что тебе снилось?

Она быстро взглянула на меня, моргнула и вновь отвернулась к морю.

– Он где-то там. Я и сейчас почти чувствую его.

– Мам, ты о чем?

– Пообещай, что не подумаешь, будто я спятила.

– Обещаю!

Мама улыбнулась и взъерошила мне челку. Я сердито пригладила ее обратно.

– Когда мы были у Милли, – мама закрыла глаза, – мне приснился затонувший корабль. Огромное золотое судно с мраморными мачтами. «Янтарные своды, жемчужный пол...»

– Что-что?

– Это из одного стихотворения, если не ошибаюсь. Не могу припомнить продолжение... – Она не отрывала взгляда от волн. – А еще камни, необычные, невиданные. Раньше они сверкали всеми цветами радуги...

– Раньше? Что ты хочешь этим сказать?

– Я сказала «раньше»? Ну, я имела в виду, они были такими в моем сне. Как радуга в воде. Они казались такими реальными, до того знакомыми... – Умолкнув, мама покосилась на меня. – Иногда такое бывает, верно? Нам всем временами снятся очень реальные сны. Думаю, и с тобой такое случается, правда?

Пока я соображала, что ответить, мама замахала рукой.

– Ой, смотри! – оживленно проговорила она. – Мистер Бистон.

К пирсу топал смотритель маяка. Каждое воскресенье он приходит к нам на чашку чая. Как штык в три часа. Мама заваривает чай, а мистер Бистон приносит булочки с сахарной глазурью, пончики или шоколадно-карамельное печенье. Обычно я быстренько проглатываю свою долю и убегаю. Не знаю, что не так с этим мистером Бистоном, но в его присутствии наша лодка делается меньше и темнее.

Мама сунула пальцы в рот и пронзительно свистнула. Смотритель оглянулся, увидев нас, криво ухмыльнулся и помахал рукой. Мама поднялась.

– Пойдем, Эми. Пора возвращаться домой и ставить чайник.

И, прежде чем я успела возразить, она направилась к лодке. Я побежала за ней.

Глава 3

Ночью я снова выбралась наружу. Просто не могла удержаться. На сей раз я заплыла подальше. В гавани было грязно от мазута и всякого мусора, и мне захотелось поплавать в чистой воде.

Из открытого моря Брайтпорт выглядел совсем маленьким. Кучка домишек теснилась на берегу подковообразной бухточки, на одном конце которой располагался порт, а на другом высился маяк.

Уличные фонари окутывали город желтоватой светящейся дымкой, в которой изредка мелькали белые фары автомобилей.

Стоило мне обогнуть скалы на краю гавани, как вода стала чище и мягче – точно зернистая черно-белая картинка сменилась яркой цветной. Вместо толстых серых рыб появились желто-синие полосатики с серебряными хвостами-вуалями; длинные тонкие зеленые рыбки со злыми ртами топорщили жесткие усики; еще были какие-то оранжевые, с пятнистыми черными плавниками. Вся эта живность так и вилась вокруг меня.

Время от времени я проплывала над длинными песчаными косами. Там, на дне, извивались дымчатые, похожие на лианы существа, тонкие, почти полупрозрачные, как бумага. Внезапно вода сделалась холоднее и глубже, а дно – камени-

стым. Теперь плыть пришлось осторожнее. Камни выглядели черными от колючих морских ежей, и я боялась поцарапать об их иглы свой хвост.

Затем вода вновь потеплела: я доплыла до очередного мелководья. И тут почувствовала, что начинаю уставать. Всплыв на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, я обнаружила, что до дома – несколько миль. Так далеко я еще никогда не забиралась. Попыталась взмахнуть хвостом, но взмах вышел вялым. Хвост болел. Кое-как добралась до каменистого островка и вскарабкалась на большой гладкий камень, положив хвост на гальку. Минутой спустя он уже онемел. Я пошевелила ступнями, со страхом наблюдая, как возвращаются ноги. Это зрелище все еще меня завораживало.

Я отдыхала, привалившись спиной к камню, и вдруг кое-что услышала. Словно кто-то пел, только без слов. Влажные камни блестели в лунном свете, вокруг не было ни души. Может, мне померещилось? Лишь вода то накатывала, то отступала, с шуршанием перебирая гальку. Пение раздалось вновь.

Но откуда? Я влезла на отполированный морем камень и огляделась. Тогда-то я ее и увидела. И не поверила собственным глазам. Этого не могло быть... Но вот же она! Русалка! Настоящая! Точь-в-точь как на картинке из детской книжки. Она пела и расчесывала длинные белокурые волосы, струившиеся по спине. Русалка сидела на краю камня, то и дело ерзая, словно пытаюсь устроиться поудобнее. Хвост у нее

был длиннее и тоньше моего. Серебристо-зеленый, он мерцал в лунных лучах. Русалка тихонько шлепала им по камню в такт песне.

Надо сказать, репертуар был несколько однообразный. Доходя до конца песни, русалка заводила ее по новой. Иногда голос давал петуха, тогда она хлопала себя расческой по хвосту, сердито приговаривая:

– Соберись, Шона! Постарайся!

Я долго наблюдала за ней, разевая рот, точно вытасченная из воды рыбина. Мне ужасно захотелось поговорить с незнакомкой. Но как начать разговор с русалкой, распеваящей среди ночи на камнях? Меня, знаете ли, к такому не готовили.

В конце концов я деликатно кашлянула. Русалка обернулась.

– Ой! – воскликнула она, взглянув на мои ноги, и через секунду плюхнулась в воду – только ее и видели.

Я запрыгала по камням у кромки воды.

– Подожди! – кричала я ей вдогонку. – Я просто хочу с тобой поговорить!

Она остановилась и опасливо оглянулась.

– Я тоже русалка! – призналась я.

Ага, русалка. В купальнике и с тощими ногами. Поверит она мне, как же.

– Постой! Сейчас докажу.

С этими словами я прыгнула в воду и поплыла, вновь со

страхом ощутив, как тяжелеют и срстаются ноги. Но, приняв нужную форму, моя нижняя половина расслабилась, а вместе с ней расслабилась и верхняя. Я гордо взмахнула хвостом и плеснула им по воде.

Однако русалка уплывала прочь.

– Да куда же ты?! Смотри!

Подождав, пока она оглянется, я нырнула, выставив хвост как можно выше, и замахала им. Когда я вынырнула, русалка недоверчиво уставилась на меня. Я улыбнулась, но она только наклонила голову и скрылась под водой.

– Не уплывай! – попросила я, а через миг увидела над водой ее хвост.

Только она не размахивала им беспорядочно, как я. Движения Шоны напоминали, скорее, танец или синхронное плавание. В лунном свете русалочий хвост сверкал серебром.

Когда она вынырнула, я захлопала в ладоши. То есть попыталась. Потому что, едва подняв обе руки, я ушла в глубину и нахлебалась воды. Русалка рассмеялась и подплыла поближе.

– Никогда прежде тебя не видела, – сказала она. – Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– И мне. Но ты учишься не в нашей школе, да?

– В Брайтпортской. В этом году перешла.

– Ой! – Она встревоженно посмотрела на меня и отплыла

подальше.

– В чем дело?

– Просто... я никогда о такой не слышала. Это русалочья школа?

– Ты посещаешь русалочью школу?

Все это было похоже на сказку, и хотя я давно выросла из сказок – правда-правда, – ее слова звучали чудесно.

Шона сложила руки на груди – интересно, как она при этом не тонет? – и довольно сварливо буркнула:

– И что тут такого? А какую еще школу, по-твоему, я должна посещать?

– Да нет! Наоборот, это здорово! – заорала я. – Мне бы тоже очень хотелось.

Мне вдруг захотелось рассказать ей все-все.

– Понимаешь... я только недавно стала русалкой. Прежде то ли не знала, то ли еще что... – Слова потоком полились из меня. – Даже в воде никогда толком не бывала. А когда наконец окунулась, то оно со мной и случилось. Вначале я сильно испугалась, а теперь жалею, что не обнаружила своего дара раньше.

Я подняла взгляд. Русалка смотрела на меня во все глаза, словно я была инопланетянкой, которую выбросило на берег. Я тоже попыталась сложить руки и обнаружила, что если легонько шевелить хвостом туда-сюда, то можно держаться прямо. Так мы и торчали в воде, поводя хвостами и рассматривая друг друга. Затем уголок ее рта дрогнул, и я почув-

ствовала, что на моей левой щеке тоже появляется ямочка. Через мгновение мы обе хохотали как ненормальные.

– Над чем мы смеемся? – выдавила я, с трудом восстановив дыхание.

– Сама не знаю! – ответила русалка, и мы опять засмеялись.

– Как тебя зовут? – спросила она, когда мы успокоились. – Я – Шона Шелкопер.

– А я – Эмили Ветрохват.

– Ветрохват? Ты не шутишь? – Шона больше не улыбалась.

– Нет. А что?

– Ничего. Просто...

– Да в чем же дело?

– Нет-нет, ни в чем. Мне показалось, что я уже слышала эту фамилию, но я ошиблась. Наверное, показалось. Прежде ты сюда не заплывала, правда?

– Прежде? Я и плавать-то научилась всего две недели назад! – усмехнулась я.

– А что ты сделала с хвостом? – спросила Шона самым серьезным тоном.

– С хвостом?

– Да, с хвостом.

– Ты о стойке? Хочешь, чтобы я еще раз показала?

– Нет, я о другом, – она ткнула пальцем под воду. – Как ты его меняешь?

– Сама не знаю. Он просто меняется, и все. Захожу в воду, и ноги исчезают.

– В жизни о таком не слышала. Разве что в книжках читала. А каково это?

– Передвигаться на ногах?

Шона кивнула.

– В общем неплохо. Можно всюду ходить, бегать, лазать, прыгать и скакать.

Шона смотрела на меня, будто я заговорила на тарабарском языке.

– Зато ногами нельзя вот так!

Она нырнула. Ее хвост закрутился над водой. Она вертела им все быстрее и быстрее, выписывая хвостокружительные пируэты. Вода так и брызгала во все стороны, засияли лунные радуги. Потом Шона перевернулась обратно вверх головой.

– Потрясающе! – воскликнула я.

– Мы разучиваем это на ныротанцах. Собираемся выступить на межзаливных соревнованиях через несколько недель. Меня впервые зачислили в команду.

– Ныротанцы?

– Ну да, предмет такой. Ныряние и танцы. А в прошлом году я ходила на хор, – захлебываясь от восторга, сообщила Шона. – И миссис Девятивал сказала, что во время моего выступления целых пять рыбаков поплыли на скалы, зачарованные моим голосом. – Русалка горделиво улыбнулась, ее

застенчивости и след простыл. – Еще никому в Камнебригской школе не удавалось приманить столько рыбаков зараз.

– И ты полагаешь, это хорошо? – с сомнением уточнила я.

– Хорошо? Да это просто великолепно! Я собираюсь стать сиреной, когда вырасту.

– То есть все эти легенды о русалках, заманивающих моряков на погибель, – правда?

– Мы вовсе не желаем им смерти, – пожала плечами Шона. – Зачем это нам? Просто гипнотизируем их, заставляя изменить маршрут, а потом стираем им память. Они уплывают восвояси, забывая, что встречались с нами.

– Стираете им память?

– Ага. Это самое безопасное. Только не всякий такое умеет. Лишь настоящие сирены и приближенные Царя. А иначе люди или украдут всю нашу рыбу, или обнаружат нас. Но иногда... – Шона склонилась ко мне поближе. – Иногда они влюбляются.

– Кто? Рыбаки и русалки?

– Ну да! – энергично закивала Шона. – Об этом столько историй! Влюбляться в людей категорически запрещено, но ведь это так романтично. Ты не находишь?

– Наверное. Ты для этого сегодня пела?

– Что ты! Просто репетировала для контрольной по красе и осанке, – сказала она так, словно этих слов мне было достаточно, чтобы понять, о чем она. – Завтра зачет, а я никак не добьюсь идеальной позы. Нужно правильно сесть, скло-

нить голову под правильным углом и сто раз провести гребнем по волосам. Попытка проделать все это одновременно – настоящая заноза в жабрах.

Она затихла, и я решила, что мне пора тоже что-нибудь сказать.

– Я так тебя понимаю, – сообщила я, надеясь, что выходит убедительно.

– В прошлой четверти я была лучшей, но тогда требовалось только причесываться. Теперь же нужно делать все это вместе.

– Сложно, должно быть.

– Красанка – мой самый любимый предмет, – продолжала Шона. – Я надеялась стать старостой по расчесыванию, но назначили Синтию Тихоплеск. – Шона понизила голос. – Однако миссис Острохвост сказала, что если я хорошо сдам зачет, то, возможно, в следующий раз выберут меня.

Ну и что на все это ответить?

– Ты, наверное, вообразила, что я – паинька и зубрила, да? – Шона немного отплыла. – Так все думают.

– Нет, конечно же! Ты... ты... – я никак не могла подобрать нужные слова. – Ты такая... прикольная.

– Ты тоже довольно прибойная, – ответила Шона и немного приблизилась.

– А что ты здесь делаешь так поздно? – поинтересовалась я.

– Эти валуны – лучшее место в округе для упражнений по

красанке, но днем к ним не подплывешь. Слишком опасно. – Она махнула рукой в сторону берега. – Поэтому я приплываю сюда ночью. По воскресеньям и средам. В воскресенье мама всегда ложится спать в девять, хоть отлив по ней сверяй. Хочет получше выспаться, чтобы быть свежей в начале рабочей недели. А по средам у нее аквааэробика, она там так выматывается, что дрыхнет без задних плавников. Папа же всегда спит китовым сном! – Шона хихикнула. – Во всяком случае, мне было очень приятно тебя встретить.

– И мне, – улыбнулась я в ответ.

Щербатая луна, поднявшись на небосвод, казалось, светила теперь прямо у меня над головой.

– Только мне уже пора, – добавила я, зевнув.

– Но ты ведь приплывешь сюда еще? – посерьезнела Шона.

– Я бы очень хотела.

Может, Шона и была странной, но ведь она – самая настоящая русалка! Единственная, которую я знала. И она похожа на меня.

– Вот только когда?

– В среду? – предложила Шона.

– Отлично! – я улыбнулась. – Удачи тебе на зачете!

– Спасибо, – ответила Шона, плеснула хвостом и исчезла в глубине.

В темноте я переплывала Брайтпортский залив, и тут луч прожектора, установленного на маяке, внезапно ударил по воде. Я замерла. Сноп света медленно обшарил море, исчез позади маяка, снова появился и снова исчез. Зрелище было завораживающим. Большой корабль бесшумно появился на горизонте, его силуэт был едва различим в мигающем луче маяка.

Вдруг я заметила какую-то тень. Кто-то стоял на камнях у подножия маяка. Мистер Бистон! Что он там делает? Вроде бы на море смотрит. Следит за тем кораблем?

Завидев очередной приближающийся луч, я нырнула. Что если смотритель меня заметил? Я оставалась под водой, пока луч не прошел мимо. Всплыла и оглянулась на маяк. Рядом с ним уже никого не было.

И вдруг прожектор погас. Я ждала. Свет больше не загорелся.

Я попыталась представить себе смотрителя. Вообразила, как он слоняется один-одинешенек по огромному пустому маяку, спускается и поднимается по каменной винтовой лестнице, и лишь эхо вторит его шагам. Сидит один как сын и тарачится в море. Потом зажигает прожектор. Разве это жизнь? Какой человек может так существовать? И почему свет погас и больше не зажегся?

Мрачные мысли преследовали меня всю дорогу к дому. До пирса я добралась почти на рассвете. Дрожа от усталости, вскарабкалась по веревочной лестнице.

Проскользнула на нашу лодку, повесила куртку у камина. К утру она должна просохнуть. Мама, включая камин, устраивала по ночам настоящую баню.

Я прокралась в свою каюту и наконец-то легла в кровать, возблагодарив счастливую звезду, сиявшую на моем потолке, за то, что вернулась домой целая и невредимая. А еще за то, что никто пока не раскрыл моего секрета.

Глава 4

– Не забудь свои вещи!

Мама, стоя в дверях, протягивала мне предмет, увидев который я похолодела.

– Угу, – буркнула я, беря сумку с купальником и полотенцем.

– И пошевеливайся! Ты же не хочешь опоздать?

– Не хочу. – Опустив голову, я принялась рассматривать песок, забившийся между досками причала. – Мам... – прошептала я.

– Что, лапочка?

– А мне обязательно сегодня идти в школу?

– Разумеется, обязательно! Какая муха тебя укусила?

– Я неважно себя чувствую. – Скорчив страдальческую гримасу, я схватилась за живот.

Мама перешла по сходням, присела на корточки и приподняла мое лицо за подбородок. Не-на-ви-жу, когда она так делает! Приходится зажмуриваться, чтобы не смотреть ей в глаза, и чувствую я себя донельзя глупо.

– Что еще за выкрутасы? – спросила она. – Это из-за новой школы? Тебе там не нравится?

– Да нет, нравится, – торопливо проговорила я. – Ну, в общем и целом.

– Тогда в чем дело? В уроках плавания?

Я попыталась отвернуться, но мама крепко держала меня за подбородок.

– Нет, – соврала я, отводя глаза, насколько было возможно.

– Я думала, мы решили эту проблему. Или ты боишься, что не сработало?

Ну почему, почему я не сообразила сразу? Как можно быть такой тупицей? Неужели нельзя было догадаться, что, как только я «излечусь», меня сразу отправят на плавание!

– Просто живот болит, – слабым голосом пробормотала я.

– Брось, поросенок, ничего у тебя не болит, и ты сама это прекрасно знаешь. – Мама наконец-то отпустила мой многотрадальный подбородок. – Вперед! Труба зовет! – Она шлепнула меня по мягкому месту. – Все будет хорошо, вот увидишь, – ласково добавила она.

– Ага, – буркнула я и нога за ногу побрела по причалу на набережную, к автобусной остановке.

Когда я вошла в класс, миссис Партингтон как раз закончила переключку. Она выразительно посмотрела на часы и сказала:

– На сей раз я закрою глазок, но больше не опаздывай.

Она всегда так шутит. Мы смеемся, потому что один глаз у нее на самом деле слепой, и ей даже закрывать его не надо. Он такой же ярко-голубой, как и зрячий, но совершенно неподвижный. Этот глаз буравит вас, даже когда миссис Партингтон смотрит в другую сторону. Жуть, короче. А ко-

гда она с тобой разговаривает, ты вообще не понимаешь, куда смотреть. Поэтому при ней мы стараемся вести себя тише воды, ниже травы. Класс миссис Партингтон всегда самый дисциплинированный.

Впрочем, сегодня мне было не до смеха. Извинившись, я прошла на свое место и села, запихнув под стол ненавистную сумку.

Утро выдалось кошмарным. Я ни на чем не могла сосредоточиться. Мы проходили сложение и вычитание одночленов, и я все время ошибалась. И ужасно на себя сердилась, потому что раньше всегда справлялась с математикой. Миссис Партингтон неодобрительно поглядывала на меня своим здоровым глазом.

Когда прозвенел звонок на перемену, я на самом деле почувствовала себя больной. Нужно было успеть к автобусу, который отвезет нас в бассейн. Все стремглав бросились из класса, а я целую вечность складывала в пенал ручки и карандаши.

– Поторапливайся, Эмили, – сказала, не оборачиваясь, миссис Партингтон, вытиравшая доску. – Приятно иногда хоть что-то сделать вовремя.

– Да, миссис Партингтон, – вздохнула я и побрела из класса, волоча за собой сумку.

К автобусу я шла как сомнамбула. Мелькнула мысль: если вот так идти, то, может, класс уедет без меня? Но стоило миновать школьные ворота, как меня окликнул Филип Норт-

вуд:

– Эй! Подлиза! – завопил он.

Все обернулись посмотреть, кого он так назвал.

– Подлиза? С чего это вдруг?

– Брось, мы же видели, как ты выпендривалась на прошлой неделе в бассейне. Боб потом весь урок трындел, как ты замечательно плаваешь и что мы должны постараться и брать с тебя пример.

– Ага, – поддакнула Мэнди Раштон, появляясь из-за спины Филипа. – Мы все слышали. И *видели*.

Я утратила дар речи. Мэнди... видела? Что именно она видела? Нет-нет, не может быть! Хвост ведь тогда даже не успел как следует вырасти. Или успел?..

– Ничего подобного, – наконец выдавила я.

– Ну да, конечно. Воображала, – ухмыльнулась Мэнди.

– Заткнись.

И тут подошел мистер Берд, наш физрук.

– Так, ребята! Все по местам, – скомандовал он.

Я уселась одна. Джулия сидела по соседству, через проход.

– Этот Филип просто придурок, – сказала она, поставив сумку на колени. – Он тебе завидует, потому что не умеет плавать.

Я попыталась улыбнуться.

– Спасибо, Джу...

– Подвинься-ка, Джули. – Рядом с ней плюхнулась Мэнди Раштон и, осклабясь, поглядела на меня. – Или ты хотела

сидеть рядом с девочкой-рыбой?

Джулия покраснела, а я отвернулась к окну. Автобус запрыгал по брусчатке. Слова Мэнди не шли у меня из головы, засели там как гвоздь. Девочка-рыба? Что она имела в виду?

Автобус въехал на стоянку.

– Ты идешь, Эми? – спросила Джулия, в то время как Мэнди вскочила и принялась проталкиваться вперед.

– Да-да, сейчас, – ответила я, делая вид, что зашнуровываю кроссовки.

Может быть, спрятаться под сиденьем, а когда все вернется с урока, соврать, что упала в обморок или что-то в этом роде?

За окном вдруг загомонили, потом на время все стихло, затем раздался громкий стон, и гомон возобновился.

– Но, сэр, это несправедливо! – услышала я голос Филипа и осторожно выглянула в окно.

Инструктор Боб разговаривал с мистером Бердом, а класс толпился вокруг. Некоторые уже поставили сумки на землю. В следующую секунду я почувствовала, что в автобус кто-то зашел, и испуганно скорчилась на сиденье, затаив дыхание. Шаги неумолимо приближались.

– Ты все еще со шнурками возишься? – услышала я голос Джулии.

– А? – Я подняла голову.

– Чем ты тут занимаешься?

– Ничем, просто...

– Ладно, неважно. – Она уселась на сиденье. – Бассейн отменяется.

– Почему?

– Местный совет намечает увольнения, и персонал объявил забастовку. Они просто забыли сообщить в школу.

– Шутишь?

– А что, похоже?

Я посмотрела ей в лицо. Джулия действительно выглядела расстроенной. Я опустила глаза и покачала головой.

– Боже, это так несправедливо, правда? – проговорила я, стараясь не улыбаться во весь рот. – Интересно, что мы теперь будем делать?

– Именно об этом мистер Берд сейчас беседует с Бобом. Кажется, нас собираются повезти на экскурсию.

– Фу, скучища! – Я сложила руки на груди, надеясь, что выгляжу такой же огорченной, как Джулия.

Наконец автобус тронулся. Мистер Берд радостно объявил, что мы едем в Мейсфинский лес. Мэнди, сидевшая у прохода, подозрительно смотрела на меня. Я же еле сдерживалась, чтобы не вскочить и не заорать во все горло «Ура!».

Я легла рано, чтобы поспать хотя бы несколько часов перед встречей с Шоной. Путь к камням отыскался довольно легко, на сей раз я приплыла туда первой. Вскоре послышался знакомый плеск хвоста, рассыпающего радужные брызги.

– Привет! – Я помахала рукой, когда Шона вынырнула на поверхность.

– Приветик! – Она помахала в ответ. – Поплыли?

– Куда?

– Увидишь. – Шона опять нырнула, махнув хвостом и плеснув мне в лицо водой.

Мы плыли лет сто, не меньше. Шелковистая, гладкая вода напоминала тягучий, расплавленный шоколад из рекламы. Мне казалось, что я вот-вот растворюсь в ней.

Шона, легко рассекая волны, плыла впереди. Иногда оглядывалась, проверяя, не отстала ли я, и махала рукой вправо или влево. Я послушно смотрела туда и видела либо косяк крошечных рыбок, плывущих так, будто они выступали на соревнованиях по гимнастике, либо удивительные желтые водоросли, тянущиеся вверх, точно подсолнухи. Какое-то время рядом с нами держалась шеренга серых, в тонкую полоску рыб, быстрых и расчетливых, напоминающих бизнесменов в строгих костюмах.

Только когда мы наконец остановились и всплыли глот-

нуть воздуха, я сообразила, что все это время находилась под водой.

– Как это у меня получилось? – удивилась я, переводя дыхание.

– Что именно? – непонимающе спросила Шона.

– Мы, должно быть, проплыли целую милю, – сказала я, оглядываясь на крошечный островок вдалеке.

– Милю с четвертью, – уточнила Шона извиняющимся тоном. – Папа на прошлый день рождения подарил мне плескометр.

– Что-что подарил?

– Ой, прости, я все время забываю, что ты совсем недавно стала русалкой. Плескометр показывает, сколько ты проплыла. Вчера я как раз измерила расстояние до Радужных камней.

– Каких камней?

– Радужных. Где мы с тобой встретились.

– А, да. – Внезапно я осознала, что находилась не в своей стихии: во всех смыслах этого слова.

– Честно говоря, я опасалась, что ты не осилишь, но мне очень хотелось тебя сюда привести.

Я огляделась. Море как море, ничего особенного.

– Зачем? И ты не ответила на мой вопрос. Как мы сумели так долго продержаться под водой?

– Мы же русалки, – просто сказала Шона, пожав плечами. – Поплыли, хочу кое-что тебе показать.

С этими словами она свечкой ушла в глубину, а я последовала за ней.

Чем глубже мы погружались, тем холоднее становилась вода. В темноте блеснула рыба чешуя. Мимо проплыла огромная серая, в черную крапинку рыба с презрительно приоткрытым ртом. Танцевали, словно прыгая на батуте, розовые медузы.

– Смотри! – Шона указала налево.

Оттуда, словно сонное торнадо, приближался, вращаясь, огромный косяк юрких черных рыбок.

Мы опустились глубже, и меня прошиб озноб. Шона схватила меня за руку и показала вниз. Там находилось нечто, напоминающее безразмерный ковер из морских водорослей!

– Что это? – пробулькала я.

– Сейчас увидишь.

Шона потащила меня еще глубже. Вокруг заскользили водоросли, они липли к телу, обвивали хвост. Что затеяла Шона? Куда она меня ведет?

Я уже собиралась сказать, что с меня довольно, как вдруг водоросли расступились, будто мы наконец-то продрались сквозь густую чащу и попали на поляну. В центре подводного леса находилась песчаная прогалина.

– Ну и где мы? – спросила я.

– А сама как думаешь?

Я огляделась. На песке лежала широкая металлическая труба, рядом на водорослях было развешено несколько мет-

ров рыбачьих сетей, а поодаль на ржавых пружинах покачивались два древних велосипеда.

– Понятия не имею, – призналась я.

– Это же наша игровая площадка! Вообще-то, плавать сюда запрещено, но все равно все приплывают.

– Почему запрещено?

– Нельзя заплывать так далеко от дома, это опасно. Тебя могут заметить. – Шона исчезла в трубе. – Догоняй! – донесся изнутри ее голос, странным эхом разнесшийся по поляне.

Я последовала за ней, скользнув внутрь холодного металла. К тому времени, когда я выплыла из другого конца трубы, Шона уже растянулась на сети, как в гамаке. Я присоединилась к ней.

– Нравится? – спросила она, когда мы спустились вниз.

– Ага, клево.

– Клево? – недоуменно нахмурилась Шона.

– Ну, классно, прикольно...

– А-а-а! Ты хотела сказать «прибойно»?

– Вроде того. – Я еще раз оглянулась вокруг. – Откуда здесь взялись все эти вещи?

– Что-то само падает в море, что-то выбрасывают люди. Мы подбираем и приспособливаем для себя. – Шона боком устроилась на велосипедном сиденье и принялась раскачиваться взад-вперед. – Приятно, когда есть с кем поиграть.

Я присела на другой велосипед, обвив раму хвостом.

– Ты о чем? О друзьях?

– У меня, вообще-то, есть друзья. А вот лучшей подруги нет. Все, похоже, считают меня зубрилой, неспособной стать кому-то лучшей подругой.

– Но ты ведь действительно много занимаешься. Даже плаваешь по ночам на остров, чтобы подготовиться к контрольной.

– Так и есть. Значит, ты тоже находишь меня скучной?

– Что ты! Я считаю, ты... ты просто прибойная!

Шона смущенно улыбнулась.

– Почему здесь никого нет? – поинтересовалась я. – Даже немножечко страшно.

– Эх ты, чаячьи мозги! Ночь же глубокая!

– А, ну да, правильно. – Я держалась за руль и раскачивалась, как на качелях. – Хотелось бы мне повидать других русалок, – сказала я задумчиво.

– И в чем проблема? Приплывай к нам в школу.

– Ночью? Не хочешь же ты сказать, что у вас есть ночная продленка?

– Днем приплывай. В субботу.

– В субботу?

– В субботу утром у нас есть уроки. Почему бы тебе не приплыть на этой неделе? Я всем скажу, что ты моя двоюродная сестра. Вот это будет поклевка!

– Поклевка?

– Хотела сказать «клево». Извини, перепутала.

Я задумалась. Джулия тоже пригласила меня в гости как

раз в эту субботу. Можно было наврать маме, что иду к Джулии, а Джулии – что мама не отпустила. Но ведь у нас с ней только-только начала завязываться дружба. В следующий раз Джулия может и не позвать. И с кем я тогда останусь? А как же Шона? И, потом, она – русалка и хочет отвести меня в настоящую русалочью школу! Разве можно упустить такой шанс?

– Договорились, – сказала я. – Так и сделаем.

– Великолепно! А родители тебе позволят?

– Смеешься? Никто там не знает, что я – русалка.

– Никто, кроме папы и мамы, да? Ведь если ты – русалка, значит, они тоже...

– У меня нет отца.

– Ой, извини.

– Да все нормально. Считай, его и не было. Он бросил нас сразу после моего рождения.

– Акуля печенка! Это ужасно!

– А, чихать я на него хотела. Он даже не объяснился, просто однажды исчез и все. Мама до сих пор не оправилась от удара.

Шона молчала, напряженно глядя на меня.

– Ты чего?

– Говоришь, отец покинул вас, когда ты была маленькой?

– Да.

– И ты не знаешь, почему?

Я помотала головой.

– И куда он делся, тоже не знаешь?

– Нет. Не знаю и знать не хочу, после того, как он с нами поступил.

– А вдруг с ним что-нибудь случилось?

– Например?

– Например... Например, его похитили. Или он не смог вернуться. Или...

– Или он просто смылся. Скатертью дорожка.

– Но что если он...

– Шона! Я не хочу о нем говорить. У меня нет отца, ясно?

И хватит об этом.

На поляну выплыл косяк длинных белых рыб и исчез в водорослях, чьи ленты мягко сомкнулись за их хвостами.

– Прости, – сказала Шона. – Так ты будешь в субботу?

– Если тебе еще этого хочется, – повернулась я к ней.

– А то! – Она соскользнула с велосипеда. – Поплыли, нам пора назад.

Мы возвращались к Радужным камням, от вопросов Шоны я совсем загрустила. Потому что сама задавала их множество раз. Почему мой отец ушел? Неужели он меня не любил? Не хотел, чтобы я рождалась? Вдруг это из-за меня он бросил маму?

Увижу ли я его когда-нибудь?

Глава 5

Помахав маме на прощание, я зашагала по пирсу.

– Пока, солнышко! Желаю хорошо провести время! – крикнула она мне вслед.

– Пока, мам! – весело ответила я, думая при этом: «*Ну же! Иди на лодку!*».

Я шла, нескладно переставляя ноги и поминутно оглядываясь. Мама продолжала улыбаться и махать мне всякий раз, когда наши глаза встречались.

Наконец она спустилась с палубы, закрыв за собой дверь. Дойдя до конца пирса, я в последний раз обернулась, просто чтобы удостовериться, что мама там уже не стоит, и, не сворачивая к набережной, спрыгнула на берег, пробежала несколько шагов и шмыгнула под пирс. Торопливо стянула джинсы и туфли, спрятала их под камень. Купальник я надела заранее.

Было время прилива, и вода стояла высоко. Несколько человек прогуливались по пляжу, но никто из них вроде бы в мою сторону не смотрел. А вдруг все-таки заметят? Мне представилось, как они тычут пальцами и кричат: «*Девочка-рыба! Живой ихтиандр!*», а потом берут сети и окружают меня.

Со страху я никак не могла заставить себя войти в воду. Но как же Шона? И русалочья школа? Я должна все это уви-

деть! Просто надо доплыть до Радужных камней под водой, и тогда мой хвост никто не заметит.

И, не раздумывая больше, я бросилась в ледяную воду. Оглянулась, набрала полную грудь воздуха и отправилась в путь.

Добравшись до Радужных камней, я расположилась у самой воды, так, чтобы меня нельзя было увидеть с берега. Минуту спустя появилась Шона.

– Ты здесь! – обрадовалась она.

Вместе мы поплыли под водой. Шона вела меня в новом направлении, через залив. Когда мы добрались до его дальней оконечности, она повернулась ко мне:

– Ну, готова?

– Еще бы! Дождаться не могу!

Шона нырнула, уйдя в глубину. Я держалась за ней, боясь напороться на камни. Мы погружались все глубже и глубже.

Из едва заметных щелей между камнями то и дело выскакивали стайки рыбок. Камни были облеплены черными морскими ежами. Вода сделалась холоднее.

Вдруг Шона пропала.

Я быстрее задвигала хвостом. В огромном камне обнаружился проход. Точнее, внушительная дыра. Да что там внушительная – через нее мог бы проплыть даже кит! Из дыры

выглянула Шона.

– Давай за мной! – улыбнулась она.

– Туда? – Я медлила.

Тогда она выплыла, взяла меня за руку, и мы вместе вплыли в темный извилистый туннель. Вскоре за очередным поворотом мелькнул далекий свет, он рос, рос, и вот туннель кончился. Я огляделась вокруг, и у меня отвисла челюсть.

Мы находились в огромной пещере, размером с футбольное поле. Нет, куда больше! Во все стороны уходили другие туннели и ходы. Какая-то гигантская кроличья нора!

И везде были люди. Люди-рыбы! Морской народ! Сотни и сотни! Русалки с длинными гибкими хвостами, украшенными золотыми цепочками, сопровождали таких же хвостатых детишек. Одна русалка везла малыша на спине, из подгузника высовывался крошечный розовый хвостик. У входа в большой коридор болтали и хихикали несколько русалок с авоськами из рыболовных сетей. У другого входа сидели рядом три старых тритона с бледными морщинистыми хвостами и такими же физиономиями. Старички, посмеиваясь, беседовали о чем-то, их глаза сияли.

– Добро пожаловать в Камнебриг, город морского народа! – провозгласила Шона.

– А, Шона! Опоздываешь! – Позади нас возникла русалка с волосами, собранными в узел на макушке. – До звонка пять минут, – добавила она, взмахнула зеленым хвостом и проплыла дальше.

– Это мисс Водокрут, – прошептала Шона. – Учительница истории. История у нас первым уроком.

Мы всплыли за мисс Водокрут в одну из каменных нор, оказавшись в другой пещере, где плавало множество русалочек и тритончиков с хвостами, отливающими всеми оттенками синего, зеленого, фиолетового и серебряного. Все ждали начала занятий. Несколько девочек играли во что-то вроде скакалки, приспособив обрывок корабельной веревки.

Тут раздался звук, очень напоминающий гудок ревуна, и все ученики построились в ряды. Русалочки – слева, тритончики – справа. Шона потащила меня в дальний конец.

– Ты как, Эмили, в порядке?

Я кивнула, все еще не в силах вымолвить ни слова. Между тем наш ряд всплыл в очередной тоннель, приведший в круглое помещение. Оно напомнило мне панорамный кинотеатр на ярмарке, в котором показывают фильмы об отважных пилотах или чокнутых горнолыжниках. Только здесь все было взаправду.

Все расселись на гладких валунах. Шона подтащила еще один такой к своему. Несколько девочек мне улыбнулись.

– Ты новенькая? – спросила одна: маленькая, пухленькая с толстеньким темно-зеленым хвостиком, который так и искрился, когда она говорила.

– Это моя кузина, – торопливо представила меня Шона.

Русалочка еще раз улыбнулась и отплыла к своей «парте». Стены класса украшала мозаика из ракушек и водорослей,

свет шел из трещин в потолке. Тут всплыла мисс Водокрут, мы все вскочили и хором поздоровались.

Шона подняла руку.

– Мисс Водокрут, можно моей кухне поприсутствовать на уроке?

– Только если она будет хорошо себя вести. – Учительница смерила меня взглядом и хлопнула в ладоши. – Итак, начинаем. Тема сегодняшнего урока – «Кораблекрушения XIX века».

Вот это да! Куда круче, чем алгебра!

Мисс Водокрут пустила по классу несколько предметов.

– Кусок обшивки «Странника», – сказала она, передавая ученице, сидевшей в первом ряду, большой деревянный обломок. – Это было одно из самых амбициозных потоплений.

Амбициозные потопления? О чем она толкует?

– О самом «Страннике» известно немного, – продолжила мисс Водокрут. – Однако мы точно знаем, что данное потопление – дело плавников группы русалок, называвших себя «Сестрами-сиренами». Их умелые манипуляции с гребнями и профессиональное заманивание заворожили экипаж огромного корабля, что и привело к его крушению.

Шона протянула мне короткий обрывок цепи. Я рассмотрела его и передала дальше.

– Но не все было так просто. Я говорю о неподобающем поведении некоторых «сестер». Может ли кто-нибудь сказать, о чем я?

Шона вскинула руку.

– Да, Шона.

– Они влюбились, верно?

– И почему я не удивлена? Твоя голова, как обычно, забита романтической чешуей, да, Шона?

Класс захихикал.

– Впрочем, на сей раз ты права. Эти сирены действительно чуть не провалили всю операцию. Вместо того чтобы утопить моряков, они предпочли сбежать с ними! Никто никогда их больше не видел. Не пытались ли они впоследствии вернуться в море, закономерно разочаровавшись в жизни на берегу? Кто знает...

Я заерзала на своем камне.

– Впрочем, всем нам хорошо известно, – продолжала мисс Водокрут, – с каким неодобрением Нептун смотрит на подобных отступников.

– Кто такой этот Нептун? – шепотом спросила я у Шоны.

– Наш царь, – так же шепотом ответила она. – И, поверь, лучше не выводить его из себя! Нрав у него крутой, чуть что не по нему – сразу шторм устраивает, а то и морских чудовищ натравляет. Зато Нептун может успокоить разбушевавшееся море одним движением бровей. Он очень могущественный и ужасно богатый. У него огромный дворец из кораллов, жемчуга и золота...

– Шона! – Мисс Водокрут строго посмотрела в нашу сторону.

– Простите, мисс, – покраснела моя подруга.

Учительница неодобрительно покачала головой.

– Самое же печальное в истории «Странника» то, что он сделался чем-то вроде символа тех, кто обрекает себя на судьбу «Сестер-сирен». Случается это нечасто, но время от времени морской народ и люди соединяются. Мне не нужно вам говорить, какое наказание ждет ослушников. Предателей, ставящих под угрозу жизнь целого народа, сажают в тюрьму.

– А у вас и тюрьма есть? – опять зашептала я.

– Разумеется, – кивнула Шона. – И, судя по картинкам, там просто кошмарно. Бесконечный лабиринт под Большим Тритоньим рифом, неподалеку от дворца Нептуна.

С этого момента я места себе не находила. Вдруг они узнают, что я не настоящая русалка, и посадят меня в тюрьму?

Едва уроки закончились, Шона опять схватила меня за руку.

– У меня идея! – воскликнула она. – Давай разыщем обломки «Странника»!

– Что? И как же мы это сделаем?

– Ведь мисс Водокрут объяснила, где произошло кораблекрушение.

Шона провела рукой по хвосту и вдруг сделала такое, чего я вообразить не могла: сунула пальцы между чешуек, порылась там и вытащила нечто, одновременно напоминающее компас и калькулятор. Чешуйки тут же сомкнулись.

– Что это было? – воскликнула я.

– Ты о чем? – озадаченно спросила Шона.

Я показала глазами на ее хвост: на то место, откуда она только что вытащила прибор.

– Это мой карман.

– Карман?!

– Ну да. И у тебя тоже есть.

– В куртке. Но не в теле.

– Уверена?

Я обшарила свой хвост. Рука скользнула между чешуйками. Карманы! У меня тоже есть карманы!

– А это мой плескометр. – Шона показала мне странный предмет. – Он поможет нам отыскать корабль.

Мама ждала меня не раньше чем в четыре пополудни. А что если действительно?..

– Решайся же, Эмили! Это будет так романтично!

Я колебалась всего секунду.

– Отлично, давай!

Мы плыли довольно медленно, потому что Шона каждые несколько метров сверялась со своим плескометром. Потом всплыли на поверхность и огляделись. Несколько чаек покачивались на волнах, другие белыми стрелами ныряли в воду, охотясь на рыбу.

Мы тоже нырнули. Лучи солнца, проникая в толщу воды, казались пыльными столбами. Через несколько минут плескометр запищал.

– Подплываем, – булькнула она, и мы начали спуск.

Чем глубже мы спускались, тем удивительнее становились морские обитатели. Существо, похожее на персик со щупальцами, медленно вращалось в воде, обводя окрестности черными глазками-бусинками. Внизу плыла прозрачная медуза, двигаясь прыжками, как странный заторможенный кузнечик. Непонятное создание, напоминающее золотую корону из резины, бесшумно всплывало наверх. Всюду, куда ни глянь, болтались, крутились и вертелись обитатели глубин – ни дать ни взять инопланетяне из мультиков.

Вдруг Шона потянула меня за руку.

– Туда! – сказала она, показывая вперед.

По мере нашего погружения море делалось все темнее и темнее. И тут в темноте возник какой-то непонятный силуэт, окруженный золотым сиянием. Мы приближались, и свет делался все ярче. Вскоре он совершенно окутал нас. Мы нашли корабль! Мы нашли «Странник»!

Проплыли вдоль ряда иллюминаторов, от кормы до заостренного носа, потом отплыли немного в сторону, любуясь нашей находкой. Длинный элегантный корабль прикорнул на песке: тихий, неподвижный, величественный.

– Потрясающе, – пробулькила я, и изо рта вырвалась цепочка пузырьков, точь-в-точь как в комиксе. Я рассмеялась,

и новые пузырьки всплыли вверх, исчезая в темноте.

От корабля невозможно было отвести глаз. Происходящее походило на кино, а не на настоящую жизнь. Не на мою жизнь! Корабль сиял, словно внутри него пряталось солнце или он был отлит из чистого золота.

Из золота? Затонувший золотой корабль? Сердце у меня екнуло.

– Шона, мачты...

– С тобой все в порядке, Эмили?

– Я должна увидеть его мачты!

– Тогда поплыли. – Шона махнула рукой куда-то в темноту.

Мы молча обогнули косяк крошечных рыбешек, объедавших что-то с бортов, проплыли к палубе мимо бесчисленных деревянных ребер. Некоторые из них блестели и казались почти новыми, другие потемнели и прогнили. Наконец мы всплыли наверх и зацепились хвостами за мачту, обвив ее точно змеи – ствол дерева. Мое сердце гулко стучало.

– Что это?

– Ты о чем, Эмили?

– Из чего она сделана?

Шона внимательно осмотрела мачту.

– Знаешь, выглядит как мрамор, но...

– Мрамор? Ты уверена?

«*Золотое судно с мраморными мачтами!*» Не может быть!

Отпустив мачту, я с силой оттолкнулась и, распугивая рыбешек, рванула прочь. Мне нужно было покинуть это место! Все тут было неправильно! Бессмысленно!

– Что с тобой? – Шона нагнала меня.

– Я... понимаешь...

Что? Что я могла ей сказать? Как могла объяснить охватившую меня панику? Какая-то бессмыслица. Этого быть не могло, не могло, и все! Я должна немедленно выкинуть ужасные мысли из головы. Это просто удивительное совпадение и ничего больше.

– Так, ерунда, – сказала я, натянуто улыбнувшись.

– Тогда поплыли внутрь!

Шона скользнула вдоль борта, не обращая внимания на находящихся рядом рыбок. Моей руки коснулась скользкая лента покачивающейся водоросли, и я вздрогнула.

– Нашла! – Шона радостно забила хвостом.

Я подплыла поближе и остановилась у разбитого иллюминатора. Шона мельком взглянула на меня, на ее лице сияли золотые блики.

– У меня еще ни разу не было такого захватывающего приключения, – тихо проговорила она и исчезла в отверстии.

Я постаралась подавить страх. Чего мне бояться? Плотно прижала руки к телу и, легонько шевеля кончиком хвоста, последовала за Шоной.

Мы очутились в узком коридоре. Покачивающиеся куски обивки свисали с потолка, точно пропитанные водой сталагмиты. Плавно идущий под уклон пол совершенно прогнул, он был черным, покоробившимся, в нем не хватало половиц. Стены поросли водорослями.

– Вперед, Эмили!

Длинная тонкая рыбка меланхолично обследовала стены и потолок. По левую руку тянулся длинный ряд иллюминаторов, по правую – облупившиеся от воды двери в каюты. Мы попробовали открыть одну.

– Все заперты, – огорчилась Шона, пробуя одну ручку за другой и наваливаясь на очередную дверь.

Потом она метнулась в конец коридора и скрылась за углом. Я поплыла за ней. Там обнаружилась большая белая дверь с заманчиво блестящей круглой медной ручкой. Около нее, будто охранник, зависла крупная толстая рыбина с выпуклыми глазами. Шона, тряхнув головой так, что волосы разметались за спиной, потянулась к ручке. Рыба прыснула в сторону, и дверь медленно отворилась.

– Тысяча морских чертей! – выдохнула Шона.

– Ух ты! – эхом откликнулась я, заглядывая в дверной проем.

Пузырьки так и затанцевали у моего рта.

Это была самая роскошная комната, которую я когда-либо видела! И самая большая! Размером примерно с теннисный корт. У одной стены колыхался ковер из коричневых водорослей, а у противоположной пол оставался твердым и белым.

– Жемчуг! – закричала Шона, скользнув над гладкой поверхностью.

Я проплыла в угол, обогнула кругом одну из золотых сияющих колонн, разбрасывающих по всей комнате зайчики, меж которыми танцевали яркие синие и желтые рыбки.

Под огромными иллюминаторами стояли диванчики с бархатными сиденьями и деревянными спинками, а перед диванчиками – широкие металлические столы. Я взяла с одного золотой кубок. Он был тяжелый, с широким основанием и глубокой чашей, словно ждал, что его вот-вот наполнит невидимый кравчий.

Под самым потолком мельтешили рыбки. Желтый потолок!

– Шона, как ты думаешь, из чего сделан потолок?

– Вроде бы из янтаря, – ответила Шона, взмыв к потолку.

С силой ударив хвостом, я устремилась на выход. «*Янтарные своды, жемчужный пол*». Нет! Не может быть! Невероятно!

Однако и дальше отмахиваться от правды было нельзя. Это был тот самый корабль из маминого сна.

Глава 6

– Шона, надо отсюда выбираться! – Я выдернула трясущуюся ладонь из ее пальцев.

– Разве тебе не хочется...

– Нет, нам надо немедленно уходить!

– Да что случилось?

– Не знаю. Но что-то здесь не то. Прошу тебя, Шона! Она пристально посмотрела мне в лицо. В ее глазах что-то мелькнуло: то ли страх, то ли понимание.

– Хорошо, – сказала она.

Мы молча миновали узкий коридор. Я неслась впереди, Шона – за мной. Я так спешила, что проскочила мимо разбитого иллюминатора, доплыв почти до противоположного конца корабля! Развернулась, собираясь плыть назад, но Шона дернула меня за руку.

– Смотри! – воскликнула она, показывая на палубу.

– Ну что там еще?

– Неужели не видишь?

Я присмотрелась и заметила, что часть палубы выглядит поновее, очертаниями напоминая крышку люка. К ней приделана ручка, формой напоминающая гигантские клещи.

– Помоги, Эмили! – Шона уже тянула дверцу на себя.

– Шона, у меня действительно нехорошее предчувствие. Я должна...

– Мы только одним глазком! Ну пожалуйста! А потом сразу уплывем, обещаю.

Я нехотя взялась за ручку и потянула, вращая хвостом как пропеллером. Люк со скрипом приоткрылся. Из провала стремительно выплыла стайка рыбеёй мелюзги, блеснув серебром, и исчезла в темноте. Перевернувшись вниз головой, Шона заглянула в люк, размахивая хвостом перед самым моим носом.

– Ну что? – спросила я.

– Ход! – Шона выглянула из провала. – Посмотрим?

– Но ты же обещала...

– Всего пять минуточек! – И с этими словами она пропала во мраке.

Стоило всплыть в нору, как золотой свет исчез. Лишь сквозь щели просачивались тоненькие лучики. Нам приходилось искать путь на ощупь, что было крайне неприятно: стены покрывала какая-то губчатая слизь. Я решила не гадать, что это такое. Иногда в сумраке мелькала случайная рыба, сонная и одинокая. Тишина все сильнее давила на уши, в душе росло беспокойство. Как вообще все это возможно?

– Смотри! – раздался впереди голос Шоны.

Я всмотрелась в темноту. В конце туннеля виднелась еще одна дверь.

– Заперто, – тихонько сказала Шона. – Нет, ты только глянь на...

Внезапно откуда-то выскочила светящаяся рыба с широко раззявленной пастью, едва не задев мое лицо. Завизжав, я схватила Шону за плечо:

– Все, я уплываю отсюда!

С этими словами я рванула наружу, забыв и о бальной комнате, и о скользких стенах, и о таинственном люке. Я желала одного: убраться прочь с этого корабля.

Мы сидели на Радужных камнях у самой воды, чтобы нас не заметили с берега. Волны лениво лизали валуны. Хвост Шоны блестел в лучах холодного осеннего солнца. Мой же снова исчез. Я вытирала курткой покрывшиеся гусиной кожей ноги, а Шона смотрела на них во все глаза.

Похоже, мое превращение и ей казалось невероятным.

– Не хочешь рассказать, что с тобой? – нарушила она молчание.

– Ты о чем?

– Что с тобой случилось на корабле?

Я бросила в воду камушек. Побежали круги. Они росли, ширились, а потом и вовсе исчезли.

– Не могу.

– Или не хочешь?

– Нет, именно не могу! Я сама не знаю, в чем тут дело.

Какое-то время Шона молчала, потом сказала:

– Наверное, ты просто мне не доверяешь. Что ж, понимаю: в конце концов, я ведь не твоя лучшая подруга.

– У меня вообще нет лучшей подруги.

– И у меня, – застенчиво улыбнулась Шона, похлопывая хвостом по камню, и вновь затихла.

– Послушай, дело тут вовсе не в доверии, – наконец сказала я. – Я тебе доверяю, просто... ты можешь решить, что я спятила.

– И не подумаю! Если не считать того, что ты – получеловек, полурусалка, убегаящая по ночам из дома, чтобы поплавать, ты – самая нормальная девчонка, какую я когда-либо встречала.

Я прыснула.

– Доверься мне, Эмили.

Так я и поступила.

Рассказала Шоне все. Об уроках плавания, о гадалке Милли, о корабле из маминого сна. Рассказала даже о том, что в самую первую свою ночь видела на берегу мистера Бистона. Едва начав говорить, я уже не могла остановиться.

А когда закончила, то увидела, что Шона пристально смотрит на меня.

– Ты чего?

Она отвернулась.

– Шона!

– Не скажу. А то рассердишься, как в прошлый раз.

– Шона, в чем дело? Тебе что-то известно? Ты обязана

мне сказать.

– Нет-нет, – замотала она головой. – Ничего я не знаю. В смысле – не знаю наверняка.

– Все равно говори!

– Помнишь, когда мы с тобой встретились, твоя фамилия показалась мне знакомой?

– Ты же сказала, что ошиблась.

– Да, но на самом деле нет.

– То есть ты ее все-таки слышала?

– Похоже на то. – Шона кивнула.

– Где?

– В школе.

– В школе?

– Вроде бы я прочитала ее в каком-то учебнике. Одно неясно, правда ли это или обычная морская байка. Мы проходили на уроке истории.

– Что именно проходили?

Шона замялась, потом выдавила:

– Незаконные браки.

– Незаконные? Ты имеешь в виду...

– Ага, между людьми и морским народом.

Я попыталась переварить ее слова. На что намекает Шона? Что мои родители...

– Возвращаемся, в школьной библиотеке обязательно что-нибудь найдется, – сказала она, слезая с камня.

– Я думала, после обеда ваша школа закрыта.

– Там сейчас всякие клубы и кружки. Поплыли, я уверена, мы что-нибудь да раскопаем.

Пока мы возвращались в русалочью школу, мои мысли окончательно запутались, как старые рыбацьи сети.

Мы нырнули в уже знакомую дыру в скале, проплыли по туннелю и вновь попали на школьный двор. На сей раз он пустовал.

– Сюда, – Шона кивнула на стоящее поодаль каменное сооружение.

Оно вилось спиралью, щерясь огромными дырами и трещинами. Мы вплыли внутрь сквозь широкую расщелину и, миновав закручивающийся коридор, оказались в круглом помещении с неровными каменными стенами. Несколько русалочек и тритончиков, сидя на грибовидных губках, просматривали длинные полосы чего-то, напоминающего грубую оберточную бумагу. Они сворачивали и разворачивали свитки, водили головами из стороны в сторону, словно изучая их.

– Чем это они занимаются? – вполголоса спросила я.

– Читают, – удивленно ответила Шона. – Неужели не видно?

Я только пожала плечами.

– А где же книжки?

– Свитки гораздо удобнее. Пойдем, хранилище вон там.

Шона привела меня в другой конец комнаты, мы взмыли к потолку и принялись просматривать заголовки, выведенные на краях свитков: «Кораблекрушения», «Сокровища», «Моряки», «Сирены»...

– «Сирены», пожалуй, подойдут, – пробормотала Шона, взявшись за толстый рулон. – Помоги.

Мы стащили свиток на пол, надели на специальный цилиндр и принялись вращать старые деревянные рукояти. Перед нашими глазами замелькали даты, факты и персонажи. Истории о сиренах, заманивших моряков в открытое море столь чудесными песнями, что человеческое сердце не в силах было им противиться; о рыбаках, сошедших с ума и бросившихся в волны за возлюбленными; о русалках, обретших богатство и славу своими великими деяниями; о потопленных кораблях. Мы дошли до конца свитка, но не обнаружили ни единого упоминания о незаконных браках.

– Так мы никогда ничего не найдем, – вздохнула я. – Я даже не знаю толком, что искать.

– Должно же быть что-то, – бормотала Шона, нервно кружа у меня над головой.

– А, кстати, почему эти браки незаконны? Почему нельзя выходить замуж или жениться на ком хочешь?

– Такие штуки приводят Нептуна в настоящее бешенство. Поговаривают, что он сам однажды женился на земной женщине, а она его бросила.

– Так Нептун женат? – Я подплыла к Шоне.

– Ой, у него целый косяк жен и сотни детишек! Но та женщина была особенная, он не смог ее простить, а заодно обиделся на все человечество.

– Шона Шелкопер, чем это ты здесь занимаешься? – раздался позади грозный окрик.

Мы с Шоной обернулись и увидели учительницу истории!

– Ах, мисс Водокрут, я просто... мы тут...

– Шона помогает мне с домашней работой, – простодушно улыбнулась я.

– С домашней работой? – скептически протянула историчка.

– Нам в школе, это в... в...

– Это в Мелководье, – пришла на выручку Шона. – Моя кухня оттуда.

– Да, так вот, нам задали написать доклад о незаконных браках, – выпалила я по наитию, решив, что учительница может помочь, ведь именно на ее уроке Шона слышала мою фамилию. – Шона сказала, что они эту тему уже проходили, и предложила помочь.

– И что именно тебя интересует? – Мисс Водокрут опустилась на грибообразную губку и кивком пригласила нас сесть рядом.

Я замаялась, покосившись на Шону. Что меня интересует? А действительно, что?

– Эмили выбрала для своего доклада Камнеобриг, –

подхватила сообразительная Шона. – Именно поэтому она здесь. Нам нужно узнать, не случилось ли чего-нибудь подобного в наших краях.

– Да, была одна такая история, – подтвердила мисс Водокрут, поправляя волосы. – Довольно известный случай, между прочим. Помнишь, Шона? Мы проходили его в прошлой четверти. – Учительница нахмурилась. – Или ты, как всегда, прохлопала все хвостом?

– Не могли вы бы мне рассказать? – попросила я.

– Разумеется. – Мисс Водокрут повернулась ко мне, а я так и подпрыгивала на своей губке от нетерпения.

– Однажды несколько человек прознали о морском народе. В нашем заливе проходили парусные гонки, две яхты сошли с курса и перевернулись. Моряков обнаружили тритоны. Они помогли терпящим бедствие, впоследствии, естественно, стерев людям память. – Мисс Водокрут замолчала. – Но одну девушку они проморгали.

– И?

– И она ничего не забыла. Пошли слухи как в надводном мире, так и в подводном. Люди и морские жители начали встречаться. Якобы они надумали уплыть на необитаемый остров, чтобы жить там всем вместе. Некоторые болтают, что это им даже удалось.

– Правда? – воскликнула Шона.

– Как я только что сказала, это лишь слухи. Лично я в подобный остров не верю. Как бы там ни было, встречи про-

должались. Можете себе представить гнев Нептуна?

– И что же случилось потом? – спросила я.

– Он устроил многодневный шторм. Объявил, что, если ослушники попадутся ему на глаза, их ждет вечная тюрьма. Нептун лично посетил наш город.

– Не может быть! – встряла Шона. – Нептун никогда не покидает своего дворца, разве что для путешествий в южные моря или для посещения других своих дворцов. У него ведь их множество. Правильно, мисс Водокрут?

– Совершенно верно, Шона.

– То есть царь собственной персоной прибыл в Камнебриг? – уточнила я.

– Именно.

– Ой, мисс Водокрут, а вы его видели?

Учительница важно кивнула.

– Ух ты! И какой он, Нептун?

– Грозный, крикливый и весь в золоте. Но, надо признать, у него есть определенный шарм.

– Вот это да! – Шона не сводила глаз с учительницы.

– Подготовка к визиту заняла несколько недель, – продолжила мисс Водокрут. – Как вы знаете, Нептун бывает недоволен, если ему не подарить достойные его украшения и драгоценности. Нашим пришлось обыскать все дно в окрестностях. Мы поднесли царю новый скипетр.

– Ему понравилось?

– Очень. В благодарность он подарил Камнебригу ездово-

го дельфина.

– И незаконные встречи прекратились? – спросила я. – Между людьми и морским народом?

– К сожалению, нет. Отступники продолжали тайно встречаться. Не знаю, как им было не совестно. Подумать только, послушаться самого Нептуна!

– А как же брак?.. – пискнула я и затаила дыхание.

– Ах, да, был тут один тритон. Стихоплет по имени Джейк. Он женился на земной женщине. Прямо там, на Радужных камнях.

Какая-то мысль мелькнула у меня в голове, неуловимая, подобно мыльному пузырю, который лопается, едва его коснешься. Шона не поднимала на меня взгляда.

– Как была его фамилия, мисс Водокрут? – спросила она. Ее голос звучал неровно.

Нахмурившись, учительница вновь поправила свою прическу и наморщила лоб.

– Хвостодуй? Водохлюп? Вертопрах? Нет, не помню.

– Может, Ветрохват? – выговорила я, закрыв глаза.

– Ветрохват... Знаешь, кажется, именно так.

Мыльный пузырь превратился в камень и застрял у меня в горле.

– Вроде бы у них родилась дочь, – добавила учительница. – Тут-то их и сцапали.

– Когда именно это случилось? – выдавила я.

– Дай-ка подумать... Лет двенадцать или тринадцать тому

назад.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

– Этим они себя выдали. Глупая женщина привезла ребенка к Радужным камням, там мы Джейка и взяли.

– Взяли? И что с ним случилось? – спросила Шона.

– В тюрьму посадили. – Мисс Водокрут горделиво улыбнулась. – Нептун решил наказать его в назидание остальным и приговорил к пожизненному заключению.

– А ребенок? – Мое сердце сжалось в ожидании ответа.

– Ребенок? Откуда мне знать? Мы положили конец этой позорной связи. – Учительница улыбнулась. – Контролем за такими вещами ты и займешься, Шона, когда вырастешь и станешь сиреной. Уверена, ты будешь прекрасной сиреной.

– Я пока не решила, кем хочу стать, – покраснела Шона.

– Ну что ж. – Миссис Водокрут окинула взглядом зал, где продолжали читать или тихонько разговаривать ученики. – А теперь, девочки, если у вас все, я должна проверить работу своего библиотечного кружка.

– Большое вам спасибо, – нашла я в себе силы поблагодарить ее.

Учительница уплыла, а мы с Шоной еще долго сидели молча.

– Ведь это все обо мне, правда? – наконец выговорила я, глядя в пустоту.

– Ты разве против?

– Сама не знаю. Ничего больше не знаю, даже кто я такая.

Шона подплыла ко мне вплотную и заглянула в глаза.

– Эмили, вдруг нам удастся узнать еще что-нибудь? Ведь он жив! И где-то должен находиться.

– Ну да. В тюрьме. До самой смерти.

– По крайней мере, мы выяснили, что он вовсе не соби-
рался тебя бросать.

Может быть, он все еще думает обо мне? Вдруг на самом деле получится узнать о нем побольше?

– Я считаю, что надо вернуться на «Странник», – сказала Шона.

– На «Странник»? Ни за какие коврижки!

– Подумай только, Эмили! Твоей матери приснилось то, что мисс Водокрут рассказывала нам на уроке. Что если твои родители спускались на корабль вместе?

Наверное, Шона права. В любом случае лучшей идеи у меня не было.

– Ладно, подумаю, – согласилась я. – Дай мне несколько дней.

– Значит, в среду?

– Хорошо. Ой, слушай, мне надо возвращаться. – Я направилась к спиральному коридору.

– Ты одна справишься?

– Конечно, – попыталась я улыбнуться.

Справлюсь ли я с тем, что на меня свалилось? Об этом оставалось только гадать.

Я плыла по спокойной воде, а мои мысли теснились, глу-

бокие и неизъяснимые, как море.

Глава 7

– Ты ешь или играешь? – спросила мама, глянув поверх очков, как я рассеянно вожу ложкой в миске с шоколадными хлопьями.

Молоко делалось коричневым, хлопья светлели, превращаясь в месиво.

– А? Что? Извини, мам. – Я быстро сунула в рот полную ложку и вновь задумалась.

Мама просматривала утренний номер «Обозревателя». Время от времени она неодобрительно хмыкала, хмурилась и поправляла очки на переносице.

Как же мне выяснить правду? Ведь это не тот случай, когда можно мимоходом спросить, дожевывая воскресный завтрак: «Кстати, мам, я правильно понимаю, что ты родила меня от тритона, который затем бесследно исчез? И как насчет того, чтобы рассказать об этом собственной дочери? Никогда не думала?».

Я резко дернула ложкой, и молоко выплеснулось на стол. – Поаккуратней, солнышко. – Мама смахнула с газеты бежевые капли и посмотрела на меня. – Что с тобой, Эмили? Ты сегодня сама не своя.

– Ничего. – Я встала и вылила остатки завтрака в раковину.

– Эмили!

Ничего не отвечая, я села обратно за стол и принялась накручивать волосы на палец.

Мама сняла очки. Значит, дело приняло серьезный оборот. Она сложила руки на груди. Ага, все, оказывается, еще серьезней.

– Я жду, – произнесла она, сжимая губы и щуря глаза. – Эмили, кому говорю...

– Почему ты никогда не рассказываешь мне об отце?

– Что? – Мама подпрыгнула точно ужаленная.

– Ты никогда не рассказывала об отце, – повторила я чуть тише. – Я ничего о нем не знаю. Как будто его никогда не существовало.

Мама вновь нацепила очки. Сняла и опять надела. Протянув руку, зажгла газ под чайником.

– Я не знаю, что рассказывать, – пробормотала она, уставясь на огонь.

– Для начала можешь рассказать хоть что-нибудь.

– Я бы хотела, детка, очень хотела бы.

– Так в чем проблема?

– Не знаю. – Ее глаза наполнились слезами, и она вытерла их рукавом кофты. – Просто не могу, не могу.

Смотреть, как она плачет, было выше моих сил.

– Ладно, мам, проехали. Прости меня. – Вскочив, я обняла ее сзади за плечи. – Все это ерунда.

– Нет, не ерунда. – Мама вытерла нос салфеткой. – Я хочу тебе рассказать, но не могу, никак не могу...

– Мам, да все нормально, правда. Ты не обязана ничего мне объяснять.

– Но я же хочу! – Она всхлипнула. – Только ничегошеньки не помню!

– Не помнишь? – уставилась я на нее. – Не помнишь человека, за которого вышла замуж?

– Ну, да... то есть нет. – Мама посмотрела на меня покрасневшими глазами. – Иногда в памяти что-то всплывает, а затем пропадает.

– Пропадает?

– Да, как пропал и он сам, – тихо прошептала она, уронив голову на руки и задрожав. – Я не помню собственного мужа, твоего отца. Боже, я ужасная мать!

– Мам, ну не начинай, – вздохнула я. – Ты прекрасная мать, самая лучшая.

– Честно? – Она нервно разгладила юбку на коленях.

Я натянута улыбнулась. Мама подняла на меня глаза и провела пальцем по моей щеке.

– Наверное, кое-что я сделала правильно, раз у меня есть ты, верно? – слабым голосом сказала она.

– Послушай, мам, давай просто обо всем забудем. Идет?

– Ты заслуживаешь лучшего, чем...

– Ну мам! Все у нас хорошо, – твердо сказала я. – Кстати, а как насчет карманных денег?

– Ах ты, гном! – Она легонько ущипнула меня за нос. – Подай-ка мне мой кошелек.

Получив две фунтовых монетки, я вышла из дома.

Дойдя до зала игровых автоматов, я замедлила шаг. Несправедливо. То есть ужасно несправедливо. Теперь я не могу даже зайти поиграть в пинбол. Чего доброго, появится Мэнди и примется доставать меня в такой момент.

Купив на конце пирса сахарную вату, я бесцельно побрела к набережной. И настолько погрузилась в свои мысли, что чуть не налетела на мистера Бистона.

– Эй, смотри, куда идешь, Эмили.

– Извините, задумалась.

Он улыбнулся, и от этой улыбки волоски на моей шее, как всегда, встали дыбом. Один уголок его рта пополз вниз, другой потянулся вверх, открывая кривые зубы, между которыми темнели бреши.

– Как поживает мама?

И тут у меня мелькнула свежая мысль. Мистер Бистон давным-давно живет в Брайтоне и хорошо относится к маме. Вдруг ему что-нибудь известно?

– По правде сказать, так себе, – ответила я, откусывая сахарной ваты.

Теплое облачко мигом растеклось на языке сладостью.

– Да? Почему же?

– Она немного... расстроена.

– Расстроена? Из-за чего? – быстро спросил он, сразу по-серьезнев.

– Ну...

– Она не заболела? – Мистер Бистон впился взглядом мне в лицо.

– Мой отец... – Я двумя пальцами вытянула длинную нитку ваты, напоминающую розовую пуховую пряжу, и сунула ее в рот.

– Твой кто? – мистер Бистон так и взвился.

Интересно, ему-то что за дело?

– Я спросила ее о моем отце, и она расстроилась.

– Что она тебе рассказала? – тихо проговорил он.

– В том-то и проблема, понимаете. Ничего не рассказала.

– Ничего-ничего?

– Нет, сказала, что ничего не помнит. И расплакалась.

– Не помнит? Так прямо и заявила?

– Ага.

– Уверена?

– Абсолютно.

– Тогда ладно. – Мистер Бистон громко шмыгнул носом, издав свистящий звук.

– И вот я подумала, вдруг вы мне поможете?

– Я? И чем же тебе могу помочь я? – рявкнул смотритель.

– Я подумала, что она могла рассказать вам что-нибудь о моем отце. Ведь вы с ней друзья и все такое.

Он пристально посмотрел на меня, буравя прищуренны-

ми глазками. Аж удрать захотелось. Разумеется, ничего ему неизвестно. С чего бы маме доверяться смотрителю маяка, а не мне? Его взгляд был так тяжел, что, не выдержав, я отвернулась.

Мистер Бистон схватил меня за локоть и кивнул в сторону набережной.

– Да, похоже, пришла пора перемолвиться с тобой парой словечек, – сказал он.

Я попыталась вырваться, но он крепко вцепился в мой локоть, таща за собой. Мы дошли почти до конца набережной, прежде чем смотритель выпустил мою руку. Он указал мне на скамейку и сел сам.

– А теперь слушай, Эмили, и внимательно, потому что второй раз я повторять не буду. Я не хочу, чтобы ты донимала свою бедную мать подобными разговорами. Хватит ее мучить.

– Но я...

– Неважно, все это неважно. – Он поднял ладонь, обрывая меня, и промокнул лоб носовым платком. – Ты же не знала. Значит, так. – Мистер Бистон завозился, засовывая платок в брючный карман, рядом с которым зияла прореха. – Мы с твоим отцом были добрыми приятелями, можно сказать, лучшими друзьями. Люди даже считали нас братьями, так

близки мы с ним были.

Братья? Но ведь мистер Бистон наверняка куда старше моего отца. Я открыла было рот, но смотритель добавил:

– Он был мне как младший брат. Мы все делали вместе.

– Например?

– Чего?

– Ну, что вы делали вместе? Мне очень хочется узнать, каким он был.

– То, что делают все молодые парни, – гаркнул смотритель. – Вместе рыбачили, вместе катались на мотоциклах...

– На мотоциклах?

– Да-да, на мотоциклах, велосипедах и прочем. Вместе. Лучшие друзья. Так вот. За девчонками вместе приударяли.

Мистер Бистон приударял за девчонками? Меня так и перекосило, а смотритель закашлялся.

– Но когда он встретил твою маму, все, разумеется, изменилось.

– Почему?

– Можно сказать, что они влюбились. Она в него – так точно. По уши.

– А мой отец?

– Он тоже казался влюбленным. На первых порах. И не хотел больше раскатывать на своей машине по окрестностям.

– На машине? Вы же говорили о мотоцикле.

– Машина, мотоцикл – какая разница? Ему все это стало неинтересно, и он не отходил от твоей мамы.

Смотритель сунул руки в карманы и напряженно уставился вдаль, будто внутри него происходила какая-то борьба. Позвеневав монетками, он продолжил.

– Но долго это не продлилось. Видишь ли, твой отец не был джентльменом, каким хотел казаться.

– Что вы имеете в виду?

– Это довольно деликатные материи, но я все же тебе поясню. Скажем так, он оказался недостаточно ответственным человеком. Он заварил с твоей матерью кашу, но вот расхлебывать ей пришлось в одиночку.

– Что?

– Короче, ему хотелось только сеять, а не пожинать.

– Мистер Бистон, я вас совершенно не понимаю.

– Господи, дитя! Я говорю об ответственности, – гаркнул он. – Как ты думаешь, каким образом ты появилась на свет?

– А, вы намекаете, что, когда мама забеременела, он сбежал?

– Вот именно.

«Так что же тогда ходить вокруг да около?» – хотела спросить я, но не посмела: мистер Бистон выглядел очень рассерженным.

– То есть мой отец ее бросил? – уточнила я.

– Точно, – процедил смотритель сквозь зубы.

– И куда же он делся?

– В том-то и дело, что никто этого не знает. Бремя, видимо, оказалось слишком тяжелым для него, – саркастически

хмыкнул он.

– Какое еще бремя?

– Отцовство. Бездельником он был и балаболом. Так и не смог повзрослеть и взять ответственность. – Мистер Бистон отвернулся. – Поступил как подлец, – хрипло произнес смотритель. – Я никогда его не прощу. Никогда! – сурово повторил он, вставая.

И то, каким тоном он это произнес, навело меня на мысль, что лучше с этим человеком не ссориться.

Мы вместе пошли обратно по набережной.

– А кто-нибудь пытался его отыскать? – спросила я.

– Отыскать? – Мистер Бистон повернулся ко мне, но смотрел словно насквозь. – Отыскать его? Разумеется, мы пытались. И я сам – в первую очередь. Неделями колесил по стране, объявления развешивал. Даже на радио обращался, умоляя его вернуться домой и встретиться с собственной...

– Дочью?

Смотритель промолчал.

– Получается, он меня никогда не видел?

– Мы сделали все, что было в наших силах.

Я пыталась уложить в голове услышанное. Это не могло быть правдой. Или могло? Навстречу нам шла молодая семья: мужчина держал на руках младенца, женщина смеялась, рядом с ними крутился спаниель. Чуть позади прогуливалась рука об руку пожилая пара.

– Наверное, мне пора, – сказала я.

Мы дошли уже почти до самого маяка, и тут мистер Бистон вновь взял меня за руку.

– Ты же не скажешь матери, что я тебе все рассказал?

– А почему бы и нет?

– Сама видела, что случилось. Это слишком болезненно для нее. – Его пальцы впились мне в руку. – Пообещай, что ничего ей не скажешь.

Я промолчала. Мистер Бистон немигающе смотрел мне в глаза.

– Люди могут отгораживаться от неприятных воспоминаний. Это – научный факт, Эмили. Если ты попытаешься с ней об этом поговорить, жди беды. – Он притянул меня вплотную к себе и зашептал: – Ты же не хочешь, чтобы приключилась беда, верно?

Я замотала головой.

– Так ты ей не скажешь? – Смотритель еще сильнее стиснул мою руку.

– Нет! Конечно же, нет, – ответила я дрожащим голосом.

– Вот и умница. – Мистер Бистон слабо улыбнулся и разжал пальцы. – Ну, мы еще с тобой увидимся после обеда.

– Я собираюсь пойти погулять, – выпалила я.

Ничего, потом что-нибудь придумаю. Только воскресного чаепития с мамой и мистером Бистоном мне не хватало.

– Молодец. Передай маме, что я буду часа в три.

– Ага.

Мы с ним стояли у маяка. Мне вдруг представилось, как

он хватает меня, заталкивает на маяк и запирает. Бред какой-то: зачем ему это? Мистер Бистон в жизни не сделал мне ничего плохого. Разве что руку сегодня отдал. Я машинально потеряла локоть. Казалось, цепкие пальцы до сих пор его сжимают. Впрочем, это была ерунда по сравнению с разочарованием, поселившимся у меня в сердце. Никакой Джейк моим отцом не был. Если верить мистеру Бистону, конечно. А зачем ему врать? Или все же... Я уже совершенно запуталась.

– Да где же этот... хм... – Смотритель перебирал свои ключи, которых у него было целых пять связок на длинной цепочке. – Да куда ж он... Куда делся-то?

– Что случилось?

– Не мог же он потеряться, был здесь, я точно помню, – бормотал мистер Бистон, не обратив внимания на мой вопрос.

Потом вывернул карманы брюк, вытащил платок, встряхнул им.

– Ключ от маяка ищите?

– Нет, не от маяка, а от...

Он прекратил возиться и уставился на меня так, словно видел в первый раз. Его глаза потемнели.

– Ты все еще здесь? Уходи, оставь меня в покое. Но не забывай, о чем мы говорили. Имей в виду, все это между нами. Ты ведь не хочешь проблем? – Он отпер дверь маяка. – У меня важные дела. Но мы с тобой еще увидимся. – Он

взглянул мне прямо в глаза.

Фраза прозвучала довольно угрожающе. Прежде чем я нашлась что ответить, дверь за зрителем захлопнулась. Лязгнул засов.

Я повернула к дому, и тут моя нога что-то задела. В песке ярко блеснуло. Я нагнулась и подняла медную бляшку, отделанную по краям какими-то камушками. На одной стороне были выгравированы вилы или что-то похожее. Бляшка оказалась брелком, на котором висели два ключа: один большой и грубый, другой маленький и блестящий, похожий на ключик от маминого чемодана. Вместе с ключами к брелку была привязана тоненькая золотая цепочка со сломанным замочком.

Я забарабанила в дверь маяка.

– Мистер Бистон! Мистер Бистон!

Но дверь не открылась. Я постучала снова. Тишина.

Еще раз взглянув на свою находку, я провела пальцем по камушкам. Да ладно, потом отдам. Сунула брелок с ключами в карман и зашагала домой.

Глава 8

Я прошлепала по луже ледяной воды к бассейну. Наступил момент, которого я так боялась. Попытка убедить мистера Берда, что у меня на ногах отвратительные бородавки, окончилась ничем: тот просто выдал мне белые латексные носки. Теперь отступить было некуда, а вдобавок я еще и выглядела смешно. Кошмар. Что же мне делать? Еще пять минут – и мой секрет будет раскрыт. Все узнают, что я – уродка.

– Пошевеливайтесь, ребята, – Боб похлопал в ладоши, – времени нет. Такими темпами вы и в воду зайти не успеете, а уже пора будет вылезать.

Я медленно брела к одноклассникам, столпившимся перед бассейном. Сердце гулко стучало.

– Так, те, кто уже умеет плавать, могут заходить в воду, – прибавил Боб.

«Забудь обо мне, ну пожалуйста, забудь!» – взмолилась я про себя. Развязка неумолимо приближалась. Что делать?

– Эй! Это тебя касается! – заорала Мэнди, заговорщицки подпихнув локтем Джулию. – Что с тобой, моя рыбонька? Застеснялась? – ухмыльнулась она во весь рот.

Я попыталась не обращать на нее внимания, но на вопли обернулся Боб.

– Что там у вас? – И тут он заметил меня. – А, да. Это у тебя тогда была судорога?

Я прижалась к стене, мечтая, чтобы она поглотила меня. Я не могла, просто не могла войти в воду!

– Спустишься в бассейн, когда будешь готова.

Ага, как же! Разбежалась!

– Только не волнуйся: не хочу, чтобы все повторилось, – сказав это, Боб повернулся к остальным: – Ну, ребята, к делу.

– Пусть первой приступит наш дельфин, а мы посмотрим! – громко предложила Мэнди.

Все обернулись. Она толкнула меня вперед. Я потеряла равновесие, поскользнулась на мокром полу и... – плюх – оказалась в бассейне!

В первый миг я забыла о Мэнди. Все стало неважным. Имела значение только вода, принявшая мое тело, словно любимая ночная сорочка. Я растворилась в ее теплой, надежной мягкости.

И вдруг я очнулась.

Вынырнула и увидела тридцать пар глаз, пристально следящих за мной. Причем по крайней мере одна пара злорадно ожидала, когда же я выдам свое уродство.

Я все равно попыталась сопротивляться неизбежному. Бесплезно, разумеется. Мои ноги онемели и склеились. К тому же я как идиотка выплыла на середину бассейна.

Рванула к бортику, таща свое тело сквозь толщу воды и стараясь держать ноги неподвижно, чтобы они не превращались в хвост. «*Быстрее, быстрее, надо успеть*», – думала я, молотя руками как сумасшедшая.

Наконец я выбралась на бортик, хватая ртом воздух. И как раз вовремя! Едва вытянув ноги из воды, я почувствовала, что превращение отступило. Дрожа и задыхаясь, присела на краю бассейна.

– Ты не поранилась? – ко мне подбежал Боб.

– Ой, моя щиколотка! – захныкала я, хватаясь за ступню. – Кажется, я ее подвернула.

– Как это случилось? – Боб нахмурился.

Я уже собиралась сказать ему, что поскользнулась, как вдруг увидела издевательски ухмыляющуюся Мэнди. С какой стати позволять ей выйти сухой из воды?

– Мэнди меня толкнула, – сказала я.

– Вот оно что. Тогда вы обе на сегодня отстраняетесь от занятий. Ты иди на скамейку, – сердито приказал он Мэнди. – А тебе, – обратился он ко мне, – лучше сегодня не перенапрягать голеностоп. Все, класс, спектакль окончен, – хлопнул он в ладоши. – Давайте наконец приступим к уроку.

Дрожа, я похромала обратно в раздевалку. Однако дрожала я не от холода, а от слов, которые Мэнди прошипела мне так тихо, что никто, кроме меня, их не услышал:

– Ну погоди, селедка сушеная, тебе это просто так с рук не сойдет.

Шона бодро плыла впереди, а я тащилась за ней, вяло

шлепая хвостом. До места кораблекрушения оставалось совсем немного. На черном безлунном небе сияли звезды.

– Уже близко. – Шона ушла под воду.

Я последовала за ней, держась в паре метров. Вскоре сквозь водоросли и подводные скалы пробился манящий золотой блеск.

– Шона, а может, не надо? – выпалила я. – Какой смысл?

– Но ты же согласилась... – Шона подплыла ко мне.

– Все напрасно. Джейк вовсе не мой отец.

Шона вытаращила глаза.

– Мой отец нас бросил. Как я и думала.

И я рассказала ей то, что узнала от мистера Бистона, упомянув и о его странной завуалированной угрозе.

– И ты ему поверила? – спросила Шона, когда я закончила.

А зачем зрителю было лгать? За последние три дня я задавала себе этот вопрос, наверное, раз сто. Не то чтобы я безоговорочно ему поверила, но уж лучше это, чем тщетная надежда.

– Я была совершенно уверена... – Шона оглянулась на корабль. – Послушай, раз уж мы все равно здесь, может, все-таки сплавает?

– Какой смысл?

– Ну а что мы теряем? К тому же я хотела тебе кое-что показать. Помнишь дверь в конце коридора?

Действительно, почему бы и нет? Корабль не имел ко мне

никакого отношения. Бояться было нечего.

– Ладно, поплыли, – согласилась я.

Мы вновь проникли в темный коридор, ведя руками по осклизлым стенам. Я старалась не смотреть на рыбу с раззявленной зубастой пастью, неотступно следовавшую за нами.

– Так что ты собиралась мне показать? – поинтересовалась я у Шоны.

– Знак на двери. В прошлый раз у меня это совершенно из головы вылетело.

– Какой еще знак?

– Трезубец.

– Что за трезубец?

– Символ Нептуна. Он всегда носит трезубец с собой. На случай, если потребуются устроить бурю или сотворить остров.

– Остров? Он может творить острова?

– Под настроение – а случается такое, прямо скажем, нечасто. Куда чаще наш царь устраивает жуткие бури. – Глаза Шоны заблестели, как всегда, когда она говорила о Нептуне. – Поговаривают, что с помощью трезубца он может даже превратить любого в камень. Его дворец буквально набит окаменевшими тварями. Я слышала, это те, кто когда-то посмел послушаться царя. Одним взмахом своего трезубца он

может топить корабли, взрывать вулканы или закатывать богатые пиры.

– Клево!

Наконец мы добрались до двери.

– Смотри! – Шона показала на верхний угол.

Там была медная табличка с гравировкой. Изображение почти стерлось, однако ошибиться было невозможно: картинка была точь-в-точь как на ключах мистера Бистона.

– Но это же... это... – Я сунула руку в карман куртки. – Нет, не может быть, невозможно!

– Ты о чем? – Шона приблизилась ко мне, и я показала ей брелок. – Где ты это взяла?

– Это брелок мистера Бистона.

Ерунда какая-то, наверняка я ошибаюсь.

– Акулья печенка! – выдохнула Шона. – То есть ты думаешь...

Ее слова потонули в окружающем безмолвии. Что я могла думать? Я уже не знала, что и думать.

– Попробуем? – Шона взяла у меня ключ.

Я с изумлением наблюдала, как ключ мягко поворачивается в замке. Дверь открылась.

Не говоря больше ни слова, мы вплыли внутрь, оказавшись в небольшом кабинете. Там обнаружился невысокий стол, заваленный ламинированными папками и прижатыми камнями бумагами, перед которым стоял прибитый к полу табурет. Шона подплыла к столу, подняла руку и за что-то

дернула. Вспыхнуло оранжевое сияние. Я заморгала, привыкая к свету, и, подняв глаза, увидела, что с потолка свисает какое-то змееобразное существо с леской на хвосте.

– Электрический угорь, – пояснила Шона, и мы переглянулись. – Интересно, а второй ключ от чего?

В углу обнаружился металлический шкаф. Я подергала ящик: он не поддавался. Сунула второй ключ в замочную скважину и зажмурилась, взмолившись про себя: *«Пожалуйста, пусть ключ не подойдет, ну пожалуйста!»*. Я боялась того, что могло найтись внутри.

Ключ не вошел в скважину даже наполовину.

Я с облегчением вздохнула, и мне отчаянно захотелось обратиться прочь.

– Шона, а может, все это просто дурацкое стечение обстоятельств... – начала было я, и тут мой хвост задел табурет.

Я дернулась и вспугнула стайку крошечных черных рыбок, прятавшихся под столом.

– Эмили! – Шона подергала меня за рукав, указывая куда-то вниз, в темноту.

Я наклонилась и присмотрелась. Под столом был деревянный сундук прямо как из книжки «Остров сокровищ»: здоровенный, окованный медью, да еще и опутанный толстой цепью. Мы с Шоной кое-как выволокли его на середину комнаты.

– Крабы и каракатицы! – воскликнула Шона, уставясь на свисающий с цепи медный замок.

Я вставила ключ в скважину. Когда дужка щелкнула и отскочила, меня это уже не удивило. Несколько любопытных серебристых рыбок тут же сунулись внутрь. Сундук оказался доверху набит какими-то пластиковыми папками. Я вытащила несколько штук. Цвет папок менялся от синего к зеленому. Быстро пролистав их, я взяла еще с десяток. Вдруг мне попалась папка, не похожая на другие. Во-первых, она была толще. Во-вторых, выглядела новее.

А в-третьих, на ней было мое имя.

Глава 9

Не знаю, как долго я смотрела на ту папку. Когда очнулась, почувствовала, что мой большой палец онемел: с такой силой я ее сжимала.

– А там что? – Шона заглянула мне через плечо.

Только тогда я заметила на самом дне сундука еще одну папку. Достала ее. На ней было имя моей мамы. Под той папкой нашлась другая. Открыв ее, я прочитала имя, которое целую неделю видела во сне: Джейк Ветрохват.

Провела по буквам кончиком пальца. «*Джейк Ветрохват*», – вновь и вновь повторяла я про себя, гадая, не было ли все это ошибкой или розыгрышем.

– Джейк – мой отец! – произнесла я вслух.

Конечно, это был он. Я сердцем почувствовала еще тогда, когда впервые услышала его имя. Теперь же осознала и разумом, увидев надпись.

Трясущимися руками перевернула первый, запаянный в целлофан, лист. В верхней части его и всех остальных листов был оттиснут Нептунов трезубец.

– Но при чем тут мистер Бистон, заколи его рыба-меч? – удивилась Шона.

– А вдруг он все-таки знает, где мой отец? Если они действительно были лучшими друзьями, он мог попытаться ему помочь. Может быть, они даже как-то поддерживают связь? –

затараторила я, не зная, кого пытаюсь убедить, Шону или саму себя.

– Есть только один способ выяснить, – сказала она.

Я держала папку перед собой. Стоит мне прочитать эти листы – и мой мир никогда не будет прежним. Нельзя будет притвориться, что я ничего этого не видела. Еще неизвестно, понравится ли мне то, что я узнаю. Я начала наматывать прядь волос на палец. Нет, я обязана прочитать. Что бы там ни было, я должна знать правду.

Я открыла папку со своим именем. Оттуда выпал обрывок непромокаемой бумаги с нацарапанной от руки запиской. Я подняла его. Шона продолжала заглядывать мне через плечо. Записка гласила: *ЭВ (один): все чисто.*

Докладывать нечего. Русалочьи гены не проявляются. Вероятность отрицательного результата – 50 %. Чешия отсутствует.

– Что, ради великого океана, все это значит? – вскричала Шона.

Я пожала плечами и достала из папки второй лист.

ЭВ (восемь): момент истины?

Объект вновь попросил научить ее плавать. (См. также папку: МПВ.) При просьбе присутствовал ЧЛБ. Отказано матерью. В ближайшее время просьба вряд ли будет удовлетворена. Необходим пристальный надзор. Русалочьи гены почти наверняка не унаследованы, однако наблюдения прекращать не

следует НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ.

– Объект! – фыркнула я. – Какой я им «объект»?!

Шона поморщилась.

«Пристальный надзор»? То есть он за мной следит? Может, даже прямо сейчас? Спихватившись, я подплыла к двери и прикрыла ее. Одинокая синяя рыба успела прошмыгнуть в кабинет у меня над головой.

Мы с Шоной долистали папку до конца. Там было одно и то же: объекты, инициалы и прочая бессмыслица. Я взяла мамину папку.

МПВ (ноль): техническое задание.

*МПВ – величайший риск обнаружения подводного мира. Передана под постоянный надзор ЧЛБ.
Применено Б-зелье.*

– Зелье беспамятства? – ахнула Шона. – Я знаю, что это значит! Ей стерли память!

– Что ты говоришь? Кто?

– Твой мистер Бистон. Он служит Нептуну.

– Служит Нептуну? Но как? В смысле, он же ничего такого не может. Или?..

– Вот только... – Шона потерла подбородок. – Обычно беспамятных отсылают куда подальше.

– Почему?

– Наваждение может рассеяться, если жить поблизости от русалочьих мест. Мы проходили это на естествознании в прошлой четверти.

– То есть ты думаешь, мою маму опоили зельем?

– Вероятно, и до сих пор опаивают. Одной дозы хватает для стирания какой-нибудь случайной встречи, но если встреч было много, зелье приходится давать неоднократно.

Неоднократно? Я подумала о воскресных визитах мистера Бистона. Никакой он не одинокий страдалец! Смотритель маяка травит мою маму!

Мы просмотрели мамину папку от корки до корки. Там страница за страницей описывались все ее перемещения. Мистер Бистон шпионил за ней долгие годы!

– Мне не по себе, – пробормотала я, закрывая папку.

Шона взяла папку Джейка. На обложке была приклеена этикетка «Восточное крыло, В-930». Мы принялись читать.

ДВ (три): возмутитель спокойствия.

ДВ продолжает жаловаться на приговор. Угрюм и неуживчив.

ДВ (восемь): встал на путь исправления.

Объект погружен в рутину тюремной жизни. Поведение улучшилось.

ДВ (одиннадцать): одиночная камера.

Открыто обсуждает с другими заключенными операцию «Необитаемый остров». Рекомендована изоляция на три дня.

– «Необитаемый остров»! – вскричала Шона. – Так все это правда! Такое место действительно существует. Место,

где люди и морской народ живут в мире.

– И как узнать, где он, этот остров? – спросила я. – Он может быть где угодно.

Мы продолжили читать.

– Все это какой-то бред, – бормотала я, плавая взад-вперед по комнате, пока Шона просматривала остальные документы.

– Тут везде одни инициалы, цифры и даты, – сказала она, захлопывая очередную папку. – Осминожья грамота какая-то, – бурча, она вытащила из сундука новый документ. – «Проект “Маяк”. ЧЛБ занимает должность смотрителя Брайтпортского маяка вплоть до разрешения проблемы Ветрохватов. Первый этаж пригоден для свободного доступа. Изредка допускается вызов сирен с помощью мигающего луча. Предыдущий смотритель нейтрализован при помощи Б-зелья», – Шона подняла на меня взгляд.

– И что же теперь делать? – прошептала я.

– А что мы можем поделаться? По крайней мере, мы нашли твоего отца.

Мой отец. Слово до сих пор звучало непривычно. Неправильное оно какое-то.

– Мы его пока не нашли, – поправила я Шону. – В том-то и дело. Все, что мы обнаружили, – это глупые, бессмысленные бумажки.

– Ну извини. – Шона отложила папку.

– Послушай, Шона, мы теперь знаем, что Джейк – мой

отец, так?

– Без сомнения.

– И знаем, где он?

– Ну да.

– Он не может выйти. Он заперт. У него не было выбора, бросать меня или нет...

– Я уверена, что он бы никогда не...

– Значит, мы должны плыть за ним!

Шона изумленно уставилась на меня. Я сложила папки обратно в сундук и заперла его.

– Поплыли!

– Куда?

– В тюрьму, – обернулась я к ней. – Я должна его найти.

– Эмили, – Шона легонько пошевелила хвостом, – тюрьма очень далеко.

– Мы же русалки! Доплывем!

– Я – возможно, но для тебя это слишком длинный путь.

Не забывай, ты – полурусалка.

– Считаешь, я тебе не ровня? – вздернула я подбородок. – Мне казалось, мы – друзья. Я даже начала думать, что ты можешь стать моей лучшей подругой.

– Правда? – Она возбужденно дернула хвостом. – Я бы тоже хотела, чтобы ты стала моей лучшей подругой.

– Тогда ты выбрала довольно необычный способ показать это, раз не желаешь помочь мне найти отца.

– Я просто не уверена, что мы справимся, – нахмурилась

Шона. – Я ведь даже не знаю толком, где она находится, эта тюрьма.

– И не узнаем, если не попытаемся. Ну пожалуйста, Шона. Если ты на самом деле моя лучшая подруга, ты мне можешь.

– Хорошо, – вздохнула она. – Попробуем. Но предупреждаю: мне тебя не дотащить. Если устанешь, сразу скажи, и мы вернемся.

– Решено. – Я затолкала сундук обратно под стол.

Не представляю, как долго мы плыли. Может быть, целый час. Казалось, что к каждой моей руке привязали по гире, а хвост едва шевелится. Вокруг нас прыгали летучие рыбки. Иногда с неба белой стрелой на них падала охотящаяся чайка.

– Далеко еще? – с трудом проговорила я.

– И половины не проплыли. – Шона оглянулась. – Ты как?

– В порядке, – ответила я, сдерживая стон, – полным, отлично.

Шона сбавила скорость, чтобы плыть рядом. Мы помолчали.

– Ни в каком ты не порядке, – наконец заключила она.

– Все отлично, – упрямо повторила я, но тут же погрузилась с головой, нахлебалась соленой воды и закашлялась.

Шона поддержала меня под локоть.

– Спасибо. – Я выдернула руку. – Теперь точно все хорошо.

– Наверное, нам обеим пора отдохнуть, – сказала она, с сомнением глядя на меня. – В пяти минутах отсюда есть небольшой островок. Он нам не по пути, но мы сможем перевести там дыхание.

– Ладно, – согласилась я. – Если тебе требуется отдых, я согласна.

– Прекрасно, тогда за мной.

Вскоре мы сидели на островке, больше напоминающем плоскую скалу, вроде той, где мы с Шоной встретились в первый раз. Камень был твердым и шершавым, но, едва выбравшись из воды, я с наслаждением растянулась на нем. Мой хвост тут же начал превращаться в ноги.

Мне показалось, что прошло несколько секунд, но Шона уже трясла меня за плечо.

– Эмили, просыпайся, – шептала она, – скоро рассвет.

– Сколько я проспала? – я рывком села.

– Совсем недолго.

– Почему ты меня сразу не разбудила? Теперь мы точно не успеем. Ты нарочно, да?

Шона поджала губы и прищурилась. Я вспомнила о том, как она отвела меня в свою школу, как притворилась уставшей и прочее.

– Извини, – пробормотала я. – Знаю, что ты это не нароч-

но.

– Тюрьма слишком далеко. Боюсь, далеко даже для меня, а не только для тебя.

– Похоже, я никогда его не увижу. Уверена, он давным-давно забыл, что у него есть дочка! – Я смахнула соленую каплю, поползшую по щеке. – Что же мне делать?

– Прости, Эмили. – Шона обняла меня.

– А ты – меня. Я не должна была говорить тебе гадости. Ты самая лучшая, и ты действительно мне помогла.

Шона повернула ко мне лицо, безуспешно пытаясь сдержать улыбку.

– И ты оказалась совершенно права, – добавила я. – Никуда мы сегодня не добрались бы, раз я сошла с середины дистанции.

– Мы с тобой даже половины не проплыли. Смотри! – Она показала на горизонт. – Видишь большое облако, похожее на кита? А рядом маленькое, в форме морской звезды?

– Вроде вижу, – с сомнением ответила я, вглядываясь вдаль.

– Под ними, там, где небо встречается с морем, светлая полоска.

Полоску я разглядела еле-еле, до того далекой она была.

– Так вот, это и есть Большой Тритоний риф. Он напоминает стену, выше которой ты не встретишь за всю свою жизнь. Стена сложена из камней и кораллов всех цветов и оттенков радуги, а то и на сотню больше. От рифа до тюрьмы

еще целая миля.

– Шона, но это же невообразимо далеко, – прошептала я, и мое сердце как будто само превратилось в камень, упав на дно океана.

– Мы что-нибудь придумаем, обещаю. – Она порылась в гальке, подняла два камешка и протянула один мне.

– Что это?

– Камешки дружбы. Отныне мы – лучшие подруги. Если ты не возражаешь.

– Конечно же, нет!

– Смотри, они почти одинаковые. Мы должны всегда носить их с собой. Это означает, что мы в любой момент готовы прийти друг другу на помощь. Следовательно, – добавила она тихонько, – мы обязательно найдем твоего отца.

Я погрузила свой камешек в воду, он сделался гладким и блестящим.

– Шона, это самый лучший подарок, который я когда-либо получала.

Она спрятала свой камешек в карман на хвосте, а я свой – в карман куртки, потому что боялась потерять его, когда мой хвост исчезнет. На востоке разгоралась розовая заря.

– Поплыли. – Шона скользнула обратно в воду. – Нам пора.

И мы медленно поплыли к Радужным камням.

– Увидимся в воскресенье? – спросила я, прежде чем попрощаться.

– Наверное, только в понедельник. – Шона покраснела.

– Я думала, по понедельникам ты не можешь.

– Как-нибудь выкручусь. Просто в понедельник утром у нас показательные выступления по ныротанцам. Не хочется уставать перед тройными сальто.

– Тогда до понедельника. Удачи тебе!

Домой я вернулась такая уставшая, что засыпала прямо на ходу. Голова распухла от вопросов и мыслей, а в сердце поселилась грусть. Я узнала, где мой отец, но как до него добраться? Увижу ли я его когда-нибудь? Мне казалось, что каждый миг я теряю отца снова и снова. В каком-то смысле я даже маму потеряла. Если бы только удалось заставить ее все вспомнить!

Я уже почти заснула, когда мне вспомнились слова Шоны: «Наваждение может рассеяться, если жить поблизости от русалочьих мест».

Ну конечно же!

Теперь я точно знала, что делать.

Глава 10

По воскресеньям мама всегда спит допоздна. Говорит, что даже если у Создателя был выходной, то почему у нее не может быть? Мне нельзя беспокоить ее до тех пор, пока она сама не пожелает мне доброго утра, а случается это обычно в полдень.

Я нервно расхаживала от носа до кормы и обратно, мечтая, чтобы она побыстрее проснулась. А вдруг она проспит часов до двух? Это была бы катастрофа. Нельзя допустить, чтобы мистер Бистон пришел до того, как я с ней поговорю. Поэтому я решила нарушить неписанный закон: вошла в ее комнату и уселась на кровать.

– Мам! – театральным шепотом позвала я.

Она даже не шевельнулась. Я пересела поближе и, склонившись к самому ее уху, произнесла чуть громче:

– Мама!

Она открыла один глаз, тут же его закрыла и пробормотала:

– Ну чего тебе?

– Мам, пора вставать.

– Что такое?..

– Я хочу пойти погулять.

Она что-то буркнула и перевернулась на другой бок.

– Я хочу погулять вместе с тобой.

Молчание.

– Мам! Ну вставай, пожалуйста!

Она перевернулась на спину и разлепила веки.

– Мы с тобой никуда не ходим вместе, – обиженным тоном сказала я.

– Но почему это взбрело тебе в голову именно сегодня? Может, отстанешь от меня, а? Который час?

– Уже поздно. – Я торопливо повернула будильник циферблатом к стене. – Ну же, мам! Прошу тебя!

Она протерла глаза и потянулась.

– Я правильно понимаю, что в покое ты меня не оставишь?

Я с надеждой улыбнулась.

– Ладно, выметайся отсюда, я встаю.

– Откуда мне знать, что ты снова не завалишься дрыхнуть, только я выйду? – продолжила я, даже не пошевелившись.

– Эмили! Я сказала, что встаю, – значит, встаю. А теперь кыш! И если ты хочешь вновь заслужить мое расположение, то сделаешь мне сейчас чашку крепкого чая. Может быть, тогда я тебя и помилую.

– Итак, – мама откусила кусочек тоста, – куда же тебе при-спичило пойти? Настолько, что ты решила испортить мне выходной?

Я-то точно знала, куда хочу отправиться. На берег зали-

ва, в котором находится Камнебриг. Оттуда до Радужных камней рукой подать. Я уже изучила автобусные маршруты и прикинула, как лучше добраться. Мы могли бы выйти на прибрежную дорогу и прогуляться вдоль мыса. Стоило попробовать вернуть маме память.

– Я подумала, что здорово было бы устроить прогулку по побережью, – небрежно ответила я, откусывая кусок тоста с джемом.

– А как насчет мистера Бистона?

– Он-то тут при чем? – Я чуть не подавилась джемом.

– Все равно нам нужно будет вернуться к трем. Мы же не хотим его подвести?

– Ну мам! Неужели ты не можешь хоть разочек пропустить ваше свидание?

– Эмили, сколько раз тебе повторять: мистер Бистон – наш друг, и он очень одинок. Ты прекрасно знаешь, что я не хочу его обижать. За все эти годы он ни разу даже не опоздал, и я тоже не собираюсь. И, потом, никакие это не свидания!

– Без разницы, – буркнула я.

Не ко времени было объяснять ей, что я узнала об этом «одиноким страдальце». Да и что я, собственно, узнала? По сути – ничего. Я с трудом проглотила тост. В горле пересохло. Мы еще успевали добраться до залива. А потом можно как бы «случайно» опоздать на автобус. В общем, что-нибудь придумаю. Я просто обязана!

– А здесь действительно здорово, – сказала мама, глядя в окно автобуса, подпрыгивающего на прибрежной дороге.

Шоссе уже заворачивало прочь от моря, а я все не могла решить, где же нам лучше выйти. С суши море выглядело совершенно иначе. Наконец показались верхушки знакомых камней. Пора! Я вскочила и нажала кнопку на поручне.

– Выходим! – сказала я маме.

– Знаешь, я почти довольна, что ты меня разбудила, – сказала она, когда мы отошли от автобусной остановки. – Только не вздумай вытворять подобные штуки каждый выходной! – Она подошла к зеленой скамейке с видом на море и села. – Да и местечко ты выбрала милое.

– Что ты собираешься делать? – спросила я, глядя, как мама вытаскивает из сумки бутерброды.

– У нас же пикник, разве нет?

– Но не здесь же!

– А в чем проблема? – Мама подозрительно оглянулась вокруг.

– Мы же сидим у самой дороги! Давай лучше спустимся к морю.

Она нахмурилась.

– Мам, пожалуйста, совсем чуть-чуть! Ты обещала.

– Ничего я тебе не обещала! – возмутилась она, но все-та-

ки убрала бутерброды, и мы двинулись по тропинке к морю.

Минут через пятнадцать тропинка привела нас к крутому обрыву.

– И куда же теперь? – спросила мама, озирая окрестности.

– Вниз.

– Смеешься, что ли? Как я туда полезу?

Я опустила взгляд. Как это мне не пришло в голову предупредить ее, что сандалии на платформе – неподходящая обувь для прогулок по побережью?

– Ничего, сойдет, – тем не менее заявила я.

– Эмили, я не хочу переломать себе ноги только потому, что тебе взбрело в голову скакать по отвесным скалам. – Она развернулась и зашагала назад.

– Нет, подожди! – Я в отчаянии озиралась.

Она не может так уйти! Ей обязательно надо увидеть Радужные камни! И тут я заметила узенькую извилистую тропку, прячущуюся в зарослях ежевики. Тропинка была каменистой и неудобной, но более пологой, чем дикий берег.

– Давай спустимся здесь, – предложила я. – Смотри, дальше совсем ровно.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянула мама, глядя вниз.

– Пойдем! Хотя бы попытаемся! Я пойду вперед, и, если ты споткнешься, упадешь на меня как на подушку. – Я попыталась весело улыбнуться.

– А если я покалечусь, ты будешь каждое утро носить мне завтраки в постель.

– Буду.

Я стала пробираться сквозь колючие прутья ежевики, по-минутно оглядываясь и проверяя, как там мама. Спустились мы без приключений.

– Ай, крапива! – Мама почесала локоть, сорвала листок конского щавеля и приложила к руке.

Я осмотрелась. От Радужных камней нас отделяло всего несколько метров воды. Я не смогла сдержать улыбку, глядя на маленькие радуги, появляющиеся всякий раз, когда волны захлестывали плоские камни.

– Мам!

– Что?

Набрав в грудь побольше воздуха, я с замиранием сердца спросила:

– Ты веришь в русалок?

– В русалок? – Мама засмеялась. – Ой, Эмили, какие же глупости тебе...

Она вдруг осеклась, уронила листок щавеля и уставилась на море. Ее лицо сделалось неподвижным.

– Что с тобой, мам? – тихо спросила я.

– Где мы?

– Просто на берегу. Мне показалось, что нам с тобой неплохо было бы...

– Эмили, что это за место?

Честно говоря, я не думала о том, что именно ей скажу, когда мы будем здесь. Как она себя поведет, вспомнив о

Джейке и обо мне? А вдруг она вспомнит не все? Решит, чего доброго, что мы с ним какие-то уроды, и начнет стыдиться нас. Ну почему, почему я не продумала все заранее?! Я откашлялась.

– Э-э-э... обычная кучка камней, – сказала я осторожно, – и все.

– Я уже здесь бывала. – Мама повернулась ко мне, на ее лице была гримаса словно от боли.

– Бывала? Когда?

– Не помню. Но я точно знаю это место.

– Давай подойдем поближе?

– Нет! – Она попятилась. – Возвращаемся, Эмили! Мистер Бистон уже нас ждет.

– Но мы же только пришли! Мистер Бистон заявится через сто лет!

– Я не хочу здесь оставаться. У меня плохое предчувствие. Все, идем домой.

И с этими словами она так припустила вверх по тропинке, что я едва за ней поспевала.

В итоге мы съели наши бутерброды, сидя на той самой зеленой скамейке. Автобус проехал мимо, когда мы только приближались к дороге, и нам ничего не оставалось, кроме как ждать следующий. Так что мы молча сидели и жевали. Я

не знала, что говорить, а мама просто смотрела в никуда.

Очень хотелось ее расспросить или рассказать о том, что узнала сама, но я понятия не имела, с чего начать.

Вскоре пришел автобус, и мы поехали домой, по-прежнему не говоря друг другу ни слова. В Брайтпорт добрались только к четверем.

– Ты на меня сердишься? – спросила я, когда мы подошли к нашей лодке.

– Сержусь? С какой стати? Не за что мне на тебя сердиться. – Мама взгляделась в мое лицо.

– Я хотела, чтобы мы хорошо провели выходной, а ты загрустила.

– Просто я задумалась, солнышко. – Мама тряхнула головой. – Было в том месте что-то... – Она вновь умолкла.

– Что? Что там было?

– Какое-то яркое воспоминание, но я никак не могу его ухватить. – Она опять тряхнула головой и сняла куртку. – Не слушай меня, я снова какую-то чепуху болтаю.

– Никакая это не чепуха, – горячо возразила я. – Так что же ты вспомнила?

– Понимаешь, не то чтобы я вспомнила что-то конкретное. – Мама прижала куртку к груди. – Скорее, это некое ощущение. Меня словно... затопила любовь.

– Любовь?

– И еще грусть. Такая безмерная грусть. – Она прошла в машинное отделение, чтобы повесить куртку. – Говорю же

тебе, чепуха все это. Теперь быстренько ставь чайник, а я сбегая позову мистера Бистона. Он, небось, гадает, куда мы с тобой подевались.

Я поставила чайник на плиту и бросила взгляд в окно. Смотритель уже ковылял по пирсу. Меня проняла дрожь. Выглядел он ужасно недовольным.

«Бам! Бам! Бам!» – загрохотало по палубе.

– А вот и он! Отлично. Добрый день! – Мама распахнула дверь. – Я как раз собиралась...

– Где вы были? – требовательно спросил мистер Бистон.

– Гуляли с Эмили. Да, солнышко? Просто решили пройтись вдоль...

– Я был здесь ровно в три! – рявкнул он, тыча кривым пальцем в свои часы. – Я прождал вас целый час. Что все это значит? – Он так и впился в меня взглядом.

Я поежилась. Мама заморгала, глядя на нас обоих.

– Бросьте, ничего страшного не случилось. Пойдемте пить чай. – Она достала чашки с блюдцами. – Чем вы нас сегодня угостите, мистер Бистон? Овсяным печеньем? Булочками с глазурью?

– Пончиками, – ответил он, продолжая подозрительно тарачиться на меня.

– Я ни в чем не виновата! – пискнула я.

– Конечно, нет, Эмили, садись с нами за стол. – Мама протянула чашку мистеру Бистону, и тот наконец отвел от меня взгляд.

Сняв куртку, зритель сложил ее и повесил на спинку стула.

– Спасибо, мам, что-то ничего не хочется.

Я легла на диван, решив подсмотреть, как мистер Бистон будет опаивать мою маму. Мне нужно было застигнуть его на месте преступления, чтобы доказать ей, что он нам вовсе не друг. А если на сей раз он явился за мной? Что если он и мне подсыпал Б-зелье?

Но зритель не делал ничего подозрительного. Как ни в чем не бывало сидел с мамой за столом. Они пили чай, ели пончики и болтали о наших соседях, держащих гостиницу, и ценах на мини-гольф.

Наконец мистер Бистон взглянул на часы.

– Что ж, мне, пожалуй, пора, – сказал он.

– Уже уходите? Так рано? – спросила мама.

Но как же так? Ведь он ничего ей не подсыпал! Может, на этой неделе и не требовалось? Ладно, я подожду.

– Без четверти пять у меня важная встреча, – прорычал он, скривив рот. – Не люблю заставлять людей ждать.

Я промолчала.

– До свиданья, Мэри, – попрощался он и вышел.

Мама принялась мыть чашки, а я взялась за полотенце.

– Ну, давай рассказывай дальше, – попросила я, когда мама протянула мне блюдце.

– О чем?

– О том, что случилось с тобой на прогулке.

– А, да. Хорошо погуляли, верно? – Мама улыбнулась. – Аж до самого мыса.

– Не только до мыса. Но и до камней.

Мама тупо уставилась в пространство.

– До Радужных камней. – Слова застряли у меня в горле, дыхание перехватило.

– Каких еще камней?

– Мам, только не говори, что уже забыла! Камни! Камни, которые становятся радужными, когда их омывают волны. Ты там кое-что почувствовала. Любовь и грусть. Помнишь?

– Ой, Эмили, Эмили! – Мама рассмеялась. – Миссис Партигтон говорила мне, что у тебя чересчур живое воображение. Теперь я начинаю понимать, что она имела в виду.

Я вылупилась на нее, а она продолжала суетиться, стирая крошки со стола.

– Ну что еще? – Она подняла глаза.

– Мам, что ты думаешь о нашем разговоре? О том, который прервал мистер Бистон?

Она потерла сперва глаза, затем подбородок.

– Черт! Одну минутку. – Она выглядела обескураженной. – Знаешь, а ведь я совершенно не помню. Ничего! Ну и ладно, подай-ка мне совок со щеткой. Надо же, как мы ковер уделали!

Я продолжала пристально смотреть на нее. Она все забыла. Мистер Бистон подсунул-таки ей свое зелье. Но как? Когда?

– Эмили! Шевелись! Щетка и совок. Или прикажешь мне за ними идти?

Я достала требуемое из шкафчика и принесла ей.

– Мам... – решила я попытаться еще раз, пока она подметала под столом. – Неужели ты действительно не пом...

– Эмили, – строго сказала она, садясь на корточки. – Шутки шутками, но и меру знать надо. Я больше не желаю слушать белиберду о разноцветных камнях. У меня есть дела поважнее, чем твои фантазии.

– Но...

– Эмили!

Этот тон я хорошо знала. Он означал, что лучше мне захлопнуть рот. Я собрала пакетики из-под пончиков со стола, чтобы выкинуть их в мусорное ведро. И тут заметила на одном из них буквы: МПВ.

– Мам, почему на пакете твои инициалы?

– Понятия не имею. Вероятно, чтобы определить, какой из них для меня.

– А зачем?

– Брось, Эмили. Всем известно, какая я сладкоежка. На моем пончике сахара больше.

– Ну и глупо. Зачем подписывать, если можно заглянуть в пакетик?

– Да что с тобой сегодня, Эмили? Я не позволю тебе говорить о мистере Бистоне в таком тоне. Ни слова больше.

– А если я правда не понимаю?! Почему он не мог просто

посмотреть?

Мама проигнорировала мой вопрос. Когда она принялась насвистывать, я сдалась и вернулась в свою каюту, прихватив пакеты с собой. Разгадка крылась именно в них, я была уверена. Если бы только мне удалось во всем разобраться.

Я так долго смотрела на надпись, что глаза заслезились. Буквы утратили четкость, и тут меня осенило! Ну конечно же!

Зелье беспамятства было в пончиках!

Глава 11

Вернувшись в понедельник из школы, я швырнула сумку на пол и плюхнулась на диван. Мама читала. Она загнула уголок страницы, отложила книжку и посмотрела на меня.

– Ну, как прошел день? Все хорошо?

– Угу. – Я встала, пошла к холодильнику, налила себе стакан молока и вернулась.

Я не могла заставить себя поднять на нее глаза. Как же мне ее убедить? Как дать понять, что мистер Бистон – не друг? А мне еще надо было отыскать отца. Просто голова шла кругом!

Донесшийся с палубы звук шагов вывел меня из задумчивости. Я в раздражении сжала кулаки. Если это опять мистер Бистон, я ему...

– Привет, Эмили, – своим «таинственным» тоном произнесла Милли, снимая широкий черный плащ.

– Ты куда-то уходишь? – спросила я маму.

– На ежегодное собрание жителей залива. Я же тебе говорила на той неделе.

– На той неделе?

– Приятно сознавать, что не у одной меня память как у золотой рыбки. – Она потрепала меня за щеку.

– Но сейчас только шесть вечера! – Я посмотрела на часы.

– Собрание проводят в книжном, поэтому мне и нужно

прийти пораньше, – крикнула мама из коридора. – Спасибо тебе, Милли, выручила. – Она заглянула в комнату уже в пальто. – Если собрание затянется, можешь лечь спать на диване.

– Возможно, я так и сделаю, – ответила Милли. – Сегодня у меня энергетический спад. Думаю, это из-за новых таблеток с гинкго билоба в сочетании с шиаци.

– Вот и хорошо, – кивнула мама, застегивая пальто.

И тут по палубе вновь загрохотали. Я так и подпрыгнула.

– Черт возьми, Эмили, что-то ты сегодня на взводе, – хмыкнула мама, взъерошивая мне волосы.

В дверях появился мистер Бистон. Я застыла.

– А вот и я, – сказал он, оглядывая комнату с порога.

– Ты мне не говорила, что он тоже с тобой идет, – зашептала я, хватая маму за рукав, когда мистер Бистон убрался.

– Разумеется, идет! Ведь он – наш председатель! – прошептала она в ответ. – Мистер Бистон любезно предложил мне помочь все организовать. Разве это не мило?

– Мам, я не хочу, чтобы ты уходила!

– Не хочешь? Господи, да что с тобой?

Как я могла ей объяснить? Как заставить ее мне поверить? Она же слушать ничего не хочет о мистере Бистоне. Несчастный одинокий добряк? Черта с два! Ничего, я ей еще докажу!

– Мам, дело в том...

– Хватит, Эмили. Ты уже не маленькая. – Она разжала мои пальцы, вцепившиеся в рукав ее пальто. – Милли за тобой

присмотрит. Если я тебе срочно понадобится, я тут, рядом, в магазине. Обрати внимание на слово «срочно». – Она чмокнула меня в щеку, стерла большим пальцем след от помады и умчалась прочь.

– Милли, а ты разве не житель залива?

– О, видишь ли, я не верю во всю эту демократическую чепуху, – ответила гадалка, делая мне знак подвинуться, чтобы тоже сесть на диван.

И мы стали смотреть телевизор. Когда закончилась очередная серия «Улицы Коронации», я ожидала, что Милли прикажет мне отправляться спать, но она молчала. Я оглянулась на гадалку: та полулежала, закрыв глаза и приоткрыв рот.

– Милли! – окликнула я.

Милли не ответила. Она заснула!

Я закинула ноги на подлокотник дивана и пощелкала кнопками пульта, переключая каналы. Ничего интересного. Остановилась на программе, где люди вытворяли всякие безумства без видимой причины. Одна тетка, боящаяся высоты, собиралась прыгнуть со скалы на тарзанке. И зачем, спрашивается?

Ни разу в жизни я не видела, чтобы кто-то был так испуган. Ее лицо буквально посерело. Крупным планом показали

выращенные от ужаса глаза. Женщина глубоко вздохнула и прыгнула с обрыва вниз головой.

После того как все закончилось, к ней подбежала маленькая девочка и обняла ее, а тетка улыбалась как дура. «Лаура должна лететь в Америку на операцию. Я никак не могла отпустить ее одну. Вот и решила бороться со своими страхами. Иногда все, что вам нужно, – это разорвать внутренние пути и дерзнуть». Женщина обняла дочь, обе они ревели. В общем, не передача, а сплошные нюни.

Когда я чистила зубы, слова той женщины всплыли у меня в мозгу. Они словно пытались до меня достучаться. Я снова и снова прокручивала их в голове, пока не остался один-единственный кусочек: *«Нужно разорвать внутренние пути и дерзнуть»*.

Господи, ну правильно! Именно так мне надо поступить. Большой Тритоний риф очень далеко, но можно же отправиться туда на лодке! И сегодня как раз самое подходящее время. Да что там, сегодня – мой единственный шанс.

Смогу ли я? Успею ли вернуться? Я посмотрела на часы. Половина девятого. Мама еще долго проторчит на своем собрании, а Милли дрыхнет как сурок. Когда еще выпадет такой удобный случай? Я должна попытаться сегодня, прямо сейчас.

Схватив ключ зажигания, я бросилась наружу. Еще полчаса – и станет совсем темно. Но ночное море – это ерунда, к нему я привыкла. А вот справлюсь ли с лодкой? Я всего

несколько раз пробовала ею управлять. Каждые два года мы отводили лодку на техосмотр в Саутпульский порт, и мама давала мне немного порулить. Парусом мы никогда не пользовались. Вообще не понимаю, для чего он нам сдался?

На набережной было тихо, только мачты поскрипывали на ветру. Я машинально начала накручивать волосы на палец. Наверное, я сейчас выглядела точь-в-точь как та трусиха перед прыжком. Теперь мне стало ясно, как она себя чувствовала. Я просто должна была это сделать, каким бы опасным, ужасным или безумным ни выглядел мой поступок.

Отвязав швартовы, я последний раз посмотрела на набережную. Пусто.

Почти.

Из зала игровых автоматов кто-то вышел. Я присела у мачты и затаилась. Это была мама Мэнди: вероятно, она шла на собрание. Я уже привстала, и тут в дверях показался кто-то еще. Сама Мэнди! Я вновь пригнулась, ожидая, когда она зайдет обратно внутрь. Интересно, заметила ли она меня?

Канат в моих руках провис. Лодка отчалила. Можно было еще успеть перепрыгнуть на пристань и привязать ее, но с каждой секундой «Морской царь» уходил все дальше и дальше. Что же делать? Пока еще можно было отказаться от задуманного.

Дохнул ветерок, приподнимая нос лодки, и я наконец решилась. Оглянулась. Мэнди нигде не было видно. Я швырнула канат на палубу и повернула ключ зажигания.

Ничего не произошло.

Я попыталась снова. На сей раз мотор завелся, послышалось знакомое «так-так-так», разорвавшее вечернюю тишину.

– Эй, рыбешка!

Я обернулась на окрик. На причале стояла Мэнди.

– Куда это ты собралась? – завопила она.

– Никуда!

Как же, никуда! Ну и глупости я несу.

– А, поняла! Ты решила сбежать, потому что Джули захотела с тобой дружить?

– Чего-чего?

– После того как ты продинамила ее в прошлое воскресенье, она знать тебя не желает. Хорошо, что у нее есть я. Она поняла, что кому-то небезразличны ее чувства. – Мэнди злорадно ухмыльнулась. – А твоя мама знает, что ты взяла лодку?

– Разумеется! – торопливо сказала я. – Хочу сплавать до Саутпула и обратно.

– Да ну? А вот мы сейчас проверим. – Мэнди достала из кармана мобильный телефон.

– Ты не посмеешь!

– Не посмею? Уверена? О, я давно ждала случая вывести тебя на чистую воду! Маленькая мисс Паинька, наша послушная тихоня.

Лодка все удалялась от берега.

– За что ты меня так ненавидишь? – спросила я, перебивая рокот мотора.

– За что? Дай-ка подумать. – Она театрально приставила палец ко лбу и отвернулась, словно обращаясь к невидимым зрителям. – Сначала меня из-за нее наказывают дома, потом она отбивает мою лучшую подругу и настраивает против меня учителя плавания. Эта девчонка – самая большая задавка, которую я встречала в жизни. – Мэнди опять повернулась ко мне. – Надо же, сама не знаю, отчего я тебя так ненавижу!

И она пошла прочь, демонстративно помахивая мобильником.

– Мэнди, не звони! Ну пожалуйста!

– Может, позвоню, а может, нет. – Она оглянулась через плечо. – Пока, рыбка.

Что мне оставалось делать? Вернуться я уже не могла. Не могла, и все! Ведь это, возможно, был мой последний шанс отыскать отца. И никакая Мэнди Раштон мне не помешает. Я выбросила ее угрозу из головы. Мэнди меня не остановит! Не остановит!

Я решила неукоснительно следовать своему плану.

Несколько минут спустя, сжимая румпель, я уже отводила лодку от пирса, осторожно выбираясь из гавани. Вспомнила, что делала, когда вела лодку к Саутпулу, и попыталась себя уверить, что раз тогда получалось, то и сейчас все получится.

Выйдя в открытое море, я оглянулась на Брайтпорт. Последние лучи солнца поблескивали на воде словно монетки.

Соленые брызги падали мне на волосы.

Я зажмурилась, сосредотачиваясь. Нужно было отыскать Большой Тритоний риф. После того как мы с Шоной проплыли до него половину пути, я примерно представляла, где он находится. Всмотревшись в линию горизонта, заметила светлую полосу. Когда я туда доберусь, она расцветится всеми оттенками радуги.

Тьма опустилась неожиданно. Нос лодки медленно резал волны. Наш «Морской царь» вообще отличался неторопливостью. Моя рука, вцепившаяся в румпель, начала мерзнуть, а я сама промокла до нитки. Лодка подпрыгивала на морской зыби, то взбираясь на гребни волн, то падая вниз. Чем дальше я отплывала от берега, тем беспокойнее становилось море.

Одна за другой зажигались звезды. Вскоре ночное небо было ими заполнено. Взошел пухлый месяц. Уже просматривалась его вторая половинка, словно ему не терпелось стать полной луной. «Царь» переваливался с боку на бок, перебираясь с одного водяного холма на другой. Интересно, далеко ли я заплыла? Вновь оглянулась. Брайтпорт находился уже в нескольких милях позади! Если закрыть один глаз и вытянуть руку, весь город можно было заслонить одним большим пальцем.

Вверх-вниз, вверх-вниз, с волны на волну, с гребня на гребень я приближалась к Большому Тритоньему рифу.

Оттого что я не сводила глаз с жемчужной полоски на горизонте, на них выступили слезы. Но полоска все же понемногу росла. Я представила, как найду отца.

Проберусь в тюрьму и освобожу его. Потом спрячу на лодке, и мы вернемся в Брайтпорт раньше, чем кто-нибудь заметит его побег. А когда мама придет домой, папа будет ждать нас в море у пирса. Я попрошу маму прогуляться на сон грядущий, потом оставлю ее на минутку, и появится Джейк. Они увидят друг друга, и все станет так, словно родители и не разлучались. К маме вернется память, и мы все будем жить долго и счастливо. По-моему, замечательный план.

Ну, то есть замечательная мечта. План – пожалуй, все-таки громко сказано.

– ЭМИЛИ!

Громовой крик вырвал меня из грез. Я обернулась. Позади в темноте виднелся какой-то силуэт, и он приближался. Моторка. Одна из тех маленьких лодочек с подвесным мотором, которые летом так и шныряют туда-сюда. Я разглядела двух человек на борту.

– Эмили!

Я узнала мамин голос. А затем послышался и другой.

– Немедленно вернись назад, юная леди! Что бы ты ни задумала, лучше тебе остановиться!

Мистер Бистон! Я быстро повернула румпель, меняя на-

правление, и до упора сдвинула дроссель, набирая скорость.

– Ну давай же! Давай! – подбодрила я «Царя».

Мотор чихнул, но скорость не изменилась.

– Ты что здесь делаешь? – заорала я маме, преодолевая шум волн и моторов.

– Что я здесь делаю? Эмили, это ты что здесь делаешь?

– Но у тебя же собрание!

Моторка приближалась.

– Собрание отменили! Позвонила дочь миссис Раштон.

Девочка очень беспокоилась: думала, что тебе угрожает опасность.

Я должна была догадаться, что Мэнди это сделает! Глупо было надеяться на иное.

– Прости, мам! Я должна сделать это. Потом ты поймешь, клянусь! Поверь мне.

– Доченька, пожалуйста, вернись! Что бы ни случилось, мы со всем разберемся.

Мотор вновь чихнул, и «Царь» вроде бы сбавил скорость. Волны захлестывали, они то и дело плескали мне в лицо. Я утерлась рукавом.

– Смотри, что ты сделала со своей матерью! – заорал мистер Бистон. – Я этого не потерплю, слышишь? Не позволю тебе!

– Нечего мною командовать! – крикнула я, от гнева позабыв и о страхе, и о данном зрителю обещании. – Вы мне не отец! Даже не родственник!

Смотритель промолчал. Похоже, полностью сосредоточился на управлении моторкой, которая уже догоняла меня. Тем временем жемчужный свет все рос и рос. Я уже почти видела разноцветное сияние.

– Ну же, «Царь», – шепотом взмолилась я. – Осталась совсем чуточка!

Я оглянулась. Мама сидела, закрыв лицо ладонями. Мистер Бистон с перекошенным лицом крепко сжимал румпель.

– Помните моего отца? – крикнула я ему. – Вашего «лучшего друга»? Кем надо быть, чтобы долгие годы врать его жене? А?

– Не знаю, какие глупости втемяшились тебе в башку, девочка, но лучше бы положить им конец прямо сейчас. Пока я сам не положил всему конец! – Глаза смотрителя порывы блеснули. – Неужели не видишь, как расстраиваешь свою бедную мать?

– Расстраиваю свою мать? Ха! Какой вы у нас заботливый, оказывается!

– Прошу тебя, Эмили. – Мама протянула ко мне руки. – Что бы ни случилось, мы обо всем поговорим. Не ругай мистера Бистона, он просто хочет нам помочь.

Моторку уже отделяло от меня всего несколько метров.

– Вперед, «Царь»! – громко сказала я, подгоняя тарахтящий мотор. – Мам, мистер Бистон не тот, за кого себя выдаст. И он вовсе не собирается тебе помогать.

И тут мотор замолк. От удивления я ахнула.

– Дочка, мы не держим на лодке много дизельного топлива. Это пожароопасно.

– Пожароопасно? Кто тебе это сказал?

– Ну, я, – отозвался мистер Бистон, – не хотел, чтобы с вами случилась беда.

Смотритель жутко улыбался мне. Он следил за каждым нашим шагом!

Ах так? Я кинулась к мачте. Все равно доплыву!

Развязала веревку у основания мачты и попыталась поставить парус. Но сколько ни дергала и ни тянула, ничего не получалось. Тогда я схватилась за другую веревку, чтобы освободить гик – деревянную жердь, которая крепится к парусу снизу. Распутав узлы, я хотела схватиться за гик, но промахнулась. Парус повернулся в другую сторону. Мне оставалось только смотреть, как исчезает моя последняя надежда.

– Прошу тебя, Эмили, прекрати! – крикнула мама, когда моторка подошла вплотную к борту «Царя». – Не мучай себя: я все знаю.

– Что? Если ты все знаешь, почему же позволила этому типу плыть с тобой?

– Твои чувства вполне естественны, солнышко. Мистер Бистон объяснил мне, что ты немного ревнуешь, поэтому и настраиваешь меня против него. Но он наш друг, и ничего более. Не нужно тебе так изводиться.

Жемчужное сияние было совсем рядом. На поверхности

воды мелькали огни и разноцветные блики, словно кто-то запуская фейерверки. Я застонала.

– Мама, это не то...

Я запнулась, увидев мамино лицо. Белое, без кровинки, словно у актеров с рыночной площади, прикидывающихся статуями.

– Никто никогда не заменит мне твоего отца, – произнесла она едва слышно, расширившимися глазами глядя на блики в воде.

– Моего отца?

На миг все замерло, как стоп-кадр в кино: море, мистер Бистон у румпеля... Мы с мамой смотрели друг другу в глаза, будто увиделись впервые.

Но зритель не медлил.

– Все, хватит! – завопил он. – Я перебираюсь на лодку.

– Подождите! – крикнула я.

И тут набежавшая волна ударила в борт. «Царь» качнулся, парус крутанулся в другую сторону. Мистер Бистон уже заносил ногу над бортом, когда гик ударил его по затылку.

– Аргх! – крикнул зритель, схватившись за голову, мешком рухнул на палубу и замер.

Мама завизжала и вскочила. Моторка опасно накренилась.

– Осторожно, мам! – Я перегнулась через борт. – Лезь сюда!

Она не шевелилась.

– Тебе надо перебраться ко мне. Ну же, мам! – Я протянула руку. – Хватайся!

– Я... я не могу... – заторможенно произнесла она.

– Можешь. Ты должна!

Порывшись под сиденьем, я вытащила спасательный круг. «Царь» подпрыгивал, как норовистый конь на родео. Парус болтался у другого борта, по-прежнему недоступный для меня. Вцепившись в леер, я бросила маме спасательный круг. Она надела его на талию.

– Все будет хорошо, мам. Просто перебирайся ко мне, пока моторку не отнесло.

Она смотрела на меня.

– Давай, мам!

Она продолжала стоять в качающейся лодке, но потом вдруг кинулась ко мне. Я схватила ее за руку и помогла взобраться.

– Прости меня, Эмили, – пробормотала она.

– За что?

– За все. Я виновата, – сказала мама, крепко прижимая меня к себе одной рукой, а другой держась за леер.

Нас болтало из стороны в сторону.

– Ничего подобного! Если тут и есть чья-то вина, то только мистера Бистона. Он не тот, за кого себя выдает, мам, он...

– Я знаю, где мы находимся. – Мама прижала палец к моим губам.

– Ты... ты...

– Я вспомнила.

Она прижала меня к себе еще крепче. За ее плечом я видела мерцающую и переливающуюся воду. Большой Тритоний риф. Я вырвалась из маминых объятий.

– Что ты вспомнила?

– Пока все немного туманно, – замямвшись, сказала мама.

И вдруг небо словно взорвалось светом.

– Смотри! – показала я на риф.

Под водой заплясали розовые огни, отражаясь в небе разноцветными сполохами.

– Мне это знакомо, – дрожащим голосом сказала мама. –

Он приводил меня сюда.

– Кто? Мистер Бистон? – Я испуганно обернулась на зрителя.

Тот лежал так же неподвижно. Лодка опять покачнулась, и мама вцепилась в леер обеими руками. Я придвинулась к ней поближе. Ее лицо покрывали капли. Присмотревшись, я поняла, что это не брызги волн, а слезы.

– На нашу первую годовщину, – продолжила она.

Неужели мама была здесь с Джейком?

– Он говорил мне, что они упекут его сюда.

– Они?

– Да, если застукают нас. Он знал, что рано или поздно это произойдет. Мы оба это знали, но не могли расстаться. Потому что сильно любили друг друга. – Она пошатнулась, и мне пришлось поддержать ее.

– Я хочу найти его, – сказала я, прижимая маму к себе. – Вот зачем я взяла лодку. Я сделала это ради нас всех.

– Это невыносимо, – сказала мама. – Теперь я все вспомнила. Как же я могла его забыть? Его наказали за любовь ко мне, а я все забыла. Мне нет прощения!

– Мам, ты ни в чем не виновата. Ты не просто так взяла и забыла.

– Забыла! – шмыгнула она носом. – Я знаю. Ты спрашивала меня об отце, а я ничего не помнила. Ничего!

– Ты не виновата.

– Кто же тогда виноват? – Мама отбросила с лица мокрые волосы.

– Мистер Бистон. – Я ткнула большим пальцем за спину.

– Ой, Эмили, только не надо снова нести этот бред!

– Это не бред! – Я постаралась взять себя в руки и не орать, чтобы смотритель не пришел в себя. – Это чистая правда. Повторяю, он не тот, за кого себя выдает.

– Эмили, пожалуйста, не усугубляй.

– Да послушай же ты меня наконец! – не выдержала я.

Она посмотрела мне в глаза, потом перевела взгляд на мистера Бистона.

– Надо проверить, как он.

Высвободившись из моей хватки, она присела над телом.

– Мам, с ним все будет в порядке, не волнуйся за него.

Но она, не обращая внимания на мои слова, склонилась над смотрителем. Я, вздохнув, присела рядом. Мама прижа-

лась ухом к его груди. Потом подняла на меня взгляд. Даже в свете звезд стало заметно, как побелело ее лицо.

– Боже, Эмили, кажется, мы его убили.

Глава 12

– Сердце не бьется, – сказала мама, распрямляясь.

Я открыла рот, не зная, что сказать. Вдруг с грохотом запахнулась дверь. Мы с мамой прижались друг к другу. В дверном проеме стояла Милли.

– Вам не кажется, что и меня надо ввести в курс дела? – сказала она и, подобрав свою длинную юбку, выбралась на палубу.

Мы с мамой переглянулись.

– Я ощущаю в ваших аурах некое... смятение.

– Милли, сейчас не время, – сказала мама. – Нам надо кое-что уладить. С мистером Бистоном произошел несчастный случай. Кажется, он умер. – Она зажала рот ладонью.

Милли, на каждом шагу поскользываясь на мокрой палубе, подошла к нам.

– Дайте-ка взглянуть.

Она опустилась на колени рядом со зрителем, расстегнула его куртку и задрала фланелевую рубашу. Под ней оказался странный жилет, плотный и объемистый. Я вздрогнула, увидев на кармашке вышитый трезубец Нептуна.

– Бронежилет? – пробормотала Милли. – О, вечный космос, зачем он ему?

Я промолчала.

– Вот тебе и ответ, Мэри. – Милли повернулась к маме. –

Через эту штуку ты не услышала бы даже тарахтенье гусеничного трактора.

Лодка накренилась, и я, проехавшись по палубе, стукнулась о скамейку.

– Держи румпель, Эмили! – приказала Милли, внезапно беря командование на себя.

Я схватилась за румпель, но это мало помогло. Лодка беспомощно болталась на волнах. Милли приподняла мистера Бистона, расстегнула жилет и прижалась ухом к его груди. Мама подошла ко мне и взяла за руку. Мы напряженно ждали.

– С ним все в полном порядке, – вынесла вердикт Милли.

– Хвала небесам! – Мама порывисто обняла меня. – Я бы никогда не простила себе, если бы...

– Хорошо бы ему чакры прочистить, – продолжила Милли. – Пара-тройка сеансов рефлексотерапии – и все как рукой снимет.

Она стянула со зрителя ботинки с носками, села рядом, сложила руки на своей пышной груди, закрыла глаза и глубоко задышала. Потом приподняла его правую ногу и принялась массировать. Нога дернулась. Милли продолжила разминать стопу. Мистер Бистон опять дернулся, дрыгнул ногой. Потом заелозил, точно уж на сковородке, и вдруг захихикал. После чего захохотал в голос.

– Ой, хватит, хватит уже! – завопил он, вскакивая.

– Рефлексотерапия никогда не подводит, – резюмировала

Милли, встала, вытерла руки о подол юбки и направилась к двери. – Пойду передохну чуток. Массаж буквально высасывает мою энергию *ци*.

– Слава богу, с вами все в порядке. – Мама кинулась к мистеру Бистону.

– Просто царапина. Ничего страшного не произошло. – Он запахнул свою куртку и покосился на меня, на его скуле багровел желвак.

– Ничего страшного? – Я вцепилась в румпель. – Вы так думаете?

– Эмили, не начинай! – одернула меня мама. – Ну чего ты прицепилась к бедняге?

– Чего я прицепилась? Хм, с чего же начать? – Я взглянула ему прямо в глаза. – Может, с того, что он стирает тебе память со дня моего рождения? Или с того, что он за нами шпионит?

Мама, казалось, утратила дар речи, а потом расхохоталась.

– Ой, Эмили! Никогда не слышала большей чепу...

– Это правда, – произнес мистер Бистон, не отводя глаз. – Она говорит правду.

– Что-что? – Мама одной рукой обхватила мачту, а другую прижала к сердцу.

– Все кончено, Мэри. Я устал притворяться. Да и к чему теперь?

– О чем вы? – Мама переводила взгляд с меня на смотри-

теля и обратно.

Что ж, пусть он сам объяснит.

Мистер Бистон присел на скамейку.

– Я делал это ради твоего блага. Твоего и твоей дочери, – сказал он, держась рукой за голову. Его всклокоченные волосы слиплись от крови, пота и морской воды.

– Что именно вы делали ради моего блага? – жестко спросила мама.

– Два мира... – пробормотал он глухо, почти уронив голову на колени. – Им не сойтись вместе. Ничего не выйдет, – добавил наблюдатель шепотом, склоняясь все ниже. – Ты не одна, кто растет без отца, Эмили. Мой тоже испарился аккуратно в день моего рождения. Как и все они, рыбаки... Это же так здорово – завести необычную подружку, верно? Соблазнить прекрасную сирену. Будет что рассказать приятелям.

По его щеке сползла слеза и упала на палубу. Он порывисто утерся.

– Но совсем другое дело, когда у твоего собственного ребенка вдруг отрастает хвост. Кому это нужно, да?

– Что вы такое болтаете? – напряженным голосом спросила мама, продолжая обнимать мачту.

Море вздымалось и опускалось, катя пенные валы, парус беспомощно хлопал на ветру.

– Люди и морской народ не могут жить вместе. Ничего путного из этого не выходит, одна боль. – Мистер Бистон наконец поднял лицо. – Вот от чего я пытался вас уберечь.

От того, что испытал сам.

Очередная волна с силой ударила в борт. Холодный ветер щипал мне щеки.

– Говорила же тебе, что никакой он не друг, – прошипела я, сжимая румпель.

– Дружба? – презрительно рявкнул мистер Бистон. – Преданность царю – вот то единственное, что имеет значение. Верность Нептуну и делу защиты своего народа. Вот ради чего я живу. – Смотритель прижал кулак к груди, но, взглянув на маму, разжал ладонь. – Что вам сказать... – Он сник. – То есть, понимаете, я никогда не хотел... – Его голос утих, подбородок вновь упал на грудь.

Мама выглядела так, будто это ее ударило по голове. Лицо стало белым, как парус, а тело напряглось, как струна.

– А ведь я часто задавалась вопросом, откуда ни с того ни с сего взялся новый смотритель, – проговорила она. – И никто не знал, куда подевался старина Берnard. Просто в один прекрасный день на маяке объявились вы. И еще кое-что. Я особо об этом не раздумывала, но вы никогда не звали меня в гости. Ни разу за двенадцать лет. А вот Берnard частенько приглашал меня на маяк, и мы любовались сверху окрестностями в бинокли и телескопы. Тогда как вы, якобы мой друг, захлопывали дверь у меня перед носом. Подумать только, а я еще вас жалела!

Море разгулялось, лодка подпрыгивала вверх-вниз, мама положила ладонь на мою руку, и мы вместе попытались дер-

жать румпель.

– Он видел тебя лишь однажды, – прозвучал в темноте мамин голос, – на Радужных камнях. Держал на руках у самой кромки воды. Я не позволила ему взять тебя в глубину. Зря, наверное... – Она умолкла, взглянув на меня, ветер трепал ее волосы. – А я потеряла двенадцать лет.

Я закусила губу, чувствуя привкус соленой воды.

– Они оказались скрыты от моего собственного сознания, как и все остальное. – Она выпрямилась и медленно приблизилась к мистеру Бистону. – Вы украли у меня мою жизнь, – гневно бросила она. – Вы – вор! Грязный, отвратительный, коварный вор!

– Эй, погодите! – завопил смотритель. – Я был еще добр к вам. Я за вами присматривал. Вы даже представить не можете, что они хотели с вами сделать!

– Все равно вы не имели права. – Мама взмахнула рукой, из глаз ее полились слезы. – Он был моим мужем. А вы кем себя вообразили?

– А как вы думаете? Я именно тот, за кого себя выдаю. Я – Чарльз... – Он осекся, покосился на маму, потом вздохнул и вдруг, выпятив подбородок, гордо взглянул на горизонт ясным взором. – Я – Чарльз Ластоправ Бистон, советник Нептуна. И я двенадцать лет достойно и преданно исполнял свой долг.

– Как же вы смели все эти годы притворяться моим другом? – спросила мама.

– Пойдите! Я был... то есть я и сейчас ваш друг. Ведь мне небезразлична ваша судьба. Все делалось ради вашего блага. Необходимо было положить конец этим нездоровым отношениям. Неэтичным, неестественным, опасным, в конце концов. Неужели вы не понимаете?

Мама помолчала, а потом фурией налетела на зрителя, замолотив кулаками по его груди:

– Я вижу лишь тварь! Презренного червя! – вопила она.

Мистер Бистон попятился. Она кинулась к нему, зацепилась за валявшийся на палубе спасательный круг и чуть не свалилась, но в последний момент схватилась за канат, привязанный к мачте. Раздался звук разрываемой парусины, и канат, которым гик крепился к парусу, остался в руках мамы. Мы трое с ужасом увидели, как уплывает прочь деревянный шест. Парус забился на ветру, еще более бесполезный, чем прежде.

Ну все. Приплыли.

Я изо всех сил сжала румпель. Лодка опять резко накренилась, усилившиеся волны захлестывали палубу.

– Надо что-то делать, – дрожащим голосом сказала я.

– Сейчас все исправлю, – решительно отозвался мистер Бистон, в его глазах светилось холодное спокойствие.

И он двинулся к двери, держась за ограждения, чтобы не упасть с раскачивающейся лодки.

– Мам, что же нам делать? – спросила я, глядя на перекачиваемые по палубе валы.

Мама не ответила. Она острым взглядом провожала мистера Бистона.

– Забудь о нем! – крикнула я. – Нам надо что-то придумать, иначе мы никогда не вернемся домой! И никогда не увидим Джейка.

– Ох, Эмили, неужели ты думаешь, что мы действительно найдем...

– Я знаю, где он! Мы сможем! Мы уже совсем рядом!

– Да, наверное, ты права. – Мама перевела взгляд на меня.

Она подняла крышку скамьи и, порывшись среди брезентовых шлангов и ножных насосов, достала два спасательных жилета и бросила мне один, из которого я давно выросла.

– Надень!

– Мам, мне он не нужен.

– Ну, на всякий пожарный... – Мама осеклась и уставилась на мои ноги. – С ума сойти! Так ты... действительно...

– Хочешь сказать, что даже не подозревала? – спросила я.

– Откуда? – Она покачала головой. – Может быть, где-то в глубине души...

Огромная волна обрушилась на палубу, унося с собой остаток ее фразы и окатив нас с головы до ног.

– Мам, мне страшно! – завопила я, кое-как утирая лицо. – Мы слишком далеко от берега, даже для меня. Боюсь, нам конец.

Лодка угрожающе накренилась. Я упала и покатилась по палубе. В последний миг схватилась за леер, пытаюсь удержаться.

жаться. И вдруг заметила мелькнувший в волнах силуэт. Плавник! Ну вот и все. Сейчас лодка перевернется, и нас сожрут акулы.

Мама никогда не была религиозна и всегда учила меня думать собственной головой. Так что до этой минуты я ни разу в жизни не молилась. А тут я сложила ладони, закрыла глаза и зашептала слова, не особенно вдумываясь в то, что говорю.

Глава 13

Мои губы беззвучно шевелились, повторяя всплывающие в памяти слова молитв, когда-то вполуха услышанных на общественных собраниях. Эх, надо было тогда прислушиваться внимательней. «Да будет воля твоя и на земле, как на небе...» Что же будет? Что с нами будет?

– Эмили! – Мама дернула меня за руку.

– Не сейчас, мам, – отмахнулась я от нее.

– Взгляни-ка туда, – не отставала она.

Я раздвинула пальцы шире и приоткрыла один глаз. Разглядеть что-то было непросто, лодку швыряло вверх-вниз. Голова закружилась, и я схватилась за леер. И тут услышала, как кто-то зовет меня по имени! Покосилась на маму, хотя умом понимала, что это не она. Не отпуская ограждения, она свободной рукой показала куда-то в накатывающие пенные валы.

– Эмили! – вновь послышался голос, а затем в волнах мелькнула знакомая головка.

Шона! Она улыбалась и махала мне.

– Ты откуда здесь взялась? – заорала я.

– Сегодня же понедельник. Не найдя тебя на камнях, я отправилась на поиски.

– Ох, Шона! Извини!

– Ты не явилась, и у меня возникло странное чувство, что

ты могла выкинуть что-нибудь в подобном роде!

– Я все только испортила, – ответила я, и у меня перехватило дыхание. – Мы никогда туда не доберемся.

– Не отчаивайся! Брось мне конец каната, посмотрим, что я смогу сделать.

– Но лодка весит, наверное, целую тонну!

– В воде она не такая тяжелая. Надо только грамотно вращать хвостом, как винтом. Мы на физкультуре проходили.

– Неужели у тебя получится?

– Давай попробуем и узнаем.

– Ну ладно, – с сомнением сказала я.

Шона исчезла, только хвост мелькнул. Хвост! Ну конечно! Никакие это были не акулы!

Я прошла на нос, отвязала канат и бросила конец за борт. Подошла мама. Я старалась не смотреть ей в глаза, но кожей чувствовала ее взгляд.

– Ну что еще? – спросила я, не оборачиваясь.

– Это твоя... подруга? – осторожно поинтересовалась она.

– Угу.

– Похоже, мне многое придется наверстать, да, солнышко? – Мама вздохнула.

– Ты считаешь меня уродкой? – спросила я, продолжая смотреть вперед.

– Уродкой?! – Она взяла меня за руку. – Доченька, я горжусь тобой!

И, продолжая сжимать мою ладонь, мама обняла меня.

Волны, кстати, немного утихли, я уткнулась в мамино плечо, мокрое, холодное, но такое родное. Несколько минут мы молчали, глядя, как Шона тащит нас к тюрьме, где томится Джейк. Вдруг мы переглянулись – нам в голову пришла одна и та же мысль: куда делся мистер Бистон?

– Спрятался, небось, от стыда, – предположила мама.

– Лучше все-таки проверить.

– Схожу посмотрю.

– Я с тобой, мам!

Она не стала спорить, и мы направились к двери, то и дело поскальзываясь на мокрой палубе. Я заглянула в салон. Мистер Бистон стоял у настержь распахнутого иллюминатора спиной к нам. В руке у него была витая раковина.

– Зачем ему эта ракушка? – прошептала мама.

Как бы в ответ мистер Бистон поднес ее к губам.

– Похоже, он по ней разговаривает, – шепнула я, глядя, как смотритель что-то тихо бормочет в раковину. – Ты что-нибудь слышишь?

Мама покачала головой.

– Стой здесь, – приказала она. – Спрячься за дверью, чтобы он тебя не увидел. Я сейчас.

– Что ты хочешь сделать? – спросила я, но она уже поднялась на палубу.

Я скорчилась в уголке и стала ждать ее возвращения. Минуты через две она появилась с большой рыболовной сетью.

– Зачем нам...

Но мама приложила палец к губам и осторожно прокра-
лась внутрь салона, кивнув мне, чтобы я следовала за ней.
Мистер Бистон продолжал монотонно бубнить в раковину,
высунувшись в иллюминатор. Мы шаг за шагом, на цыпоч-
ках подбирались к нему. Подойдя почти вплотную, мама
протянула мне край сети, скомандовав одними губами:

– Три... два...

Когда она произнесла «один», мы набросили сеть на ми-
стера Бистона.

– Что за... – Смотритель выронил свою ракушку и пова-
лился на стул.

– Скорей! Заматывай! – крикнула мне мама.

Я начала бегать вокруг стула, не выпуская сети из рук.
Мистер Бистон яростно сопротивлялся, но мы все же опута-
ли его сетью. Так собака опутывает поводком твои ноги, бе-
гая вокруг. Даже еще крепче.

Мама схватила мистера Бистона за ноги и приподняла их.

– Давай, Эмили! – сказала она, едва удерживая брыкаю-
щегося зрителя.

Я замотала сетью и ноги. К счастью, сеть оказалась до-
вольно длинной, так что я смогла сделать еще несколько вит-
ков, понадежнее приматывая мистера Бистона к стулу. По-
сле чего мама связала концы сети. Мы выпрямились, любу-
ясь своей работой.

– Вам это так с рук не сойдет! – вопил смотритель, дер-
гаясь, однако все, что ему удавалось, – это подпрыгивать на

стуле.

– На вашем месте я бы сидела спокойно, – раздался вдруг знакомый голос.

Мы обернулись и увидели Милли, которая благополучно проспала на диване всю битву. Встав в центр салона, она величественно воздела руки, будто ожидая гласа с небес.

– Однажды я тоже вот так качалась, качалась на стуле, да и упала прямо на спину. Пришлось полгода ходить к мануальному терапевту, а дерут они, скажу я вам, совершенно немилосердно, – провозгласив все это, Милли направилась на камбуз. – Кто будет «эрл грей»? – донеслось из коридора. – Лично у меня в горле пересохло.

Шторм внезапно прекратился, и мы пили чай на передней палубе. В небе мелькали разноцветные сполохи. Их танец все ускорялся и ускорялся. Розовые, голубые, зеленые, золотистые... – все цвета, которые только можно вообразить. Множество зайчиков всевозможных оттенков прыгало вокруг нас, точно вода была не водой, а раскаленным песком. Эти огни словно пытались говорить со мной на незнакомом языке.

Милли некоторое время всматривалась в зарницы, потом понюхала свой чай.

– Хм, не знаю, что вы сюда подсыпаете, но от добавки не

откажусь. – Она допила чай и побрела внутрь.

Мама, застегнув пальто, неотрывно смотрела на сполохи.

– Я помню, – прошептала она. – Я все тут помню.

– И папу? – взволнованно пискнула я, тоже не забыв о том, что случилось, когда в последний раз спрашивала у нее об отце.

– Мы с ним не думали, что все вот так закончится. – Мамаины глаза затуманились. – Хотя он с самого начала говорил мне, как это опасно. Все случилось после регаты.

– Какой регаты?

– Раньше их проводили каждый год, но та была последней. Я плыла с миссис Бригхаус, которая раньше содержала отель «Морские дали». У нее была маленькая двухместная яхта. Не знаю, что мы с ней сделали не так, но яхта налетела на камни. Там я и встретила Джейка. – Мама наконец глянула на меня. – Твоего отца, – добавила она и отвернулась. – Не знаю, что случилось с миссис Бригхаус, она вскоре уехала отсюда, а мы с Джейком... Я ничего не могла с собой поделать. Возвращалась к Радужным камням каждую ночь.

– К самим камням?

– На берег неподалеку от них. Я ждала его именно там, куда ты меня привела, помнишь?

– Еще бы.

– Ты помнишь куда больше, чем я. – Она грустно улыбнулась. – Но теперь и я все вспомнила.

– И папа к тебе приплывал?

– Нет. – Она покачала головой. – Хотя я ждала каждую ночь. Однажды сказала себе, что это будет последний раз. Я хотела только поблагодарить его. – Она вновь посмотрела на меня. – Ведь он спас мне жизнь, Эмили.

– И он приплыл?

– Он приплывал туда каждую ночь. – Она улыбнулась.

– Как? Ты же сказала...

– Он прятался, но видел, что я прихожу. Потом говорил, что тоже не в силах был удержаться. Но и заговорить со мной не решался.

– Почему?

– Ну, понимаешь, в тот раз, когда он нам помог... он ни разу не показывался из воды. – Мама рассмеялась. – Я еще тогда подумала: «Надо же, какой отличный пловец!».

– То есть ты не знала...

– Джейк вообразил, что я или в ужасе убегу, или в обморок хлопнусь.

– А ты? – Я затаила дыхание.

– Эмили, – мама взяла меня за подбородок, – я думаю, что влюбилась в него в тот самый момент, когда поняла, кто он такой, увидев его хвост.

– Правда?

– Клянусь.

– А потом что было?

– А потом я ушла из дома.

– Ушла из дома? Ты хочешь сказать, что бабушка с де-

душкой тоже жили здесь?

– Теперь я вспомнила, почему мы поссорились, – вздохнула мама. – Они мне не верили. Считали, что я свихнулась. Попытались даже отправить меня к психиатру.

– Но ты не пошла.

– Нет. – Она помотала головой. – Тогда они продали дом и уехали. Предъявили мне ультиматум: или я еду с ними, или...

– Или они тебя больше знать не хотят, – закончила я за нее.

– Лодка принадлежала твоему дедушке. Он не хотел слышать ни о море, ни обо мне. Сказал, что сыт по горло.

– И отдал лодку тебе?

– Да. Может быть, этот поступок означал, что в глубине души он знал правду. Знал, что я на самом деле не сумасшедшая.

– А Джейк?

– Мы с ним встречались в море или у Радужных камней.

– Там вас и схватили, да?

– Я не верила, что это случится. – Мама прикрыла глаза рукой. – Мне казалось, что все как-нибудь само собой образуется. Особенно после того, как родилась ты.

– Интересно, почему они не заставили тебя уехать?

– Наверное, хотели, чтобы мы были на глазах.

– Ты хочешь сказать, я?

– Ох, Эмили, – мама обняла меня и зашептала в самое

ухо, – ты видела своего отца один-единственный раз, когда была совсем крохой.

– Я еще увижу его, мам, – сказала я, но мой голос дрогнул. – Я обязательно его найду.

Она только улыбнулась, в ее глазах стояли слезы.

– Найду!

И тут к лодке подплыла Шона.

– Мы почти на месте, – крикнула она. – Ты идешь?

Я вопросительно взглянула на маму. Та молча обняла меня и разжала руки.

Я забежала в каюту и переоделась в купальник. Милли вышла вместе со мной на палубу. Я села на борт, улыбнулась и сказала:

– Увидимся!

Мама охнула и схватила Милли за руку, а я прыгнула в воду. Почти сразу мои ноги вытянулись и исчезли, по телу распространилось тепло. На месте ног появился хвост. Я помахала маме и Милли, стоявшим на палубе.

– Смотрите! – крикнула я и нырнула, перевернувшись вниз головой.

Выставив хвост над водой, покачала им из стороны в сторону. А когда вынырнула, то увидела, что мама хлопает в ладоши.

– Великолепно! – Она смахнула слезы и послала мне воздушный поцелуй.

Я улыбнулась ей в ответ. Глаза Милли широко распахну-

лись, она замотала головой, потом схватила мамину чашку с чаем и залпом ее осушила.

– Готова? – спросила меня Шона.

– На все сто, – ответила я.

И мы отправились в путь.

Большой Тритоний риф был не похож ни на что, виденное мною прежде. Высочайшая и широчайшая стена, самая длинная в мире, если не во всей вселенной, состоящая из разноцветных кораллов. Он тянулся на мили и мили, не имея начала и конца, а вокруг было одно лишь море.

Сначала я даже не могла понять, что это. Словно угодила на край земли, и всюду, насколько хватало глаз, простирался риф. Он сверкал так, что пришлось прикрыть глаза ладонью, как козырьком. Все это очень походило на школьную дискотеку после окончания последней четверти. В актовом зале тогда включили специальное устройство, которое рассыпало по стенам и потолку яркие блики, менявшие цвет в такт музыке. Только Большой Тритоний риф был в миллион раз больше и ярче любой цветомузыки.

Вот только чтобы найти тюрьму, нам надо было как-то перебраться через него!

Мы подплыли ближе. Сполохи превратились в настоящие лазерные лучи: свет отражался от зазубренной поверхности

коралловых гор, чьи острые пики высоко вздымались над поверхностью воды. В каждой щелочке росло что-то ярко-фиолетовое, желтое или зеленое: то ли мягкие, резиноподобные водоросли, то ли анемоны. Навстречу нам плыло нечто, напоминающее серебристую новогоднюю елку. Две криветки тащили по дну морскую звезду. В густых зарослях суетились рыбки. Мы же почти увязли в непроходимых водорослях, между камнями и пузырями воздуха. Даже не могли взобраться на вершину: риф был слишком высоким и колючим. Где-то там, над водой, кораллы сверкали, точно битое стекло. Никогда мне не увидеть своего отца!

– Безнадёжно, – сказала я, едва сдерживая слезы.

Все было словно в глупой детской игре: кинул неудачно кубик и возвращаешься в самое начало.

– Мы не сможем перебраться через риф ни сверху, ни снизу.

– Значит, пройдем насквозь! – Глаза Шоны сияли точно кораллы, а слова вылетели изо рта разноцветными пузырьками. – Должен же быть какой-нибудь проход!

Она схватила меня за руку и потащила в глубину.

Мы заглядывали в разные отверстия, поросшие по краям бахромой, заплывали в гущу кустов с щупальцами, между которыми, казалось, можно было протиснуться. Но, увы, все они заканчивались тупиками.

Я присела на скальный выступ, чувствуя, что готова сдать-ся. Шона одна продолжала исследовать кораллы, простуки-

вая их костяшками пальцев, как строитель, проверяющий толщину стены. Крупный косяк рыб, прятавшихся в пещере, вдруг выскочил наружу, мельтеша, словно узор в калейдоскопе. Я зачарованно смотрела на них.

– Кажется, что-то есть. – Голос Шоны вывел меня из задумчивости.

Я подплыла к ней.

– Смотри! – Она поскребла коралловый нарост, и тот рассыпался в пыль. – Видишь?

– Ничего не вижу.

– Присмотрись.

– Да к чему тут присматриваться?

Шона склонилась ко мне и показала на неровную дыру, которую она проковыряла. Потом сунула туда кулак. Из дыры вылетело облачко пыли и уплыло прочь, подхваченное течением.

– Тут слабое место, – сказала она. – Этим кораллам миллионы лет. Уверена, кто-нибудь обязательно следит за состоянием стены, но пройдет немало времени, прежде чем заметят подкоп.

Я тоже сунула руку в отверстие и поковырялась там, чувствуя, как коралл рассыпается в песок. Этот участок рифа и правда был мягче. Я удвоила напор.

Мы скребли и царапали, царапали и скребли, и вскоре проковыряли дыру, куда можно было засунуть голову. Вокруг нас клубилась белесая пыль.

– И что теперь? – спросила я.

– Надо расширить, чтобы можно было проплыть насквозь.

Мы работали молча. Внутри кораллы не светились, так что в норе было довольно темно. Мои руки онемели, тело зудело от пыли, скопившейся вокруг. Внезапно Шона потянула меня за руку. Я подняла глаза и увидела тоненький лучик света.

– Пробились! – выдохнула я.

– Почти, – уточнила Шона.

С новой силой я ударила кулаком по коралловой стенке, потеряла запястье и ударила вновь. Отверстие становилось все шире, все округлее, и вот наконец я повернулась к Шоне.

– Давай ты первая, я крупнее тебя, – сказала она.

Плотно прижав руки к бокам, я осторожно двинула хвостом и протиснулась в дыру, оцарапав и руки, и хвост. Едва оказавшись на другой стороне, я продолжила расширять отверстие, чтобы Шона тоже смогла выбраться. Но ничего не получалось. Под моими ладонями был твердый камень. Его зазубренные края только исцарапали в кровь мне пальцы.

– Не получается! – крикнула я в дыру.

– У меня тоже, – ответила Шона из темноты.

– Попробуй протиснуться.

– Плечи не проходят. – Ее голова показалась в глубине норы. – Мне не выбраться.

– Может, я тебя как-нибудь вытяну?

– Не стоит. – Шона исчезла в норе. – Если я тут застряну,

ты не сможешь вернуться.

– Но я без тебя не справлюсь! – Мой голос дрожал.

– Я подожду тебя здесь.

– Обещаешь?

– Да, буду в конце туннеля.

– Тогда пока. – Я глубоко вздохнула, последний раз заглядывая в нору.

– Удачи!

– Ага. Спасибо тебе за все. Ты самая лучшая-прелучшая подруга, которая только может быть!

– И ты тоже. – Глаза Шоны блеснули из темноты.

Разумеется, мне даже близко с ней не сравниться. Однако я не стала этого говорить: побоялась, что она во мне разочаруется и не станет ждать.

Оставив за спиной Большой Тритоний риф, я поплыла к темнеющему впереди лабиринту пещер, ощерившихся коралловыми шипами.

– Я скоро увижу тебя, папа, – шептала я, пытаюсь привыкнуть к незнакомому слову и отчаянно надеюсь, что это осуществится.

Глава 14

Чем ближе я была к тюрьме, тем больше нервничала и поминутно озиралась. Одинокий морской скат скользил над самым дном, хлопая плавниками, точно полами плаща. Небольшие стайки угрюмых рыб с раскрытыми ртами медленно проплывали в темном безмолвии, косясь на меня. Впереди возник черный смерч – и вдруг рассыпался на тысячи крошечных рыбешек. Пометавшись, они вновь соединились, на сей раз в два крутящихся мяча. Между ними серой подводной лодкой проплыла длинная тень.

Акула! Я замерла на месте.

У самой тюрьмы вода сделалась как будто темнее. Прячась за камнями и водорослями, я наконец подобралась к ее входу. Он напоминал гигантскую, широко распахнутую китовью пасть с острыми белыми зубами. Перед входом туда-сюда неторопливо плавали две необычные акулы с плоскими широкими головами и глазками-бусинками. Рыбы-молоты!

Мне их было не миновать. Интересно, нет ли другого входа?

Я припомнила то, что прочитала об отце в папке смотрителя. Там говорилось о некоем «восточном крыле». Одна беда: тюремное начальство не позаботилось об указателях.

Я попыталась сообразить, как сюда добиралась. Сначала плыла в лодке на запад, ориентируясь на заходящее солнце.

Потом мы свернули направо, к рифу. Следовательно, сейчас я находилась лицом к северу.

Я еще раз повернула направо и увидела перед собой галерею футов пятьдесят длиной, примыкающую к главной пещере. Она напомнила мне крытый переход через шоссе. Только эта «труба» была каменной и находилась на морском дне. Может, это и есть восточное крыло?

Осторожно перебираясь от одного куста кораллов к другому, прячась за камнями, я приблизилась к галерее, проплыла вдоль нее. Ни окон, ни дверей. Да, похоже, главный вход – это единственный способ попасть внутрь. Неужели я проделала весь путь напрасно? Акулы меня ни за что не пропустят...

На всякий случай решила проверить галерею с другой стороны. Вдруг позади раздался какой-то шорох. Акулы! Не раздумывая ни секунды, я ударила хвостом, шмыгнула к подножию галереи и вжалась в осклизлую стену, прикрывшись широкими лентами водорослей. Две рыбы-молота быстро проплыли мимо. Опасливо озираясь, я продолжила осмотр, ощупывая каждый дюйм стены. Минутой спустя мне на глаза попало то, что я не заметила прежде: дыра. Овальное отверстие, куда вполне можно протиснуться, если бы его крест-накрест не перегораживали два толстенных прута, похожих на китовьи кости. Никакого другого подобия входа поблизости не наблюдалось, следовательно, имело смысл попробовать этот.

Я подергала решетку. Она не поддавалась. Попробовала пролезть между прутьями. Дохлый номер: голова проходила, плечи – нет. А если боком?.. Теперь в дыру не помещалась даже голова. Надо же, какой у меня, оказывается, длинный нос!

Ухватившись за решетку, я принялась размышлять, помавивая хвостом. И тут меня осенило! Как можно быть такой недогадливой?! Я аккуратно просунула голову между прутьями. Оставалось только повернуться боком и протиснуться внутрь.

На мгновение мне стало страшно. Что если я застряну и буду тут торчать: голова внутри, хвост снаружи?

Выбросив из головы эту ужасную картину, я быстро повернулась и, стукнувшись подбородком о прут, принялась ввинчиваться в дыру, помогая себе хвостом. Есть! Разве что шею чуть-чуть ободрала.

А я еще стеснялась своей худобы, переодеваясь в бассейн. Выходит, быть тощей как спичка иногда полезно.

Немного поморгала, привыкая к темноте. Небольшая круглая комнатуха, куда я попала, напоминала пузырь. С рыболовных крючков, вмурованных в стены, точно половые тряпки, свисали пучки водорослей.

Я подплыла к двери и повернула круглую желтую ручку.

Дверь со скрипом отворилась. За ней открылся длинный тесный коридор. Закрыв за собой дверь, я увидела на косяке металлическую табличку: «СК: С-874». Северное крыло? Я все-таки ошиблась в своих расчетах!

Поплыла по тихому коридору мимо закрытых дверей. С-867, С-865... Все двери были похожи одна на другую как близнецы: круглые, металлические, точно на подводной лодке, с медными ручками в центре под небольшим, тоже круглым, окошком. Стекол в окнах не было, но они были забраны решетками из рыбьих костей – точь-в-точь пустое поле для игры в крестики-нолики.

Интересно, а что внутри?

Я приблизилась к одной двери и осторожно заглянула в окошко. Там сидел тритон с огромным волосатым животом и длинными черными волосами, собранными в пучок.

– Чем могу помочь, барышня? – удивленно спросил он.

У тритона был толстый бурый хвост, а на руке – татуировка в виде кораблика.

– Ой, извините! – Я шарахнулась от двери.

Ужас! До нужного крыла еще добираться и добираться, а за каждой дверью – страшные преступники! Но чего я, собственно, ожидала? Тюрьма есть тюрьма.

Внезапно послышался знакомый тихий шорох. Акулы! Скоро они будут здесь! Бешено забив хвостом, я рванула в конец коридора, надеясь скрыться за поворотом до того, как меня засекут.

За углом оказался точно такой же коридор. Такой же, да не такой: номера в нем начинались с буквы «В». Восточное крыло!

На первой двери висела табличка «В-924». Какой же номер значился в папке мистера Бистона? Ну почему, почему я его сразу не записала?

В камере находился пожилой бородатый тритон с облезлым дряблым хвостом. Меня узник не заметил. Я двинулась дальше. В-926, В-928... Найду ли я когда-нибудь своего отца?

Из-за угла вывернули акулы. Я скорчилась у очередной двери, остервенело вращая медную ручку. К моему изумлению, камера оказалась незапертой! Я вплыла внутрь и тихо затворила за собой дверь, не заботясь о том, кто может сидеть внутри. Главное – подальше от акул! Привалившись к двери, я облегченно вздохнула.

– Счастливое избавление? – раздался за моей спиной голос.

Я резко обернулась. На тюфяке из водорослей, перед небольшим столиком сидел тритон с блестящим фиолетовым хвостом. Он сунул в рот конец длинной нити и завязал на другом ее конце узелок.

– Что вы делаете? – спросила я.

– Надо же чем-то себя занять, – пояснил он.

Я осторожно приблизилась, держась стены круглой комнаты. Нить казалась золотой. На нее были нанизаны разно-

цветные бусинки.

– Вы делаете ожерелье?

– Вообще-то, это браслет. Тебе нравится? – Тритон поднял на меня взгляд, и я инстинктивно шарахнулась в сторону.

Не стоит спорить с преступником, в чью камеру ты только что ввалилась, напомнила я себе. Если, конечно, собираешься выйти оттуда живой и невредимой.

Впрочем, тритон отнюдь не выглядел угрожающе. Обычно бандитов представляешь себе как-то иначе. Он не казался ни злобным, ни кровожадным. Он просто мастерил украшения. У этого тритона были короткие черные, немного вьющиеся волосы и маленькое колечко в ухе. Поверх белой майки – синяя тюремная куртка. Его хвост сверкал точно так же, как браслет. Тритон как-то очень знакомо провел ладонью по волосам. Моя рука тоже машинально потянулась к голове...

Я присмотрелась внимательнее. Он подмигнул мне в ответ. На его левой щеке при этом появилась ямочка.

Не может быть!

Тритон отложил свою поделку и соскользнул с тюфяка. Я отпрянула.

– Сейчас закричу! – предупредила я его.

Он смотрел на меня, а я – на него.

– Как ты меня нашла? – спросил он изменившимся голосом, словно в горле у него что-то застряло.

Я еще раз взгляделась в его лицо. У узника были темно-ка-

рие глаза, мои глаза.

– Папа! – тоненько пискнул кто-то словно издалека.

Неужели это сказала я?

Тритон протер глаза, потом стукнул себя кулаком по лбу.

– Я знал, что когда-нибудь это случится, – пробормотал он скорее самому себе, чем мне. – Рано или поздно любой свихнется в этих проклятых стенах. – Он отвернулся. – Или все это сон. – Он опять повернулся ко мне. – Ущипни меня за руку.

Тритон подплыл ближе, я же немного отодвинулась.

– Ущипни! – требовательно повторил он.

Я ущипнула. Он так и взвился.

– Ай! Шкуру-то зачем сдирать? – потер он руку. – Значит, ты – настоящая?

Я кивнула. Тритон проплыл вокруг меня.

– Ты даже красивее, чем я воображал. А я часто мечтал, как тебя увижу.

Я ничего не ответила.

– Хотя мне очень не хотелось, чтобы ты увидела меня в камере.

Он сделал еще круг, собирая разбросанные украшения, поднял с пола несколько журналов и сунул в щель в стене, а куртку затолкал под тюфяк.

– Здесь не место для юной барышни. – Тритон подплыл совсем близко и взял меня за подбородок.

Я заставила себя держаться спокойно. Он погладил меня

по щеке, провел пальцем по ямочке, стирая слезы, смешивающиеся с морской водой.

– Эмили, – прошептал тритон.

Это действительно был он, мой папа! Мы заключили друг друга в объятия.

– Ты у меня еще и русалочка, – пробормотал он мне в ухо.

– Но не все время.

– Понимаю.

– А твоя мама где? – вдруг спросил он, разжимая объятия. – Она здесь? С ней все в порядке? Или... – он бессильно уронил руки, – она встретила кого-то другого?

– Разумеется, нет! – И я прижалась к нему.

– Узнаю мою Пенни, – улыбнулся он.

– Пенни?

– Ну да. Так я ее звал, будучи уверенным, что мне выпал счастливый пенни. Полагаю, в самом конце это выглядело не слишком удачной шуткой. – Он улыбнулся. – Так, значит, она меня не забыла?

– Ну... – я не знала, что ответить, – она до сих пор тебя любит.

В конце концов, это же чистая правда, ведь так? Иначе мама вряд ли бы расстроилась, вспомнив случившееся.

– Она тебя не забыла. По крайней мере, уже вспомнила.

– Как это?

– Сейчас объясню.

И я рассказала ему о Б-зелье, о мистере Бистоне и о том,

как водила маму к Радужным камням. А еще о нашем плавании к Большому Тритоньему рифу.

– То есть она здесь? Совсем рядом? – вскричал он.

Я кивнула. Он пригладил волосы и принялся плавать кругами.

– Пап! – произнесла я вслух это странное слово. – Она там меня ждет. Нельзя, чтобы ее тоже посадили в тюрьму. – Я подплыла поближе к отцу. – Мама ведь даже плавать не умеет, – добавила я тихо.

– Не умеет? – Он расхохотался. – О чем ты, дочка? Пени плавают как рыба. Лучше всех, за исключением русалок, конечно.

Моя мама? Плавают как рыба? Настала моя очередь хохотать.

– Наверное, это умение исчезло вместе с воспоминаниями, – грустно предположил отец. – Мы плавали с ней повсюду. Она специально посещала курсы подводного плавания, чтобы не отставать от меня. Мы были даже на затонувшем корабле. Там я и сделал ей предложение.

– Она до сих пор тебя любит, – повторила я.

– Да, наверное. – Он подплыл к столу, я последовала за ним.

– Что это, пап?

На вбитом в стену рыболовном крючке висел листок. Стихи?

– Это про меня, – печально сказал он.

– «Покинутый тритон», – прочитала я.

Пробежала глазами строчки и ахнула: «Янтарные своды, жемчужный пол».

– Но это же... это...

– Да-да, сентиментальные, полузабытые вирши.

– Но я знаю, о чем эти стихи!

– Ты видела затонувший корабль, малышка? – Папа поднял на меня глаза.

– Ага, мне Шона показывала. Это моя подруга. Она русалка.

– Ты была там вместе с матерью?

– Что ты! Она вообще не знает, что я туда плавала.

Отец уронил голову.

– Однако стихи она не забыла! – добавила я и, сдернув листок, продекламировала: – «И покинула навеки морского царя».

– Да, именно так заканчивается стихотворение.

– Нет, не так!

– То есть?

– Не так все заканчивается!

– Ну как же? – Отец подплыл ко мне и взял листок. – Вот две последние строчки.

– В стихах – может быть. – Я вырвала листок обратно. – А твоя история заканчивается по-другому! В ней никто никогда не покидал морского царя.

– Ты меня совершенно запутала. – Отец почесал затылок.

– Наша лодка зовется «Морской царь»!

– Верно, – сказал отец, и его глаза затуманились, как затуманились прежде глаза матери. – Я помню, как мы ее переименовали. Совсем забыл, как она называлась прежде. Но, видишь ли...

– И мама никогда не покидает лодку! Теперь-то я знаю, почему. Это из-за тебя! Она не смогла тебя покинуть. И ты вовсе не покинутый тритон.

– Ты правда так думаешь? – Джейк засмеялся и вновь обнял меня, уткнувшись подбородком в мой лоб. Его кожа пахла морской солью. – Послушай, детка, тебе пора уходить, – сказал наконец он.

– Но я же только что пришла!

– Скоро пробьют склянки к обеду. Надо тебе как-то отсюда выбираться. Не знаю, как ты сюда забралась, моя жемчужинка, но мы же не хотим, чтобы тебя здесь застали? Иначе ты рискуешь застрять здесь навеки.

– Ты не хочешь меня больше видеть?

Он взял меня за руки и посмотрел мне в глаза. Мы оказались в принадлежащем только нам двоим мире.

– Я хочу, чтобы ты осталась живой, Эмили, была свободна и счастлива. И не желаю, чтобы тебя заперли в этом отвратительном месте до конца твоих дней.

– Мы никогда больше не увидимся.

– Я что-нибудь придумаю, моя жемчужинка.

Мне очень понравилось, что отец так меня называл.

– Плыви, – сказал он, открывая дверь, и быстро посмотрел направо-налево.

– Папа, а почему дверь не заперта? – запоздало удивилась я.

Он молча указал на металлическую бирку, приколотую к хвостовому плавнику.

– Тебе больно?

– Нет, но из-за нее не переплыть через порог, – он кивнул на дверной проем. – Поверь, я знаю, о чем говорю. Только попробуешь, и стены словно начинают тебя плющить.

– Ты уже пытался?

– Такого никому не пожелаешь. – Отец потер лоб, как будто с размаху им врезался.

– Зачем же тогда двери? – хихикнула я.

– Для пущей безопасности. – Он пожал плечами. – Они запирают их по ночам, понимаешь?

– Наверное, да.

Я вдруг припомнила слова мистера Бистона о том, что мой отец удрал, потому что не захотел обременять себя ребенком. Но ведь зритель врал? Или нет?

– Что с тобой, малышка?

– А может, я тебе просто не нужна? – проямлила я, опустив глаза на свой трепещущий хвост.

– Что?! – Он взмыл чуть не к потолку.

Отец так расстроился, что я тут же пожалела о своих словах.

– Взгляни. – Он схватил со стола стопку непромокаемой бумаги и протянул мне. – Прочитай любое.

Я робко приблизилась.

– Ну же! – поторопил он меня. – Хотя бы вот это. – Он дал мне один листок.

Это оказались стихи. Я прочла вслух:

*– Не ведал я, что черный день придет,
Злой рок мою дочурку отберет!
Тоскую дни и ночи напролет,
Увы, никто ее мне не вернет.*

– Это из ранних, если честно. – Он смущенно теребил колечко в ухе. – У меня есть и получше.

– То есть ты сам... – Я не могла отвести глаз от стихотворения.

– Ну да. Украшения, стишки... Не отец, а кладезь талантов, правда? – Он состроил дурашливую гримасу.

Прежде чем я успела ответить, взвыла сирена, похожая на школьную пожарную тревогу. Я зажала уши ладонями.

– Обед! Они скоро будут здесь! – Отец порывисто обнял меня. – Спасайся, Эмили!

– А можно я возьму с собой твои стихи? – попросила я.

Отец сложил листок вдвое и отдал его мне, затем снова крепко обнял меня.

– Я найду тебя, дочка, клянусь, – глухо сказал он, потом метнулся к столику, схватил браслет и торопливо завязал по-

следний узелок. – Передай это маме. И скажи ей... – Он за-
пнулся. – Просто скажи, что я буду любить ее всегда. Ска-
жешь?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни словечка. Мы обня-
лись, потом он подплыл к стене и снял листок с поэмой.

– И это тоже ей передай. Скажи, что когда-нибудь мы сно-
ва будем вместе. Только пусть она меня не покидает.

– Она тебя не покинет, пап. Ни она, ни я. Мы вместе на-
всегда.

– Я найду тебя, – хрипло повторил он. – А теперь плыви.
Быстрее! – Отец подтолкнул меня к двери. – И будь остро-
рожна!

Выплыв в коридор, я обернулась в последний раз.

– Увидимся, пап, – прошептала я.

Он закрыл дверь. Я осталась одна в пустом коридоре. Си-
рена продолжала реветь, здесь она была громче, чем в каме-
ре. Прикрыв уши и часто двигая хвостом, я поплыла назад.
Протиснулась в окно чулана, миновала мрачную темноту и
наконец отыскала наш подкоп.

Шона, как и обещала, ждала меня с той стороны. Мы об-
няли друг друга, радостно рассмеялись и снова обнялись.

– Я так волновалась! – воскликнула она. – Тебя не было
целую вечность.

– Я нашла отца, – только и сказала я.

– Прибойно!

– Поплыли, на обратном пути все расскажу. Вперед!

Мне ужасно хотелось поскорее увидеть маму. Интересно, какое у нее будет лицо в тот миг, когда я вручу ей отцовские подарки?

– Повтори все сначала, – попросила мама. – Что он сказал? Только точно!

Она не переставая крутила на запястье браслет, глядя, как его краски размываются, сливаясь в радугу, и вновь становятся отдельными бусинами. Милли завистливо смотрела на нее.

– Мам, я уже три раза тебе все повторила!

– Ну еще разочек, солнышко! Один-единственный!

– Папа сказал, – со вздохом начала я, – что любит тебя и будет любить вечно. И еще он написал целую кучу стихов.

– Обо мне? – Она прижала листок к груди.

– Ну, в основном, – уклончиво ответила я, подумав о листке, лежащем у меня в кармашке куртки.

Никогда прежде не видела, чтобы мама так улыбалась. Я даже захихикала. Она вела себя точь-в-точь как девицы из кошмарно-глупых романтических фильмов, которые она обожает.

– Мам, мы обязаны его вызволить, – сказала я.

– Он никогда не переставал меня любить и будет любить вечно, – зачарованно пробормотала она, и Милли вскинула

бровь.

Вдруг послышался громкий всплеск. Мама перестала улыбаться. Мы выбежали наружу.

– Решили, что одолели меня?

Мистер Бистон! В воде! Но как он прокрался мимо нас?

– И это после всего, что я для вас сделал! – продолжал орать он, быстро удаляясь.

– Что вы собираетесь сделать? – крикнула я.

– Я вас предупреждал! – Мистер Бистон перевернулся на спину. – Вам это так с рук не сойдет! – Его голос сделался почти неразличимым. – Извини, Мэри, очень жаль, что все так вышло. Хорошее было времечко, я его буду вспоминать.

И мистер Бистон поплыл к Большому Тритоньему рифу. Мы с мамой переглянулись. Хорошее времечко? Ну-ну. Милли кашлянула.

– Это я виновата, – тихо сказала она.

– В чем? – спросила мама.

– Я ослабила путы. – Милли поплотнее закуталась в шаль. – Совсем чуть-чуть. Он плакался, что ему больно.

Мама со вздохом покачала головой.

– Ничего, Милли, не волнуйся. Тем более что сделанного не воротишь.

Пока мы наблюдали, как уплывает смотритель, у борта лодки появилась Шона.

– Эй, что у вас случилось? – спросила она. – Я слышала шум.

– Мистер Бистон удрал! – объяснила я.

– Удрал?

– Направляется к рифу. Кажется, что-то задумал.

– Поплыли за ним?

– Ни в коем случае! – закричала мама. – Это опасно.

– И что будем делать? – спросила я. – Как мы доберемся домой? Топлива нет, парус сломан. Шона не сможет дотащить нас до города.

– Может, вызовем по радио береговую охрану? – предложила мама.

– Мам, радио у нас сто лет не работает. Ты когда еще обещала его починить, но...

– ...но вечно забывала, – вздохнула она.

– Тогда давайте помедитируем, – посоветовала Милли. – Посмотрим, какой ответ придет к нам из глубин подсознания.

Мы с мамой молча уставились на гадалку. Десять секунд спустя к нам действительно пришел «ответ из глубин». Из глубин моря.

– Вы окружены! – гулко пробулькал чей-то голос. – Сдавайтесь, сопротивление бесполезно!

– Ты кто? – закричала я. – Мы тебя не боимся...

– Эмили! – Мама схватила меня за руку.

– Нас много, – продолжил голос. – Не стоит недооценивать могущество Нептуна.

На поверхности показались четыре тритона в форме тю-

ремной охраны. У каждого к спине был привязан перевернутый вверх тормашками осьминог. Тритоны разом подпрыгнули, бешено вращая хвостами. Щупальца осьминогов крутились как вертолетные лопасти. Отряд приближался к нам. Добравшись до палубы, они схватили маму, меня и Милли, а затем, держа нас в подмышках, плюхнулись обратно в воду.

– Я не умею плавать! – завопила мама.

Но тритоны молча нырнули. Булькающих, задыхающихся, нас бесцеремонно запихнули в какую-то трубу. Мои ноги тут же начали превращаться в хвост, но я впервые едва отдавала себе в этом отчет.

Проехавшись по трубе, мы приземлились на мягкий пол. Отверстие над нами сразу же закрылось. Мы были в странном белом упругом пузыре. С потолка свисали две кислородные маски, вроде тех, что выдают в самолете.

Я схватила их и помогла маме с Милли надеть. Пузырь, подрагивая, куда-то плыл, а мы молча сидели и ждали. Милли вытащила из кармана четки и принялась их нервно перебирать.

Мама прижала мою руку к своему сердцу.

– Все будет хорошо. – Я крепко ее обняла. – Вот увидишь.

Боюсь только, прозвучало это не слишком уверенно.

Глава 15

К счастью, нас не стали долго держать в этой тесной колеблющейся камере. Но, к сожалению, нас разделили, рассадив по еще более крошечным клеткам. Моя напоминала какую-то коробку: пять взмахов хвоста от стены до стены и тюфяк из водорослей. И все эти несчастья – из-за мистера Бистона! За что он так с нами?

Я села на постель, пересчитала морские блюдца, прилепившиеся к каменной стене, потом все водоросли, свисавшие с потолка. Больше считать было нечего, разве что собственные мысли. Их-то как раз было не счесть.

В камеру вплыл охранник с миской чего-то, мало напоминающего еду. По всей видимости, это и был мой обед.

– Что вы собираетесь с нами...

Он сунул мне в руки миску и уплыл, не сказав ни слова.

– Это нечестно! – забарабанила я в дверь. – Я ничего не сделала!

В миске обнаружилось что-то вроде дохлых улиток. Желтоватые чешуйки, подозрительно напоминающие опилки, были сдобрены зеленой губчатой слизью. Короче, вкуснятина. Я с отвращением отпихнула миску и принялась отсчитывать секунды. Стало любопытно, сколько их мне придется здесь провести?

Очнулась, лежа на мерзком тюфяке. Кто-то тряс меня за

плечо.

– Мама? – Я так и подпрыгнула на водорослях.

Разумеется, никакая это была не мама. Охранник рывком поднял меня с ложа.

– Куда вы меня тащите? – спросила я, но он все так же молча защелкнул одно кольцо наручников на моем запястье, а другое – на своем.

Затем выволок меня из камеры и с грохотом захлопнул дверь.

– Ты у нас силач и скромняга, да? – фыркнула я, стараясь скрыть страх.

Мы плыли длинными, похожими на туннели проходами, время от времени сворачивая, чтобы очутиться в очередном бесконечном коридоре. Наконец оказались у двери, похожей на оскалившийся акулыими зубами вход в тюрьму. Охранник дважды постучал по одному из клыков, и «челюсти» чуть приоткрылись. Он втолкнул меня внутрь.

Там уже ждал другой охранник. Меня вновь приковали к запястью и потащили по новым коридорам, мало чем отличающимся от предыдущих, а затем втолкнули в новую камеру – копию прежней.

Замечательно!

Не успела я приступить к подсчету морских блюдеч, как дверь распахнулась. На сей раз мой путь был другим, совсем-совсем другим.

Охранник отпер дверь в конце коридора, и мы выплыли в

открытое море. Мелькнула даже шальная мысль, что сейчас меня отпустят. Однако наручники по-прежнему оставались на моем запястье.

Море тут было светлей и теплей. Впереди показалось что-то разноцветное и яркое. Разве что сполохи не танцевали, как на Большом Тритоньем рифе, а мерцали глубоко на дне. Мы подплыли ближе, и огоньки сложились в очертания чего-то знакомого. Это был дом, огромный дом! Я разглядела две мраморные колонны, такие высокие, что казалось, они вздымаются к самой поверхности. Между ними имелись арочные ворота, по бокам которых на постаментах стояли два золотых морских конька. Все это было отделано сверкающими драгоценными камнями.

– Туда. – Охранник указал на закрытые ворота.

Он кивнул двум стражникам с золотыми полосами на хвостах. Те расступились, ворота медленно открылись.

Мы вплыли под арку. С потолка свисали длинные серебряные нити, унизанные ракушками, они тихо позвякивали, колеблемые водой.

– Где мы? – спросила я.

Помещение, куда мы вплыли, напоминало вестибюль гостиницы, необыкновенно роскошной, размером с собор. Хрустальные люстры рассыпали по стенам радужные зайчики. В центре, будто своего рода подводный фонтан, находился малюсенький вулканчик, изрыгающий зеленые облачка. Яркий свет пузырился и пенился над каменным жерлом, пе-

реливался через край и стелился над полом, превращаясь из изумрудного в синий.

– Ты что, совсем ничего не знаешь? Это же дворец самого Нептуна! – гаркнул охранник, подталкивая меня вперед.

Дворец Нептуна?! Но зачем мы здесь? Я вспомнила все то, что Шона рассказывала о морском царе. Что он со мной сделает? Неужели превратит в камень?!

Мимо нас, торопливо переговариваясь, проплыли два тритона с длинными черными хвостами, из-за золотой колонны выглянула русалка. Порывшись в хвостовом кармане, охранник достал какую-то карточку и показал ей. Русалка кивнула и отплыла в сторону. В колонне за ее спиной обнаружился проход.

– Сюда, – охранник вплыл внутрь, таща меня за собой.

Мы поднимались все выше и выше по закручивающемуся ходу, словно по спиральной горке, пока наконец не очутились перед люком. Охранник толкнул его плечом и втянул меня в отверстие, за которым открылось прямоугольное помещение с прозрачными стенами. Точно гигантский аквариум, только рыбы были снаружи! Желтые и синие, они так и мелькали за стеклом, таращась на нас.

Охранник подвел меня к ряду камней у стены и заставил сесть. Над ними висела табличка, на которой большими буквами значилось «ОБВИНЯЕМЫЕ».

Я – обвиняемая? Что я сделала?

Напротив виднелись ряды коралловых сидений. Там уже

рассаживались русалки и тритоны в строгих нарядах. На одном тритоне была мантия из золотистой соломки с трезубцем на груди. Тритон перебирал какие-то листки, разговаривая с русалкой. Позади них сидел другой тритон, уже в черной мантии, и перешептывался со своей соседкой, также просматривая с ней бумаги.

Что тут происходит? И куда я попала?

Поодаль за коралловой конторкой сидела русалка, разглядывая свои ногти. Позади нее стоял приземистый хрустальный стол, а за ним – величественный трон. Он как будто вырос из огромного золотого слитка: весь из золота, с высокой спинкой в форме трезубца, инкрустированного кораллами и жемчужинами. Круглое сиденье было мраморным, с резными голубыми волнами, расходящимися от центра. Его поддерживали золотые морские коньки: их головы были подлокотниками, а длинные закрученные хвосты, усыпанные бриллиантами, – ножками.

Даже пустой, этот огромный и грозный трон подавлял все в зале.

Время от времени русалка за конторкой принималась нервно перекидывать с места на место стопки непромокаемой бумаги и тонкие тростинки. Табличка на конторке гласила «Секретарь». На одном углу виселась гора папок, на другом сидела мрачная каракатица, сложив щупальца замысловатым узлом. Русалка постоянно оглядывалась на арку позади трона. Та, как и все входы во дворец, была золотой, от-

деланной драгоценными камнями. Врата были плотно затворены.

Вдруг сверху донесся громкий плеск. Я подняла глаза. Через люк в потолке протиснулись два охранника, а вместе с ними была... мама!

Один охранник снял с крюка кислородную маску, вроде той, что была в пузыре. Мама торопливо ее надела, от рта наружу тянулся длинный тонкий шланг. Она испуганно огляделась, заметила меня, ее лицо просветлело, на губах под маской появилась улыбка. Я улыбнулась в ответ.

Зачем нас сюда притащили?

За стенами «аквариума» толпился морской народ, занимающая места. Дородная русалка стянула с шеи бархатного угря и повелительно взмахнула им, заставив всех расступиться. После чего уселась на громадного краба, инкрустированного жемчугом. Неподалеку оживленно болтала кучка тритонов и русалок с блокнотами и чем-то вроде диктофонов: журналисты. Вдоль задней стены зала выстроилась шеренга морских коньков, сильно напоминающих солдат.

И тут грянул гром. Все замолчали.

Гром приближался, вода в зале забурлила. Русалка-секретарь вцепилась в свою конторку, остальные схватились за сиденья. Что это? Я озиралась, держась за коралловый выступ. Но никто, похоже, не испугался.

Бурление усиливалось, как и грохот, ворота распахнулись, в зал вплыла стая дельфинов, таща за собой золотую колес-

ницу, сверкающую драгоценными камнями. На колеснице восседал огромный тритон, по меньшей мере семи футов ростом, с белоснежной бородой и длинным хвостом, кажется, украшенным бриллиантами. Когда тритон с золотым трезубцем выбирался из колесницы, его хвост так и сиял. Наконец гигант уселся на трон.

Нептун! Самый настоящий Нептун! Прямо передо мной!

Царь ударил трезубцем о пол, дельфины стремительно уволокли колесницу прочь. Второй удар – и ворота закрылись. С третьим ударом вода наконец успокоилась. Так быстро, что я мешком осела на каменное сиденье.

– ВСТАТЬ! – раздался зычный возглас.

Нептунов трезубец указывал прямо на меня! Я вскочила, мечтая только об одном: чтобы царь не удвоил мое наказание, в чем бы оно ни заключалось.

Нептун склонился к секретарю, продолжая указывать на меня. Русалка подняла взгляд, взяла тростинку, ткнула ею в каракатицу и начала что-то строчить ее чернилами. Каракатица недовольно завозилась, шевеля щупальцами.

Тем временем Нептун повернулся к залу и грозно осмотрел собравшихся. Еще раз двинул по полу трезубцем и гаркнул:

– СЕСТЬ!

Все сели. Шеренга морских коньков разделилась на два ряда. Выдвинувшись вперед, они выстроились по бокам трона.

Тритон в золотой мантии встал и низко поклонился царю.
– ПОДОЙДИ! – взревел Нептун.

Тритон подплыл ближе, пал ниц и поцеловал плавник царского хвоста.

– С позволения вашего величества я готов изложить суть дела, – сказал он, распрямляясь.

– НАЧИНАЙ! – Нептун коротко кивнул.

– Ваше величество, перед вами русалка и... человеческая женщина. – Произнося два последних слова, он скривился, будто от приступа тошноты, немного оттянул свой белый воротничок и продолжил: – Эти две злодейки злоумышляли и строили козни, они интриговали и плели заговоры...

– Как ты СМЕЕШЬ впустую тратить мое время?! – рявкнул Нептун. – ДАВАЙ ФАКТЫ!

– Конечно, конечно, ваше величество. – Тритон пролистнул несколько страниц и откашлялся. – Дитя, находящееся перед вами, сегодня проникло в тюрьму. Она разрушила участок Большого Тритоньего рифа и напала на одного из ваших советников.

– И ЭТО ВСЕ? – Физиономия Нептуна побагровела.

– Так здесь записано, ваше величество. – Тритон с поклонном протянул царю свою папку, тот схватил ее и, не заглядывая внутрь, передал секретарю.

– Что же до человеческой женщины, – добавил тритон, – она обвиняется в том же.

– Еще раз тебя спрашиваю, Крючкоросль, ЭТО ВСЕ?

– Совершенно верно, ваше величество. – Тритон вновь поклонился. – Если мне будет дозволено, я бы хотел указать на одно исключительное обстоятельство данного дела...

Нептун в ярости сжал древко трезубца, и тритон зачистил:

– При задержании обвиняемых обнаружены их сообщники: русалочье дитя и еще одна человеческая женщина! – Тритон судорожно сглотнул.

Милли и Шона! Я закрыла рот ладонью, чтобы не кричать.

– И русалочка, и та, другая, также ожидают решения судей.

– СУДЕЙ, Крючкоросль? Где ты тут видишь ДРУГИХ судей?

– Я хотел сказать, ожидают вашего божественного повеления.

– БЛАГОДАРЮ, Крючкоросль, – прогудел Нептун.

– С вашего позволения я бы хотел пригласить своего первого свидетеля. Мистер Бистон!

В зал вплыл смотритель. Я инстинктивно скрестила на груди руки. Скрестила бы и ноги, да у меня их теперь нет. Мистер Бистон выглядел как-то необычно. Только когда он подплыл к Нептуну, я сообразила, в чем дело: у смотрителя тоже был хвост! Прежде я никогда не видела мистера Бистона в тритоньем обличе.

Он поклонился и, старательно отворачиваясь от нас с мамой, поцеловал царский хвост.

– Согласно моим записям... – забубнил смотритель, из его рта вверх потянулись пузырьки.

Записям? Лживым измышлениям!

– Ваше величество, вчера ночью я был обманом завлечен в спасательную экспедицию. Обвиняемые заманили меня в лодку, потом стукнули по голове и связали.

Мистер Бистон осекся, покосился сначала на маму, потом на меня и, тихонько откашлявшись, продолжил:

– Затем приступили к воплощению своих преступных замыслов. К счастью, они всего лишь любители и не смогли справиться с профессионалом моего класса. – Он замолчал, подобострастно уставясь на Нептуна.

– **БИСТОН**, ты никак ожидаешь от меня похвалы? **ПРОДОЛЖАЙ!**

– Слушаюсь, ваше величество! – Смотритель залился краской. – В общем, я покинул лодку и устремился за помощью сильного плавника вашей божественной власти.

– **ТО ЕСТЬ** ты смылся оттуда и поплыл за охраной?

– Так точно, ваше величество.

– Благодарю за службу. – Нептун стукнул трезубцем о пол. – **СЛОВО ЗАЩИТЕ!** – проревел он. – Мистер Чешуехлюст, кто твой первый свидетель?

– Спасибо, ваше величество, – поднялся с места тритон в черном.

Я огляделась, пытаюсь угадать, кого вызовет адвокат.

– Встать! – зарычал мне охранник. – Быстро!

Он стащил меня с моего сиденья и указал на трон. Дрожа, я подплыла к царю и поцеловала его бриллиантовый хвост, как делали остальные. Нептун потеревил свою бороду и наклонился вперед.

– Ты понимаешь, в чем тебя обвиняют? – спросил он, чуть понизив голос.

– Думаю, да.

– Тогда ГОВОРИ! ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ СКАЗАТЬ В СВОЮ ЗАЩИТУ?

– Ну... – Я замолчала и оглянулась вокруг.

Повсюду был морской народ. Одни смотрели на меня во все глаза. Другие тихо переговаривались или смеялись. Наверняка надо мной. Мой хвост обмяк, словно превратившись в кисель. Я уже хотела объявить, что мне нечего сказать в свою защиту, когда перехватила мамин взгляд. Она на секунду сдернула с себя маску и ободряюще улыбнулась.

– НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ ЖДАТЬ! – рявкнул Нептун.

И тут я поняла, что делать.

– Да, мне есть что сказать, мистер...

– НЕУЖЕЛИ Я ПОХОЖ НА МИСТЕРА ИЛИ ДАЖЕ НА СЭРА?

Я немного вытянула хвост, стараясь казаться повыше, и вновь нервно огляделась.

– Ваше величество, знаю, мои слова прозвучат странно, но... Вы не представляете, как мне здесь нравится!

По залу прокатился гул. Журналисты бешено застрочили

в своих блокнотах.

– Она сказала «нравится»? – услышала я чей-то возглас.

– Наверное, это был сарказм, – отозвался другой.

– Именно этого мне всегда хотелось, – торопливо продолжила я. – Ну, не попасть под суд, разумеется, а просто оказаться здесь, среди вас. Вот что я называю настоящей жизнью. – Я мельком взглянула на маму. – Да, я наполовину человек, и у меня замечательная мама. Она меня вырастила, и все такое. Но мой отец, он тоже замечательный. И не только потому, что он – тритон, а я – наполовину русалка. – Я прямо взглянула в глаза царю. – Просто, понимаете, все это так прикольно!

Нептун нахмурился и, прищурившись, уставился на меня.

– Ой, я хотела сказать, приборно! А больше всего я горжусь отцовской верой в любовь. – Я вытащила из кармана куртки листок. – Пусть моего отца и заперли в тюрьме, его чувства свободны!

Щека у Нептуна мелко задергалась, глаза грозно сверкнули, но мне показалось, что он немного расслабился, даже кулак на древке трезубца слегка разжал.

– Нельзя заставить людей разлюбить друг друга только потому, что так велит закон, – добавила я.

Дородная русалка, сидевшая на крабе, украдкой вытерла глаза хвостом угря. Другая достала из хвостового кармана носовой платочек. Несколько тритонов согласно закивали. Кто-то сказал:

– А знаешь, в ее словах есть смысл.

Нептун оглушительно вздохнул и насмешливо зевнул.

– Да, мой папа влюбился. Так что же с того? Чем я заслужила расти без отца?

Публика растерянно забормотала, кое-кто покачал головой.

– Я всего-навсего хотела увидеть своего папу. – Говоря это, я посмотрела на маму. – Если это действительно такое страшное преступление, тогда ладно, сажайте нас в тюрьму. – Я перевела взгляд на морского царя. – Ваше величество, этот тритон... – я показала на прокурора в золотой мантии, – хочет осудить нас по закону, написанному сотни лет назад. Но времена меняются. И знаете, не все люди плохие.

Нептун молчал. Я оглядела зал и заметила мистера Бистона.

– Обратите внимание, даже у одного из ваших доверенных советников отцом был человек. – Услышав мои слова, смотритель повесил голову под взглядами окружающих. – Если подобный союз породил столь достойного и верного тритона, как мистер Бистон, что же тогда тут плохого?

Мой вопрос повис в воде. Я смотрела на царя, не зная, что еще добавить.

– Я просто хотела увидеть своего папочку, – повторила я.

Несколько секунд Нептун смотрел мне в глаза, затем грохнул трезубцем о пол.

– НИКТО не смеет мне говорить, что мои законы УСТА-

РЕЛИ! Как же ТЫ посмела?

Он поднялся и еще раз ударил трезубцем в пол. Все вско-
чили. Ворота распахнулись, появилась колесница, влекомая
дельфинами.

– Я УДАЛЯЮСЬ ДЛЯ ВЫНЕСЕНИЯ ПРИГОВОРА! –
объявил царь, запрыгнул в свою колесницу и покинул зал.

Рухнув на каменный пол, я стала ждать решения своей
участи.

Глава 16

Несколько минут в зале было тихо. Мало-помалу публика начала перешептываться, словно дело было в библиотеке, где говорить громко строго-настрого запрещено. А может быть, и здесь было запрещено? Что если они вообще все тут позапрещали?

Вернувшись на свое место, я посмотрела на маму. Та сидела, закрыв лицо руками. Неужели рассердилась на меня?

Кажется, ожидание продолжалось целую вечность. Мы просто сидели и ждали. Некоторые даже ушли, другие жевали бутерброды с морской капустой.

И вдруг ворота вновь распахнулись. Появился Нептун. Все встали.

Царь взмахнул своим трезубцем, дождался полной тишины, после чего заговорил.

– ЭМИЛИ ВЕТРОХВАТ! – проревел он, ткнув в мою сторону трезубцем.

Я вытянулась, трепеща хвостом.

– МЭРИ ПЕНЕЛОПА ВЕТРОХВАТ! – Нептун указал трезубцем на мою маму. – Вы обе бросили вызов МНЕ и моим законам!

Сердце у меня ушло в пятки.

– Мое царство живет по этим законам уже много поколений. Я их устанавливаю, вы им подчиняетесь. Таково прави-

ло!

Я попыталась свыкнуться с идеей существования в камере: тюфяк из водорослей, морские блюдца на потолке.

– Вы ПОСМЕЛИ утверждать, что Я не прав? – все больше распалялся Нептун. – Считаете себя умнее МЕНЯ? ОШИ-БАЕТЕСЬ!

Морской царь навис надо мной. Интересно, сколько мне дадут? Десять лет? Двадцать? Пожизненное? Нептун замолчал и молчал ужасно долго. А когда заговорил вновь, в его голосе неожиданно проявилась мягкость. И говорил он так тихо, что мне пришлось затаить дыхание, чтобы его слышать.

– Но как бы то ни было... – произнес он и снова надолго умолк, теребя бороду. – Как бы то ни было, – повторил он, – сегодня вы затронули некие тайные струны в моем сердце, напомнив, что не все в море сводится к законам, – его голос стал еще тише, – и к наказаниям.

Морской царь стукнул трезубцем о пол.

– ВЫ ОБЕ СВОБОДНЫ!

Собравшиеся ахнули и загомонили. Нептун поднял свой трезубец и грозно оглядел публику. Морской народ мигом притих.

– Да, вы преступили мои законы, – продолжил царь. – Но из-за чего? Могу ли я делать вид, что не понимаю? При-творяться, что сам никогда не испытывал подобных чувств? НЕТ, я не лицемер! И я НЕ БУДУ наказывать за любовь. НЕ

БУДУ! Миссис Ветрехват, – он повернулся к маме и испустил громоподобный вздох: – ваш муж также будет освобожден.

Зал снова ахнул.

– Но при одном условии. Вы втроем отправитесь на тайный остров. Отныне он станет вашим домом. Если нарушите это мое условие, пощады не ждите. Вы поняли?

Он сурово посмотрел на нас с мамой. Я энергично закивала. Но не ослышалась ли я? Неужели мы скоро увидимся с отцом?

– Простите меня, ваше величество, – вперед с поклоном высунулся тритон в золотой мантии, – а как быть с другой русалочкой? Может возникнуть юридический казус...

– Отцепишься ты когда-нибудь от моего хвоста, Крючкоросль? – рявкнул Нептун. – Она может отправиться с ними, если захочет, мне-то что за дело? Переговори с ее родителями. Ну, или память сотри.

– Слушаюсь, ваше величество. – Прокурор попятился.

– Теперь вы, мои подданные, можете рассказать своим родным, что ваш царь не только могущественный, но и сердобольный правитель, который не наказывает за любовь. – Нептун посмотрел мне в глаза, поднялся с трона и стукнул трезубцем о пол. – Дело закрыто! – проревел царь и удалился.

Дальше началась какая-то свистопляска. В зале поднялся невероятный шум. Одни хлопали в ладоши и что-то выкрикивали. Другие вовсю судачили. Кое-кто даже подплыл ко мне и пожал руку.

– Можно мне идти? – спросила я конвоира.

Тот коротко кивнул, снял с меня наручники и указал на выход.

Едва я покинула зал, ко мне подплыла русалка с волосами, собранными в узел на макушке, и вцепилась мне в руку:

– Твою маму проводят через отдельный вход, вы скоро встретитесь. А я провожу тебя.

– Кто вы... – начала было я, но русалка уже тащила меня к лодке, напоминающей одновременно лимузин и субмарину: длинную, белую, с золотыми ручками на дверцах.

У лодки уже толпился морской народ.

– Эмили! Как ты себя чувствуешь? – крикнула какая-то русалка с блокнотом, в которой я узнала одну из журналисток, бывших в зале суда.

– Эмили не может сейчас разговаривать, – ответила моя провожатая. – Она...

– Чувствую себя прекрасно! – крикнула я. – Очень хочу увидеть маму и папу вместе!

– Спасибо, Эмили! – Журналистка застрочила в своем

блокноте, а мы сели в лодку.

Внутри уже кто-то был.

– Шона!

– Эмили!

Мы обнялись.

– А мы поедем на остров! – сказала я. – Моего папу освободили!

– Пристегнитесь, – велела нам русалка, усаживаясь на водительское место.

Лодка торпедой понеслась вперед, а я принялась рассказывать Шоне о том, что случилось в суде.

– А еще царь добавил, что ты тоже можешь отправиться с нами, – закончила я.

Ну конечно же, она может! Неужели ее родители откажутся?

– Прибойно! – обрадовалась Шона.

– Осторожнее, сейчас будет подъем, – предупредила русалка.

Нос лодки задрался, и мы понеслись вверх. Наконец лимузин остановился. В его крыше открылся люк.

– Тебе пора выходить, – сказала русалка, пожимая мне руку, отчего я почувствовала себя немного глупо. – Удачи, Эмили, ты смелая девочка.

– Увидимся, Эмили. – Мы с Шоной одновременно засмеялись и обнялись.

Я выбралась на крышу лимузина и заморгала, привыкая

к солнечному свету. Передо мной качался на волнах «Морской царь». Несколько тритонов плавали перед ним, держа в руках толстые канаты. Мама, перегнувшись с борта, протягивала руки кому-то, находящемуся в воде.

Я приподнялась, пытаюсь разглядеть получше. Неужто у меня разыгралось воображение? Неужели... Нет-нет! Так скоро? Но я отчетливо видела черные спутанные волосы, налипшие на лоб, и родные темно-карие глаза. И тут папа меня заметил. Он улыбнулся, отчего на его левой щеке появилась ямочка, выпустил мамины руки и поплыл мне навстречу.

– Папочка! – Не раздумывая больше ни секунды, я бросилась в море, прямо в отцовские объятия.

– Моя маленькая жемчужинка, – прошептал он, крепко обнимая меня.

Мы, взявшись за руки, подплыли к лодке. Мама сжала наши ладони. Мы втроем стали одной семьей.

Позади раздались крики и громкий плеск: к нам приближалась целая стая «акул пера».

– Мистер Ветрехват! – Один репортер уже поднес к лицу моего отца нечто, напоминающее большой гриб, наверное, микрофон. – Саймон Водоклейм, радио «Морская волна». Вашей дочери удалось растопить сердце Нептуна. Что вы чувствуете, верша историю?

– Верша историю? – Отец расхохотался. – Все, что я сейчас чувствую, – это желание наверстать двенадцать лет, пропавших из истории моей собственной семьи.

– Миссис Ветрохват, – репортер сунулся к маме, – это правда, что осуществить ваши замыслы вам помогала нянька?

Только тут я заметила Милли на пластмассовом стуле. Рядом с ней, свесив хвост за борт, сидел тритон. На палубе перед ними были разложены карты Таро.

– Да, без нее мы точно не справились бы, – ответила мама.

– Эмили, – репортер обратился ко мне, – похоже, ты очень смелая русалочка, раз решилась на подобное. Наверняка тебе кто-нибудь помогал. Не хочешь ли ты поблагодарить этого кого-нибудь?

– Ну, во-первых, я бы хотела сказать спасибо маме за ее терпение и папе за то, что он нас ждал. – Отец тут же чмокнул меня в щеку. – А еще Милли: за то, что уснула очень вовремя.

Репортер засмеялся.

– Кроме того, я хочу сказать огромное спасибо Шоне. Она моя лучшая подруга. Если бы не она, я бы ни за что не справилась.

Краем глаза я заметила знакомую фигуру. Вокруг нас сгрудился морской народ, все весело болтали и смеялись, а этот тритон был один-одинешенек. Он поднял глаза. Несмело, криво улыбнулся и покаянно склонил голову.

И знаете что? Я его простила.

Ну, почти.

Хотя осталось еще кое-что. Одна вещь, которую он мог

для меня сделать.

Я подплыла к нему и прошептала свою просьбу в самое ухо. Он даже подпрыгнул.

– Массовое стирание памяти? – выпалил он. – Но это безумие! К тому же опасное.

– Пожалуйста, мистер Бистон! – взмолилась я. – Помните, о чем я говорила на суде. После всего, что случилось, мне следовало бы возненавидеть вас навсегда. Но если вы исполните мою маленькую просьбу, я обещаю, что не буду.

Он мрачно посмотрел на меня. Интересно, кого он видел перед собой? Ту ли девочку, которую знал с самого ее рождения и к которой по-своему, но неплохо относился?

– Ну хорошо, – произнес он наконец, – уговорила.

Опустив голову, я стояла на краю бассейна. Одноклассники, сбившись в группки, болтали рядом. Джулия с Мэнди забились в уголок и над кем-то хихикали. Ну и ладно! Не нужна мне эта Джулия. У меня есть Шона, лучшая подруга на свете.

Мое сердце так громко стучало в ушах, что его стук заглушал все остальные звуки.

Пришел Боб. Я подняла руку и шагнула вперед.

– Прошу прощения, сэр. Мне бы хотелось кое-что вам показать.

Боб нахмурился.

– Я долго тренировалась, сэр.

– Раз так, то давай, – он махнул рукой, – покажи-ка нам, на что способна.

Я подошла к самому бортику.

– Ой-ой-ой, наша рыбка, – закричала из угла Мэнди. – Смотрите, опять красуется.

– Верно, – ответила я, посмотрев ей прямо в глаза, – ваша рыбка опять красуется.

Бросила взгляд на окно. Высоковато, конечно. Мистера Бистона я не видела, но он должен был быть там. Он обещал.

У меня оставалось пять минут. Пять минут на то, чтобы испытать гордость, а не ужас. Пять минут полной свободы, свободы быть собой. И еще – целых пять минут, чтобы прочитывать Мэнди Раштон!

Я прыгнула в бассейн, постаравшись не брызнуть во все стороны. Проплыла под водой до противоположного бортика.

– Подумаешь! – фыркнула Мэнди. – Под водой проплыла, большое дело!

Пока она надо мной насмеялась, со мной кое-что происходило. Ноги исчезли, появился хвост. Меня охватило знакомое приятное чувство. Есть!

Я нырнула, выставила над водой хвост и помахала им, словно участвовала в синхронных ныротанцах. Сама же не могла дождаться, когда увижу физиономию Мэнди.

Вынырнула и откинула мокрые волосы с лица. Тридцать человек стояли разинув рты. Над бассейном повисла полная тишина. Ни дать ни взять – статуи. Если бы мы играли в игру «Морская фигура, замри!», даже не знаю, кому из них нужно было бы вручать приз.

Первой очухалась Мэнди.

– Но... но... – запищала он. – Но это же... Да как тебе...

– Знаешь что, Мэнди, – рассмеялась я, – больше тебе меня не запугать! Я не боюсь, и мне чихать на то, как ты меня обзываешь. Ты не помешаешь мне быть самой собой и никогда больше не будешь надо мной издеваться, потому что я уплываю на далекий остров вместе с мамой, папой и...

В дверь громко постучали.

Боб пошел открывать. В коридоре стоял мистер Бистон с большущим пакетом в руках. Он что-то тихо сказал нашему инструктору.

– Да-да, конечно, – плоским, невыразительным голосом произнес Боб. – Я совсем забыл, входите. Ребята, сегодня у нас гость. Он расскажет нам кое-что интересное.

Мистер Бистон встал перед классом.

– А теперь, детки, – сказал он, – слушайте меня внимательно. Я расскажу вам о маяках и об опасностях моря. Но сперва, – он открыл свой пакет, – угощу всех вас булочками с сахарной глазурью...

Пока мистер Бистон разглагольствовал, я выбралась из бассейна. Казалось, обо мне все забыли. А скоро они забудут по-настоящему!

– Спасибо, – проговорила я одними губами, и мистер Бистон мрачно кивнул мне.

Потихоньку покинув бассейн, я торопливо переоделась и вышла наружу. Оглянулась и невольно улыбнулась.

– Прощай, 7-й «В», – прошептала я и пошла прочь.

Мы покинули Брайтпорт той же ночью. Мама, папа и я. Нас ждала новая, полная неизвестности жизнь. Я знала только одно: отныне я – русалка.

Только учтите: все это между нами!

Благодарности

Множество людей помогли этой книге проделать путь от моего компьютера до ваших рук. Я очень хочу поблагодарить:

свою маму – за то, что она недрогнувшей рукой подчеркивала из текста массу «трепещущих сердец» и прочих «жарких объятий»;

папу – за то, что он замечал детали, ускользающие от остальных;

Питера Б. – за оригинальное название;

Кэт – за придирчивый, острый взгляд;

Хелен – за все то, чему я научилась у нее, работая в *Cornerstones*;

Кэмерона – за его познавательные книги о морских обитателях с прекрасными иллюстрациями, которые очень мне помогли;

и другую Кэт, которая, в общем-то, не имеет к моей книге никакого отношения, зато она замечательная подруга.

Особые благодарности:

Ли – за дружбу, вдохновение и настрой на одной волне с моими героями;

Джилл – за наше совместное путешествие, во время которого она безропотно выслушивала мою бесконечную болтовню о русалках;

Кэтрин – за поддержку и чуткое руководство, а также за то, что она нашла для Эмили такой чудесный дом;

Джудит и Фионе – за то, что они лучшие на свете издатели.

Что осталось за кадром «Мира Эмили Ветрохват»

Радио «Морская волна» представляет:

Дамы и господа, русалки и тритоны, радио «Морская волна» с удовольствием представляет вам первое интервью из нашей эксклюзивной серии бесед с популярными знаменитостями. Я – Саймон Водоклейм, а рядом со мной – Шона Шелкопер.

Саймон: Шона, добро пожаловать на нашу передачу.

Шона: Привет.

Саймон: Э-э-э, громче, пожалуйста.

Шона: (Слышатся возня и покашливание.) Извините. Я никогда прежде не выступала по радио. (Нервный смешок.)

Саймон: Уже лучше! А теперь, Шона, расскажи нашим слушателям о себе. Для начала – о своих волосах.

Шона: О волосах? Это такой вопрос?

Саймон: Скорее, утверждение. Они великолепны! Необыкновенно блестящие и красивые.

Шона: Спасибо.

Саймон: Но в чем же твой секрет?

Шона: Никаких секретов. Скорее, каждодневная рутина.

Саймон: Расскажи же нам.

Шона: Ну ладно. Честно говоря, по утрам мои волосы выглядят так, будто я заразилась осьминожьим бешенством. Они спутаны и всклокочены. Поэтому первым делом я мою голову шампунем с экстрактом ламинарии, после чего наношу немного бальзама из медуз. Кроме того, я расчесываю их по сто раз утром и перед сном. Вот и все.

Саймон: И все?! Лично я пару раз провожу по шевелюре щеткой из анемона и уже считаю, что перетрудился! Ладно, плывем дальше. Расскажи-ка нам о себе. Какие у тебя любимые школьные предметы?

Шона: Ну, это легко! Больше всего я люблю уроки красы и осанки.

Саймон: А почему именно их? Если не считать, конечно, упражнений с гребешком?

Шона: Мне кажется, что именно эти уроки учат тому, что значит быть настоящей русалкой, как подобающе выглядеть, разумно говорить и вообще быть лучшей русалкой во всех морях. На красанке мы учимся всяким хитростям. Например, известно ли вам, что одна крошечная капля чернил каракатицы сделает ваш хвост в два раза ярче?

Саймон: Нет, лично я ни о чем таком даже не подозревал.

Шона: То-то и оно! Кто бы мог подумать, правда? И все это мы изучаем на наших уроках. Еще: какой тон нужно взять, чтобы твое пение услышали за много миль, как грациозно плавать и прочие прибойные штучки.

Саймон: Звучит потрясающе. Для тебя, по крайней мере. Меня же такие вещи просто в сон вгоняют.

Шона: (Смеется.)

Саймон: Ну хорошо, а какой твой самый нелюбимый школьный предмет?

Шона: Хм, наверное, практические занятия по кораблеспасению. Мне нравится слушать обо всем таком, но, когда надо своими руками разбирать заплесневелые обломки лодок, я боюсь за свой маникюр. Впрочем, в прошлый раз мы обнаружили старый обруч, я показала находку Эмили, и она научила меня его крутить. Было ужасно весело! Мы крутили, крутили его, еще бы чуть-чуть – и создали бы настоящий водоворот! Потом мы играли: одна из нас держала обруч в руках, другая в него проплывала. К нашей игре присоединились дельфины. Это было суперприбойно!

Саймон: Да, звучит довольно весело! Думаю, мне известен ответ на следующий вопрос, но я все равно должен тебе его задать. Кто твоя лучшая подруга?

Шона: Эмили Ветрохват!

Саймон: Значит, я угадал! Что тебе особенно в ней нравится? Почему ты считаешь ее своей лучшей подругой?

Шона: Она самая преданная девчонка, которую я когда-либо встречала. Эмили готова сражаться за то, во что верит, защищать тех, кого любит, и не пасовать перед трудностями. Я бы не задумываясь доверила ей свою жизнь. Она потрясающе прибойная! А еще с ней весело.

Саймон: Весело? Тогда расскажи нам, чем вы обычно занимаетесь.

Шона: С ней я чувствую себя очень смелой и могу отправиться хоть на край моря. Взять хотя бы сегодняшний день. После окончания суда все тут же оказались ужасно заняты. Мы поболтались немного по округе, и Эмили сказала, что надо сплавать на разведку. Нептун накрыл огромный стол для всех желающих, так что мы набрали себе еды: всяких там пирогов с икрой, суфле из морской капусты и салата с меч-рыбой. Захватили по бутылке газированного рассола и уплыли.

Саймон: Куда же вы отправились?

Шона: К Большому Тритоньему рифу. И нашли там огромную пещеру. Внутри было так темно, что мы почти ничего не видели. На входе, точно стражник, сидел большой омар. Одна я ни за какие креветки туда не сунулась бы, но с Эмили мне ничего не страшно. Она щекотала омара до тех пор, пока он нас не пропустил. В глубине пещеры живут светящиеся рыбы. В их бледном свете мы ели принесенные с собой вкусности и рассказывали друг другу страшные истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.